Протоиерей
Вячеслав Винников

"Я поверил от рожденья в Богородицын Покров..."

1999

Table of Contents

ОТ АВТОРА
Е.И.Волкова. Книга жизни. Настоящий Батюшка
МАМА
ХРАМ И ДОМ В ХАМОВНИКАХ
СЕМИНАРИЯ
МАТУШКА
АРХАНГЕЛЬСКОЕ
СЛУЖЕНИЕ
МОЛИТВА
КРЕСТИНЫ
ИСПОВЕДЬ
ПРИЧАСТИЕ
ВЕНЧАНИЕ
ПРАЗДНИКИ
ПАМЯТЬ ИХ В РОД И РОД…
МАТРОНУШКА
ЦАРСТВЕННЫЕ МУЧЕНИКИ
СКАЗКИ ЕСЕНИНСКОГО ЛЕСА

Annotation

Книга московского священника о.Вячеслава Винникова представляет жизнь автора в тех её моментах, когда присутствие Бога было особенно очевидно. Духовные воспоминания в жанре зарисовок воссоздают православный мир московских Хамовников, поэтический образ Архангельского, раскрывают глубинную событийность церковных будней и праздников, поднимают серьёзные вопросы современного Русского Православия. Отдельная глава книги посвящена христианской интерпретации поэзии Есенина, чьи строки пронизывают многие зарисовки. Книга подготовлена к изданию духовными детьми о.Вячеслава. Издание адресовано самому широкому кругу читателей.

Составление, редактирование и вступительная статья Волковой Е.И.

ОТ АВТОРА

НЕЗАБВЕННОЙ ПАМЯТИ ТАМАРЫ И МАМЫ, «КОТОРЫХ ЛЮБИТ ДУША МОЯ» (Песнь Песней 3, 4)

Замысел этой книги возник на занятии в Воскресной школе. Беседуя с ребятишками и их родителями, я часто рассказывал о себе. Одна из мам как-то сказала: «Батюшка, Вы бы обо всем этом написали». Я написал, а духовные дети собрали из моих записей книгу.

Мое приобщение к священническому служению начиналось под Покровом Божьей Матери, в Покровском академическом храме Троице-Сергиевой Лавры. А еще раньше мальчишкой я посещал московский храм Покрова на Землянке, где по средам читался акафист Покрову Божьей Матери. Помню молодого длинноволосого священника со строгим лицом, который стоит на коленях и читает акафист, а весь храм, полный

народа, в едином порыве взывает: «Радуйся, радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором!». Мне казалось, что я тогда находился не на земле, а на небе.

Поэтому я решил дать своим зарисовкам это есенинское небесно-голубое название: «Я поверил от рожденья в Богородицын Покров». Эта книга — знак благодарности тем, кто помог мне обрести себя в моем служении Богу, тем, кто поддерживал меня на этом пути, не оставлял своей молитвой. Для меня она стала своего рода памятником моим самым дорогим и близким людям — матушке Тамаре и маме, которым я и посвящаю свои воспоминания. Без их поддержки мне было бы очень трудно проходить свое пастырское служение.

Я глубоко благодарен всем тем, кто оказал посильную помощь в работе над книгой, приложил свое умение и сердце. Я особо благодарен моей соработнице на ниве Христовой и моему редактору Елене Волковой и ее дочке Маше. Благодарю всех помощников: Дмитрия Мачабели и Наталию Стефанову, Наталию Земцову, Ларису Павловну Шендерей, Галину Горбунову, Марину Карпец, Светлану и Наталию Жук. Моя сердечная благодарность Рубену и Ирине Сатахцян, а также Алексею и Ольге Валиховым за материальную поддержку в издании книги.

Если по прочтении этой книги хотя бы один человек приобщится ко Христу, если она поможет ему в становлении Христианской жизни, я буду считать, что не зря ее написал и что не напрасно живу и служу на этой земле…

Протоиерей Вячеслав

Е.И.Волкова. Книга жизни. Настоящий Батюшка

КНИГА ЖИЗНИ

Писание книг издревле почиталось на Руси святым делом. *Учение книжное* было полезным для души, исполненным любви к Богу и ближнему. Наши предки сравнивали писателя с землепашцем, который *засевает* Русь *книжными словесы,* дабы земля наша давала духовные всходы. Писатель в идеале должен быть *духовным лицом,* то есть человеком, живущим в духе истины и благодати. В наши дни, когда русская литература возвращается на духовные круги своя, всё увереннее звучат голоса писателей-священников: митрополита Антония Сурожского, Архимандрита Кирилла Павлова, о.Александра Меня, о.Георгия Чистякова, о.Дмитрия Дудко, дьякона Андрея Кураева, о. Артемия Владимирова и многих других. Переиздается забытое наследие Святых Отцов Церкви, оживает богословская мысль, заполняются страницы церковной истории XX века. Русская Церковь стремится после долгих лет вынужденного молчания как можно полнее рассказать о своих подвигах и страданиях, донести до людей Божье слово и по возможности раскрыть им правду о русской церковной жизни, чудом сохранившейся во времена гонений и запретов. Пока ещё не написана полная история Русской Церкви XX века, остается много спорных вопросов и темных пятен в истории взаимоотношений Церкви и советского государства, идут богословские и политические баталии внутри церковных стен…. В этой ситуации личный опыт христианина, его переживания и убеждения, могут дать гораздо более целостное представление о внутреннем состоянии Церкви, чем исторические концепции, подчиненные политическим интересам. В конце концов, удивительно не то, что Церковь сохранила свои институты власти (которые поддерживались и использовались советским правительством в антирелигиозных целях), а то, что русские церковные люди смогли в годы преследования и запустения сохранить нелицемерную веру в Бога, христианскую любовь к ближнему и снисходительность к врагу. В книге протоиерея Вячеслава Винникова вы откроете для себя *внутреннюю Церковь настоящего русского священника* — мир его молитв и воспоминаний, потерь и упований. Вам откроется душа, наполненная тихой благодатью и глубокой любовью, крепкой верой и возвышенной устремленностью в Царствие Небесное. Миниатюрный жанр зарисовки позволяет увидеть жизнь в её мозаичной сложности: бытовые сцены плавно переходят в размышления, прошлое переплетается с настоящим , возвышенный слог оттеняется шуткой. Перед вами — *книга жизни*: книга-проповедь и книга-исповедь, — она, как сама Церковь, включает в себя иконы и молитвы, мирян, священнослужителей и небожителей; подобно Церкви, она утишает земную боль, возвышает и умудряет своего читателя.

НАСТОЯЩИЙ БАТЮШКА

Протоиерей Вячеслав (Вячеслав Николаевич Винников) родился 13 апреля 1938 года в московских Хамовниках. Когда младенца собрались крестить в храме Николая Чудотворца , то увидели, что он не подает признаков жизни. Священник Павел Лепехин сначала отказался крестить «мертвого» ребенка, но, уступив уговорам, всё же взял его в руки, шлепнул, младенец закричал, и его опустили в купель.

Маленькому Славушке выпало всего три года безмятежного довоенного детства, которые он будет всю жизнь вспоминать как *потерянный детский рай*, в котором у него был Папа. С темы *ожидания отца* и начинается эта книга:

Мы с мамой долго ждали папу с войны. Все думали, что придет. Я часто шел за каким-нибудь мужчиной по улице, надеясь, что вот сейчас он обернется и это будет мой папа.

Николай Васильевич Винников (1910-1941) погиб под Калугой, где и похоронен на братском кладбище. Мама отца Вячеслава — Елена Феофилактовна (Филатовна) Винникова (1912-1995) родилась в Москве, а детство провела в деревне Малая Ития Рязанской губернии. Она всю жизнь хранила память о погибшем муже и говорила, что *после такого супруга второй раз замуж не выходят*. Тридцать четыре года она каждый понедельник пела акафист преподобному Серафиму Саровскому в церкви Пророка Илии Обыденного, потому что во сне ей было открыто, что в этом храме теперь *духовно пребывает её муж.* Не только судьба, но и облик её чем-то напоминал Ксению Петербуржскую: мужские ботинки на маленькой женской ноге, простая, немного неуклюжая одежда, несколько платков на голове, и… всегда ясные сияющие глаза на чистом детском лице. Она была чудесная рассказчица, любила в лицах изображать старую Москву, сама всегда увлекалась тем, что изображала, смеялась и радовалась картинам прошлого. Глядя на нее, трудно было представить, сколь тяжелая вдовья

судьба выпала на её долю. Елена Филатовна одна поднимала сына и ухаживала за парализованной мамой: мыла полы, убирала, шила на стареньком «Зингере». Жили очень трудно, но всегда уповали на Бога, молились дома и в храме, а в своей подвальной комнате принимали христиан со всех концов России. Один из гостей как-то обронил: «У вас вся Сибирь в подвале». Приезжали к Винниковым простые монахи и архиереи, семинаристы и профессора Духовной Академии, — адрес семьи из Хамовников многие знали как верный приют для христиан, приезжавших в Москву.

Слава Винников жил в семье двух молитвенниц: в их комнате на железной кровати много лет сидела его парализованная слепая бабушка Ариша, губы которой непрестанно произносили слова молитв за живых и усопших. К больной бабушке люди шли со своими просьбами, просили её молитв. Однажды в отчаянии пришла женщина, мужа которой посадили в тюрьму, бабушка долго молилась, и его чудом выпустили. Подобно пушкинской Арине Родионовне, бабушка Ариша рассказывала внуку сказки, легенды, пела духовные песни, — все её рассказы были проникнуты глубокой народной верой и мудростью. Вот одна из чудесных православных сказок бабушки Ариши:

Катится по улице бочка с золотом, а навстречу ей Сам Господь Иисус Христос. Спрашивает Он: «Куда ты бочка котишься?» И отвечает Ему бочка: »Кочусь я в Андреев дом». И говорит Господь: »Да у него и так всего полно, изба от богатства ломится. Котись лучше к бедной вдове, в Евдокиин двор, у нее семеро детей по лавкам сидят, и все есть хотят». Отвечает бочка: «Оттого я кочусь в Андреев дом, что ***у него ад не дополнен, а у бедной вдовы рай… не доплакан****».*

В доме рассказывали и семейные легенды: о том, как дедушка Феофилакт волков молитвой усмирил, а француза, управляющего фабрикой, от смерти спас, как хлеб в безбожные времена в уголь будет превращаться, и даже о том, как Сама Божья Матерь приходила бабушку Аришу причащать. Чудеса совершались и в самом доме: два белых голубя, например, садились Славе на руки, когда он выходил из дома, и сопровождали его до школы. Когда он выходил из школы, они опять сидели у него на плечах, затем влетали в форточку и обедали с домашними, клевали накрошенный для них на столе хлеб.

Мама отца Вячеслава воспитывала сына в любви к Богу и уважении к Церкви. Она рассказывала, что объездила почти все святые места в России с одной единственной молитвой: «*Господи, не прошу у тебя ни здоровья для сына, ни счастья, прошу одного: не отпускай моего сына от Себя!»* Самым счастливым в жизни матушки Елены стал день, когда её сын был принят в Московскую Духовную Семинарию. Когда же по окончании Семинарии Вячеслав был рукоположен в священники, то она сказала : «Выше служения священника нет ничего на земле, сынок. Служи и не жди награды. Помни, что служение твоё — это чудо, которое Господь сотворил с тобой». Чудом было то, что её слабый больной сын, который не раз находился на грани жизни и смерти, теперь стоял у престола Божьего и совершал литургию! Ей он всегда казался маленьким мальчиком. Однажды в храме она спросила молодую маму, чей восьмилетний сын Гоша прислуживал в алтаре: «Это Ваш сынок?» — «Да», — ответила мама, не зная, с кем разговаривает. «И мой сыночек ***тоже*** здесь служит», — радостно поведала Елена Филатовна об отце Вячеславе — старшем священнике Антиохийского подворья.

Елена Филатовна почти всегда приходила в храм, когда служил её сын, а во время молебна вставала за ним и звонким девичьим голосом просто и радостно пела. Рядом с высоким отцом Вячеславом она действительно казалась маленькой девочкой-старушкой. Голос у нее был удивительно чистый. Когда о. Вячеслав отпевал маму в храме Феодора Стратилата, то казалось, что и на смертном одре она подпевала сыну, провожающему её *в путь всея земли.* В наследство батюшке она оставила правило ежедневного пения акафиста Божьей Матери «Споручница грешных», которое сама выполняла многие годы.

Я вспоминаю, как она умирала, уже плохо произносила слова, а я сидел у её постели и пел этот акафист, и, если я останавливался, мамины губы еле слышно шептали слова акафиста, который она знала наизусть.

Чудотворная икона «Споручница грешных» в храме Николая Чудотворца в Хамовниках была особо почитаема в семье. Елена Филатовна считала за честь мыть ступеньки, ведущие к иконе, а её сын всю жизнь чуть ли не каждый день приезжает к Матушке Споручнице за благословением и поддержкой. Часто в ответ на просьбу прихожан о молитве батюшка Вячеслав отвечает: «Я помолюсь Споручнице, а вы потом поезжайте в Хамовники и поблагодарите Божью Матерь за помощь». Храму, дому и иконе в Хамовниках посвящены одни из наиболее поэтических страниц книги.

В 1956 году на праздник Успения Вячеслав Винников уезжает из Хамовников в Троице-Сергиеву Лавру, где несколько лет живет в общежитии Духовной Семинарии. Здесь каждое утро он бежит за благословением к Преподобному Сергию Радонежскому, прислуживает алтарником в храме, осваивает богословскую премудрость. В семинарии же он встречается с молодыми защитниками Церкви — Дмитрием Дудко, тогда уже отсидевшим в тюрьме за исповедание Христа, и Глебом Якуниным, молодым, свободным, полным горячей веры и решимости отстаивать свое представление об истинной христианской Церкви. Тяжелая болезнь прерывает учебу, и только в 1970 году тридцатилетний сотрудник Издательского отдела Московской Патриархии решает принять священство. Сам Господь его подталкивает к этому решению. «Гнал» меня Господь, — рассказывает батюшка, — выгнали меня из храма Иоанна Воина по неясным причинам, уволили из Издательского отдела, и я оказался у владыки Киприана, который меня и рукоположил. Всех бы так “гнали” в Церковь». Священство осознается им как большая ответственность перед Богом.

Если ты становишься священником, то это навечно, навсегда, и ни мучения, ничто и никто не должны тебя устрашить на этом пути. (…) По рукоположении новому иерею вручается дискос с частицей Святого Агнца со словами: «Приими залог сей, о нем же истязан имаши быти в день Страшного Пришествия Господа нашего Иисуса Христа».

Архиепископ Киприан Зернов рукополагал Вячеслава Винникова в храме Всех скорбящих Радости на Ордынке 15 февраля 1971 года — на Сретение.

На Сретение зима с летом встречается, а человек — с Богом. Сретение — моя личная Пасха, которую Сам Бог сотворил для меня: я нагнул голову, Господь накрыл меня и оставил в епитрахили… Аксиос, аксиос, аксиос… достоин.

Глава «Служение» преимущественно состоит из встреч с разными людьми, каждая из которых одновременно предстает как встреча с Самим Спасителем. Отец Вячеслав любит повторять, что священник представляет на земле Самого Бога, а потому ответственность его велика перед людьми. Он не может быть простым исполнителем треб: если человек приходит креститься, то батюшка должен словами коснуться его души, дополнить таинство беседой, почувствовать состояние человека и найти единственно верные слова, которые бы обратили человека к Богу. Иначе крещение может не изменить жизни человека, остаться в его глазах пустым, но необходимым обрядом. Во время крестин можно увидеть, как батюшка трудится в поте лица, стараясь буквально преобразить людей, пришедших в храм. Многим из них он стал крестным и духовным отцом: его крестники служат в Даниловом, Новодевичьем и других монастырях, подвизаются на Святой Земле. А когда-то некоторые из них не знали ни одной молитвы.

Самой трудной для нас, прихожан, является встреча со священником на исповеди. Реакция отца Вячеслава на исповедь порой неожиданна: он может посчитать незначительным то, что тебе кажется тяжелым грехом, и полностью опровергнуть твое представление о «правильном» отношении к людям. При этом он всегда милосерден, полон любви и снисходительности к кающимся. Часто добавляет: «Да, да, и со мной такое случается. Это минута слабости. Нужно пережить её и вновь подниматься, приниматься за молитву». И человек чувствует, что он не один, а вместе с батюшкой борется с грехом, вместе отвечает за содеянное перед Богом.

О.Вячеслав обладает удивительной способностью чувствовать другого человека до такой степени, будто он становится им, переживает *его* грехи, мучается *его* проблемами. В отношениях с паствой для него главное — человек, к которому он относится как к драгоценному сосуду, понимая, что любое неосторожное движение может разбить его вдребезги.

— Отец Вячеслав, я иногда думаю: вот я, грешная, нехорошая, и злая бываю, а почему меня так Бог любит, за что?

И на глазах её слезы. Я ей отвечаю:

— И я, милая, грешный, нехороший и никудышный, и тоже думаю, за что меня так Господь любит?

И на глазах у меня тоже слезы. И так хорошо и благодатно, и Господь посреди нас.

Когда видишь отца Вячеслава в храме или в школе, окруженного детьми, то понимаешь, почему священников ласково называют «батюшками». Даже усталый и больной, он оживает среди детей, а они едут со всех концов Москвы и из пригорода к своему батюшке «на урок», который больше похож на домашнюю беседу — обо всем, и всегда об Одном — о Боге.

В октябре 1989 года при Антиохийском подворье была открыта первая официальная Воскресная школа в Москве. Владыка Нифон, епископ Филиппопольский, решился первым (иностранец, он и при советской власти чувствовал себя достаточно независимо: крестил, к примеру, без паспортов): пригласил преподавателя церковного пения, старославянского языка, место школьного законоучителя предложил отцу Вячеславу. Тот обрадовался и растерялся, после стольких лет запрета на общение с

детьми ему предстояло прийти в класс и заговорить с учениками о Боге так естественно и просто, как, наверное, Сам Спаситель беседовал с рыбаками. Первые несколько лет занятия велись прямо в храме: маленькие дети сидели у ног батюшки, а ребята постарше — на скамьях перед ним. Вместе с детьми учились и родители, среди них сидела мама отца Вячеслава — Елена Филатовна, которая, по образу Богородицы, слушала поучения сына и молча слагала их в сердце своем.

Тактичность и терпение отца Вячеслава безграничны: за 10 лет занятий в воскресной школе он ***ни разу не сделал ни одного замечания детям(!)***, как бы они ни шумели, разыгравшись после богослужения. Всегда только радуется тому, что они пришли в храм. Его ученики уже выросли, некоторые приходят в школу со своими маленькими детьми — батюшкиными *духовными внуками.* У батюшки трепетное отношение к детям, чьи ангелы-хранители предстоят Престолу Божьему. Дети надеются на его молитвы, а он уповает на помощь маленьких духовных чад.

Может быть, благодаря нашему вниманию к детям, Господь и нас, старых и дурных, не оставит, а посмотрит на нас и скажет: «Тянутся к детям — и то слава Богу, может, и станут как дети, и войдут в Моё Царствие Небесное».

Терпение — плод страданий. Прочитав книгу, вы узнаете, что отец Вячеслав практически всю жизнь ухаживал за больными женщинами: одиннадцать лет лежала парализованной его бабушка, затем долго и тяжело болела мама его жены Ефросинья Тимофеевна, пятнадцать лет была больна матушка Тамара. В целом более тридцати лет батюшка провел в заботах о тяжко болящих ближних своих, но никогда не видел в этом особого страдания или *несения креста*. Сам страдая от разных недугов, он с любовью пишет о болезни, как о посещении Божьем, которое очищает человека, дарует ему особую молитву, приближает к Небесному Царствию. «В боли твоей — Господь», — говорит он, — и боль отпускает. Алексеевскую больницу, куда однажды была увезена матушка, он назовет обителью мучеников и будет мечтать о служении в храме Всех скорбящих Радости, что недавно открылся на её территории.

Эта книга — о любви к Богу и ближним. Любовь к Богу и Богородице, видимо, наполнила сердце священника столь нежной трепетной любовью к маме и жене — матушке Тамаре. Им посвящена книга, их образы почти в каждой зарисовке, в них батюшка видит радость жизни и путь к спасению. После того, как в 1995 году мама Елена и матушка Тамара перешли в мир иной, о.Вячеслав практически *каждый день* спешит на Даниловское кладбище (порой затемно, чтобы успеть к ранней литургии). Цветочники, завидев его, наперебой предлагают цветы по заниженной цене или даром; они говорят, у того, кто продаст цветы батюшке, торговля будет удачной.

Мама и Тамара, Тамара и мама, — повторяет батюшка изо дня в день в молитвах, мыслях и слезах, чувствуя их близость и чая будущей встречи в Царствии Небесном.

Мы верим, что не умерли наши близкие, а уснули, дабы проснуться в день Воскресения. Не теряем мы своих близких, а приобретаем, потому что Там они становятся ближе к Богу, их просьбы быстрее до Бога доходят, и мы приобретаем большую от них поддержку. У Бога будет и наша последняя встреча с ними, после которой уже не будет разлуки, ибо та встреча будет вечной….

Тяжёлые страдания наделили русского человека особым чувством юмора, который он порой обращает на самого себя. Батюшка часто называет себя никудышным

грешником и ссылается на владыку Антония Сурожского, который на слова «Владыко, Вас очень любят в России», ответил: «Не знают, потому и любят».

Горят лампадочки, тишина и покой, тикают часы, и бежит время… Минута, вторая, что-то часы оттикивают, а что — попробуй их пойми, они тикают своё: тик-так, тик-так… Славка — дурак…

Когда зарисовки читали детям в Воскресной школе, они были возмущены: «Как батюшка может такое о себе писать?» Может, потому что он *настоящий батюшка*, способный видеть высокое только в других, а низкое — только в себе. Отец Вячеслав обладает удивительной способностью видеть человека только с той стороны, которой тот обращен к Богу. Всё остальное в людях становится для него как бы невидимым, несуществующим.

Таково отношение батюшки не только к духовным детям, но и к писателям, поэтам. Он часто цитирует стихи во время проповеди, в советское время собирал стихотворения на духовные темы, почти всего Есенина знает наизусть. К Есенину в семье Винниковых особое отношение. Елена Филатовна родом из рязанской деревни, для нее стихи Есенина как бы вырастали из рязанских раздолий, храмов, изб, праздников и частушек. Есенинские строки звучали в доме, переплетаясь со сказками, житиями, словами молитв. Есенин родственен батюшке, стихи звучат для него не со страниц книг, а из собственной души. Вся книга пронизана есенинскими строками, им же посвящена отдельная заключительная глава, в которой автор бережно выстраивает православный мир поэта. О.Вячеслав не ставит перед собой задачу всестороннего анализа творчества Есенина, не анализирует он и его творческий путь. Противоречивость Есенина-художника остается за рамками этой книги. Подход священника отличается от метода литературоведа или биографа. Духовное восприятие в данном случае подобно молитве. «*Когда вы молитесь об усопших*, — наставляет батюшка, — *вспоминайте всё хорошее, что они сделали на земле, — тем самым вы облегчите их положение* ***Там***». Применяя этот принцип к восприятию искусства, можно сказать: «Когда вы читаете стихи, слушаете музыку, смотрите спектакль, — выделяйте то, что может возвысить вашу душу, что обращено к Богу, — и тем самым Вы возвыситесь сами, и облегчите положение художника *Там*, если его нет уже на земле». Духовность о.Вячеслава поэтического склада, она чутка к красоте природы и слова, видит мир в гармоничном согласии и любви, растворяющих вражду и ненависть.

Людям, склонным к «трезвому», «реалистическому» взгляду на жизнь, книга о.Вячеслава может показаться надуманной. Один молодой священник, прочитав рукопись, сказал, что жизнь в этой книге *приукрашена.* И это действительно так: *жизнь приукрашена, преображена любовью к ней и к Богу.* Когда в душе человека рождается *Царствие не от мира сего*, его взгляд на жизнь *из окна небесного* открывает нам райские образы там, где мы, по греховности своей, видим картины земного ада. Слепой мальчик, собирающий милостыню в метро, оборачивается евангельским слепым, увидевшим Бога; парализованная старушка спасает своей молитвой молодых и здоровых; слезы скорби теплыми потоками согревают сердца; могилы расцветают уголками райского покоя…. Благодаря Богу внутри нас, возвышается мир окружающий, и земля поднимается к небу.

Земное и небесное встречаются в зарисовках батюшки, и мир духовный преображает события нашей жизни. Надежду на духовное преображение России о.Вячеслав связывает с покаянной молитвой народа к Царственным мученикам, с почитанием новомучеников Земли Русской, с отказом от безбожных разрушительных идей коммунизма.

«Царю Небесный, — *поем мы, —* ***прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны»****. Обратимся ко Господу, чтобы он послал нам и Царя земного, чтобы тот пришел на нашу землю и поселился у нас, и очистил нас от страшного греха цареубийства, от безбожной скверны, одолевшей нас, и своим прощением спас нас и наши души.*

Православный путь преобразований всегда был молитвенным путем, сначала человек посылает свои мольбы к Богу, а затем с Божьей помощью трудится и порой достигает невозможного. Эта книга может быть названа *книгой-молитвой,* чтение которой соединит в молитве автора с его читателем.

Духовная дочь отца Вячеслава
Елена Волкова

МАМА

***

Мы с мамой долго ждали папу с войны. Всё думали, что придёт. Я часто шёл за каким-нибудь мужчиной по улице, надеясь, что вот сейчас он обернется и это будет мой папа.

Однажды мама видит сон и рассказывает его бабушке: «Снится мне женщина и говорит: “Ты что всё плачешь о Николае, иди во 2-ой Обыденский переулок, дом № 3, он там живет”. Бабушка посоветовала маме: «Знаешь, Лена, поди сходи, кто знает, может, и правда, может, семья у него там». Мама и пошла. «Иду, — говорит, — смотрю на дома, ищу дом № 3, а это — церковь». Мама пришла и рассказала об этом дома. Тогда бабушка ей и говорит: «Теперь, Лена, не жди, он погиб и никогда не придёт, молись за него».

Это оказалась церковь Святого Пророка Илии, в которой потом мама тридцать четыре года по понедельникам пела акафист Преподобному Серафиму Саровскому.

***

По понедельникам по дороге в церковь Пророка Илии она обычно выходила из метро к бассейну «Москва», где раньше был Храм Христа Спасителя, огибала его справа, поднималась по лестнице на площадку, а затем переходила улицу и направлялась к храму . «И вот как-то раз, — говорит она мне, — выхожу я на эту площадку, невольно поднимаю глаза к небу и… вижу — стоит ***сияющий Христос…*** Я это так просто приняла, как будто так и надо… посмотрела ещё раз, и он исчез… Ты, сынок, никому не говори…» Она показывала мне то самое место, где увидела Спасителя, и рассказывала, как это было. Теперь мама умерла, и я хочу со всеми поделиться её видением, которое свидетельствует, что место Храма Христа Спасителя святое, несмотря на то, что оно было осквернено.

***

У мамы было извещение о том, что папа похоронен в Калуге, на братском кладбище. Первые годы она этому не верила, так как многие возвращались домой и после похоронок. А когда я стал батюшкой и служил в Измайлове, то мы решили найти могилку папы. Братское кладбище в Калуге — это гигантское поле, разделенное на квадраты, на котором высится огромная стена с именами погибших. Начали мы читать имена на стене, а сами плачем и ничего не видим… Затем успокоились и прочитали: **Винников Николай Васильевич.** Мы с мамой обнялись и замерли, ни слова не могли вымолвить. Потом пропели панихиду…

Затем ещё несколько раз приезжали на это кладбище, расположенное рядом с храмом. Сейчас храм открыт, а тогда в нём устроили гробовую мастерскую. Как-то в один из приездов мы решили обойти храм и, когда поравнялись с алтарем, то услышали звуки гармошки. Я заглянул в окно и увидел мужичка, который сидел на гробу и наигрывал какую-ту мелодию… Наверное, о светлом будущем, в которое нас всех хотели загнать…

***

Народное поверье говорит, что погибшие на войне пребывают в раю. И я как-то всегда спокоен за папу, хотя и усердно молюсь за него. Нет у меня чувства, что он где-то мучается за свои грехи. Видно, у Бога особое отношение к тем, кто *жизнь положил за други своя.* А мы, оставшиеся на земле, это чувствуем. Чувство уверенности никогда не покидало ни меня, ни мою маму. Она, бывало, заплачет, а потом успокоится и скажет: «Нет, ему там хорошо».

Но молиться за погибших воинов надо, им тогда там будет ещё лучше!

***

Как мама с папой познакомились

Как-то мама со своей подругой шли по площади у Киевского вокзала и увидели красивого стройного милиционера. Мама и говорит: «Давай познакомимся с ним, подойдем и спросим, сколько сейчас времени».

— Скажите, который час?

Милиционер удивленно посмотрел на них и говорит:

— Вон вокзальные часы, по ним и смотрите.

Повернулся и пошёл от них прочь.

Вскоре другая знакомая предложила маме познакомиться с симпатичным молодым человеком и привела его в гости. Маме он сразу понравился, но она никак не могла вспомнить, где же она его раньше видела. Оказался он тем самым милиционером, у которого она спросила время на Киевской площади. Вот тебе и «который час», за которым пришел час свадьбы-женитьбы и расставания.

***

Помню, как папа приезжал в Софрино, где я жил на даче у дальних родственников. Там был ещё один мальчик, которого тоже звали Слава. Когда папа шел по деревне, я бежал ему навстречу и кричал: «Я на догогу не хожу, мне Слава говогит, там ковова забодает». Папа брал меня на руки и так шёл по деревне… Ещё помню маленькую скамеечку в хамовническом подвале, на которой сидит папа и надевает полосатые носки. Он хотел, чтобы я стал поваром (наголодался, видно, приехав из деревни в Москву), так я и стал «поваром», только духовным.

Когда папу взяли на войну, то мы с мамой поехали к нему на станцию «Сокол», где формировали его часть. Я всё просил у него звезду с пилотки, не давал им с мамой разговаривать, а он не знал, как меня успокоить. Мама провожала его до Белорусского вокзала, стояла на мосту и видела, как папа на перроне купил мороженое, но не смог донести до рта… так дрожали у него руки.

Когда я подрос, то прочитал папины письма с фронта: «Лена, мама, со Славочкой из подвала никуда не уезжайте, это недоступное убежище…. пришли мне мои краги и гуталин…. все продай, ничего не жалей, вернусь и всё опять наживем.». Но не вернулся, а остался лежать вдали от дома, на калужском поле, среди таких же отдавших свою жизнь за Святую Русь. Уходя, говорил маме: «Я за Советскую власть воевать не буду, а буду воевать за наш русский народ, за нашу страну». Уходил на войну с молитвой и с иконкой «Живые помощи» — так их всегда называли в народе… В 5 часов утра 18 июля 1941 года, на день Преподобного Сергия… В дверь постучал мужчина: «Собирайся, — говорит, — и иди в военкомат». Папа успел только сказать бабушке: «Мамка, ставь чайник, я сейчас вернусь…» Бабушка поставила… Так этот чайник и «стоит» 57 лет, всё

ждет своего хозяина. Мама всегда плакала, когда про это рассказывала, плакала бабушка, плачу и я… и не дай Бог никому и никогда ставить такой чайник.

Лежит у меня дома на буфете пакетик с землей с папиной могилки в Калуге: подойду, потрогаю, поцелую… посмотрю на папин портрет и, если не заплачу глазами, то внутри у меня такой плач, столько слез, что мал будет любой сосуд, чтобы их собрать… Плачет вся страна над не вернувшимися с той страшной войны… и будет плакать ещё долго-долго, да и затянутся ли эти раны когда-нибудь… Вот прошло 57 лет, а всё будто было вчера. Значит будем мы хранить память, пока сами не поседеем, пока внуки и дети наши не состарятся и их дети не забудут тех, кто сложил голову свою за Святую Русь!

***

Многие выросли без отцов после войны. Помню в хамовническом храме за ящиком стояла Антонина Филипповна, она как-то поглядела на меня нехорошо и назвала «рокоссовцем» . Я вначале не понял, что это значило, но потом догадался. Во время войны солдаты и офицеры из дивизии Рокоссовского останавливались на ночлег в московских квартирах, а потом рождались «рокоссовцы». Ошиблась Антонина Филипповна насчет меня, да что же, всякое бывает, не обижаюсь я на неё, много она делала для храма, да, кажется, потом и прощения у меня просила.

***

Степь да степь кругом
Путь далек лежит
В той степи глухой
Замерзал ямщик…

Когда эту песню пели соседи или её передавали по радио, мама вспоминала папу и плакала, а мне так становилось её жалко, что я не мог на неё смотреть и стоял рядом горем убитый.

Замерзал ямщик… Мама почему-то была уверена, что папа именно замерзал… и замерзая, погиб. Эта песня всегда была для нас потрясением… Папа погиб при освобождении Калуги в конце декабря, когда стояли сильные морозы, поэтому и *замерзал*… замерзнув для нас навечно.

И лишившись сил,
Чуя смертный час,
Он товарищу отдавал наказ:
Ты товарищ мой, не попомни зла,
В той степи глухой схорони меня…
А жене скажи, слово прощальное,
Передай кольцо обручальное…

Плачем мы, бывало, с мамой, и я никак её не могу успокоить, да и сейчас пишу и плачу… Наплывает эта песня на меня и несёт в те годы, когда папа был не так далеко по времени от нас… Война только что кончилась, все воспоминания и скорбь по нему были очень живы. Только недавно он ушел, ещё дверь за ним как будто не закрылась, ждет,

когда он вернется и закроет её за собой. Несмотря на похоронку мы его ждали всю жизнь, даже когда никакой надежды не оставалось, когда мама стала старенькой и я немолодым. Это чувство, видно, было в нас неистребимо, мы ждали, что вот-вот он придет и сядет пить свой недопитый чай, будет нам улыбаться и шутить, возьмет меня на руки… как на той вечной фотографии, на которую я сейчас смотрю.

Не ушел бы папа навсегда, может, я не наделал бы необдуманных поступков, была бы мужская рука надо мной, и маме со мной было бы легче. Папка, папка, лежишь ты в Калужской земле… Замело твою могилку снегом, замерзла она, как ямщик в той песне, и нет от тебя уже ни ответа, ни привета… только *степь да степь кругом, путь далек лежит, в той степи глухой замерзал… мой папка…* А мы стоим с мамой над могилкой и поём панихиду: *Со святыми упокой Господи моего папу,* которого я почти не помню, а мама очень хорошо помнит, и эту память о нем каким-то чудесным образом вложила в меня. Стоит он передо мной и говорит: «Садись на трехколесный железный велосипед, и я тебя покачу по нашему длинному коридору». Так всю мою жизнь и катит, а я заливаюсь радостным смехом: папка живой и всегда со мной… и никогда от меня никуда не уйдет, и никто его у меня не отнимет ни в этой жизни, ни в будущей…

А песня всё звучит и звучит над замерзшей степью…

Степь да степь кругом…

***

Монах из нашего храма, отец Владимир, часто бывает в Калуге у родственников. Заходит на братское кладбище, так как знает, что там похоронен мой папа. А по возвращению приходит к нам в алтарь и всегда передает мне от него привет.

Последний раз он был там на День Победы в 1997 году: на огромном поле епископ и человек двадцать священников служили панихиду по павшим воинам. Было очень много народа: все молились и пели «Вечную память» (и не было никаких гармошек, как в наш приезд с мамой, и не дай Бог, чтобы такое повторилось).

Погибшим воинам нужна наша молитва, наша любовь, наша память!

***

Перед войной мама работала в справочном бюро на Крымской и Павелецкой площадях. Начальником над всеми справочными в то время был некий Лавочников, кабинет которого находился на втором этаже Главпочтамта на Мясницкой. В то время было очень трудно уволиться с работы, и папа как-то сам пошел к Лавочкину просить, чтобы он отпустил жену посидеть дома с маленьким сыном. «Товарищ Лавочкин, отпусти жену, сын просит», — сказал он тогда, и эти его слова мама потом многие годы повторяла, когда по дороге на службу останавливалась у дверей Главпочтамта.

«Вот моя деревня, вот мой дом родной», — улыбаясь, говорила она и показывала на двери почтамта. Казенное заведение стало ей родным домом, потому что её муж когда-то, может, один раз поднялся по ступеням этого здания, а слова, произнесенные им в кабинете начальника, стали семейной присказкой: «Товарищ Лавочкин, отпусти жену, сын просит»…

«А сыну всего два года», — всегда добавляла мама, смеясь.

— «Пойдём, пойдём мамка, ты всегда одно и то же здесь говоришь, а то я на службу опоздаю…»

— «Сынок, ну надо же так, разве он знал, что ты здесь рядом будешь служить священником, ведь он здесь ходил и поднимался в это здание на второй этаж…»

И для меня здание почтамта стало родным: поднимаюсь на второй этаж, стою и думаю: по этим лестницам ходил мой папа перед войной. Когда я перехожу утром Мясницкую, спешу на службу, то произношу слова про родную деревню, Лавочникова и сына: за папу, за маму, и за себя…

«Вот моя деревня, вот мой дом родной, вот качусь я в санках по горе крутой… товарищ Лавочкин отпусти жену, сын просит, а ему всего два года…» Теперь сыну уже много лет, и он идет на службу, где по-прежнему *просит* за папу и маму, *да упокоит их Господь в селениях праведных…*

***

У Салтыкова-Щедрина есть повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил. А я хочу рассказать, как мама генерала без обеда оставила. Была война, голод, и мама старалась устроиться на работу в столовую. Была у неё знакомая повариха Зина, которая работала в военной столовой лётного училища, что рядом с Донским монастырем (сейчас там, кажется, Университет Дружбы народов). С большим трудом, при помощи этой Зины, мама устроилась туда посудомойкой. Работа маме понравилась: и сама поест, и домой нам с бабушкой что-нибудь принесет. И я, будучи совсем маленьким, лет шести-семи, приезжал к маме обедать, боялся (обычно от дома никуда не отходил), а ехал, есть-то хочется. Очень хорошо помню, как я ехал, как с трепетом подходил к училищу, из которого выходили молодые летчики… И вот однажды с мамой произошло следующее…

«Мыла я как-то посуду, убиралась, — рассказывала она, — уставшая и такая голодная, что прямо с ног валилась. Подошла к Зине:

— Зина, дай что-нибудь поесть, а то с ног валюсь.

— Иди на кухню, там в кастрюле суп стоит, вот и поешь, подкрепишься.

Я пошла, открыла кастрюлю, а суп-то куриный, и даже ножка в нем. Всё на свете забыла, сначала подумала, не взять ли домой, да вспомнила, что на проходной проверяют, вдруг найдут, скажут, что курицу утащила, и выгонят с работы. Не пропадать же добру, съем лучше сама, может, силы прибавятся, а домой что-нибудь другое, Бог даст, принесу. Села, да и съела весь суп, и ножку обглодала. Проходит какое-то время, смотрю: Зина бегает, меня ищет.

— Лена, ты суп куриный ела?

Я аж затряслась вся:

— Ела.

И чувствую недоброе.

— Да ты знаешь, чей суп съела? Начальника училища, генерала.

Я стою ни жива, ни мертва. А Зина говорит:

— Ты понимаешь, я генерала без обеда оставила, возьмёт и выгонит меня. Вот что, иди выручай меня, скажи, что есть захотела, вошла на кухню, увидела суп и съела, может и пронесёт, и обойдётся.

Постучалась, вхожу к нему. Сидит, насупился, спрашивает, где муж, с кем живу. Говорю: муж погиб, сынок маленький и мама слепая и парализованная. Стою, опустила глаза и жду, что скажет.

— Ладно, иди работай и меня больше без супа не оставляй.

И улыбнулся».

Вот такие были времена. А мамин суп был в другой кастрюле, мама просто перепутала, да и голодная была, другую кастрюлю не заметила. Дай-то Бог здоровья этой Зине, а если она умерла, то Царствие ей Небесное.

Важно, чтобы мы без «супа» не остались в той жизни, которая нас всех ждёт — там, если заслужим, и простым и генералам будет одно угощение — Царство Небесное.

***

У мамы в метриках написано: «Крещена в храме Воскресения Словущего, за Даниловым монастырем». Когда храм был закрыт, я несколько раз подходил к нему. На храме была вывеска «Фабрика зонтов» (интересно, хорошо те зонты работали или быстро ломались?). С возрождением Данилова монастыря стал возрождаться и храм. Мама в него заходила, когда там шли ремонтные работы. С трепетом вступал туда и я: здесь крестилась моя мама. Как-то я спросил маму моей матушки Тамары:

«А где Вы крестили своих детей?»

«Как где? За Даниловым монастырем… и Марию, и Нину, и Тамару, и погибшую на войне Веру».

— А имена батюшек, которые там служили, помните?

— Конечно, одного звали Павел, а другого — Петр.

Сейчас там настоятелем мой товарищ по Семинарии — отец Геннадий Бороздин, он же благочинный. В молодости, когда он был ещё Геной, им с женой Любой негде было жить, и моя мама приютила их на какое-то время в нашем подвале… Поистине подвал наш был благодатным укрытием: там побывали многие духовные лица и те, кто готовился к духовному поприщу. Недавно я был у отца Геннадия и сказал ему, что в этом храме крестилась моя мама. «Елену Филатовну помню, — сказал он, — и молюсь за нее». Слава Богу, что храм Воскресения Словущего не уничтожили… *Ах, безбожники, безбожники, что же вы натворили в стране?!*

***

Мамино детство прошло в деревне Малая Ития Рязанской губернии. Престольными праздниками у них были Успение Божией Матери и Иоанн Богослов. «Папаня запрягал лошадку, — рассказывала мама, — и все ехали в церковь. Весь церковный двор и прилегающая площадь были в подводах. Все радостные, веселые, нарядные: парни и девушки надевали лучшие рубахи и платья. А самые нарядные были лошадки, им вплетали в гривы разноцветные ленты, а к дуге прикрепляли маленькие колокольчики. Перед тем, как пойти в церковь, к лошадиным мордочкам привешивали мешочки с овсом, чтобы и они почувствовали праздник, жевали и слушали колокольный звон».

В храме все чинно молились. Но не только молитвой занимались… Было принято в церкви выбирать жениха или невесту, здесь как бы Сам Бог указывал тебе невесту или суженого, такие были Божьи смотрины. Не потому ли и семьи были крепкие, большие, по двенадцать-тринадцать детей, и почитание родителей было беспрекословным. *Храм соединял, храм воспитывал, храм учил семейной жизни…* Усталые, но счастливые возвращались домой, где всех ждал праздничный обед, приготовленный заранее: растапливай печку, разогревай обед и садись вкушать Богом данную пищу. И ни тебе телевизоров, ни танцулек и тому подобных неугодных Богу занятий…

***

Как мама в пионеры поступала

Тогда все вступали в пионеры, поддалась общему настроению и бабушка: «Все вступают, Лена, и ты вступай, только Бога не забывай, в церковь ходи». Ни бабушка, ни тем более мама не понимали смысла пионерской организации, а думали, что детей записывают просто для того, чтобы время вместе проводить и старшим помогать. Пионерский лагерь находился в Пушкине, в бывшем барском доме. Мама села в поезд вместе с подружками. Все были веселые и радостные. Двери тогда в поездах были очень тяжелые и хлопали очень резко, а когда их закрывали, захлопывались так, будто кого расстреливали. Когда подружка закрывала за собой дверь, то нечаянно защемила маме палец. Она от боли потеряла сознание, упала, палец почернел. Пришлось отказаться от поездки в пионерский лагерь, где её должны были принимать в пионеры, и вернуться домой. А дома бабушка сказала: «Лена, это тебе, а вернее мне, наука. Ни в какие пионеры не вступай, нехорошее это дело, греховное». Так моя мама ни пионеркой не стала, ни в комсомол, ни в партию не вступила.

***

Мама рассказывала, как детей «октябрили» вместо того, чтобы крестить благодатным крещением, и имена давали соответствующие: Октябрина, Владлен, Маркслина, Энгельсина, по новым коммунистическим «святцам». И «святость» на людей снизошла другая, и другая «благодать», от которой тогда все взвыли, и по сей день не могут опомниться.

Моя мама ходила в школу в Неопалимовском переулке, недалеко от Смоленской площади. Однажды преподаватель спрашивает её на уроке: «Лена, скажи, как люди при царе жили?» Мама отвечает: «Жили очень хорошо, мама рассказывала, что всего было много и все были довольны». После урока учитель остановил мою маму и сказал ей: «Лена, ты больше так не говори, разве можно такое рассказывать, и маме своей скажи, чтобы молчала». Бабушка моя всегда говорила напрямую.

***

В начале двадцатых годов мама работала в Центральном Доме работников искусств (в то время он назывался Клубом мастеров искусств). Она знала многих знаменитых артистов в лицо и даже у многих бывала дома: это и Барсова, и Блюменталь-Тамарина (у которой мама очень часто пила чай), и Владимир Хенкин, Ильинский, Кторов, Михоэлс, Утесов, Нежданова, Обухова, Москвин, Качалов, Яхонтов, Тарханов, Образцов, Миронова, Завадский, Охлопков, Мейерхольд, Козловский, Лемешев. Она мне много про них рассказывала, а рассказчица она была хорошая и всегда подчеркивала, что многие из них были верующими людьми. Мама особенно выделяла Нежданову и Обухову, потому что у них в квартирах были иконы. Маму все называли «наша Леночка». Однажды при полном зале на одном из собраний артистической элиты ей была вручена почетная грамота за хорошую работу.

Веру можно сохранить на любой работе и в любой должности. А всех ушедших в иной мир православных артистов, как правило, отпевали в храме «Взыскания погибших» на улице Неждановой (теперь Брюсов переулок).

***

Мама почему-то из всех актеров выделяла Игоря Владимировича Ильинского, на память знала его адрес — он жил сначала у Цветного бульвара, Второй Колобовский, 2 (она называла даже квартиру), потом — в Брюсовом переулке, где она тоже у него часто бывала: «Прихожу, он в голубом халате, очень красивый, голубые обои и горничная Даша. Очень приветливо всегда меня встречал, шутил и улыбался, говорил: «Дашенька, угости Леночку чаем». Маме нравились фильмы, тогда немые, с его участием: «Закройщик из Торжка», «Процесс о трёх миллионах» и др. Впоследствии я узнал, что Ильинский и его супруга были прихожанами храма Пророка Илии, что в Обыденском переулке. Видимо, мама чувствовала в нем что-то особенное, кроме дара актерства. Любила она рассказывать про выступления Владимира Хенкина, где он так смешил публику, что женщинам становилось плохо, и их в фойе буквально откачивали. Была она у Мейерхольда, видела его супругу, бывшую жену Есенина Зинаиду Райх и двух детей Есенина, мальчика и девочку, отмечала красоту Зинаиды Райх. Рассказывала про Утесова, как он встречал её тушем со своим оркестром и говорил ребятам-музыкантам: «А это наша Леночка». Маме тогда было девятнадцать лет.

Однажды мы с мамой были на Новодевичьем кладбище, идем аллейками, и вдруг издалека мама видит бюст и говорит: «Это Тарханов». Подходим, читаем: он и есть. Многих она узнавала, пока мы гуляли по кладбищенским дорожкам. Мама говорила, что ей был открыт доступ в любой театр, стоило только подойти к окошку администратору и сразу: «Ой, наша Леночка пришла», — и контрамарка была обеспечена.

Ушли все, кого она знала, с кем пила чай, ушла и мама, и, наверное, самое главное, чтобы все они встретились на Вечере Господней, в Его Царствии Света. Мы не можем здесь судить своими земными мерками, кто достоин Царствия Небесного, а кто не достоин, Один Господь *весть избранныя своя*.

***

50-е годы

Мама работает санитаркой в детской больнице №14 в Божениновском переулке, недалеко от Хамовников. Когда в день церковного праздника она входит в палату к детишкам, то обязательно поздравляет их: с Рождеством, с Пасхой, с Николой…, рассказывает детям о Боге, о Божией Матери, о Николае Угоднике.

Однажды маму вызвали к главврачу, в кабинете которого собрались заведующие отделениями, врачи и медсестры.

Главврач: «Лена, ты почему поздравляешь детей с праздниками, говоришь им о Боге? Если ты не прекратишь, то мы вынуждены будем тебя уволить».

Мама: «Что хотите со мной делайте, а я как говорила детям о Боге, так и буду говорить, как поздравляла с праздниками, так и буду поздравлять».

А у мамы в то время на руках была парализованная слепая бабушка и я подросток. Но с работы её не выгнали, смирились.

***

По большим праздникам мама говорила: «Сынок, ты сегодня в школу не ходи, иди в церковь, в школу в такой праздник ходить грех». А церковь была на пути в школу, и я старался незаметно прошмыгнуть в церковные двери, чтобы мои товарищи меня не увидели. Так в церкви и остался. Спасибо маме!

***

1975 год. Измайлово. Праздник иконы Божией Матери Владимирской.
Рассказ моей мамы:

«Подхожу к храму и слышу, как из открытых окон звучит чудесное пение. Надо же такому со мной случиться, думаю, что я на службу опоздала, как будто и рано выехала. Может быть, часы меня подвели? Вхожу в храм: псаломщик Василий Степанович читает Часы, народу ещё мало, и нет никакого хора…»

Каждый год затем в этот день мама бросала все свои дела и, хотя была уже старенькая и немощная, ехала на службу в Измайлово поблагодарить Божию Матерь за то чудесное пение, которое она слышала.

***

Каждый вечер, как даль затуманится,
Как погаснет заря на мосту,
Ты идешь, моя вечная странница
Поклониться любви и кресту…

В любое время года, в любую погоду мама шла поклониться Спасителю — это было её жизнью. Я всегда знал, что вечером маме можно звонить только после девяти. Не могла она усидеть дома, когда где-то шла служба, так любила Божий храм… А возвращалась всегда радостная, хоть и усталая, и сразу начинала думать о том, куда пойдет завтра. Иду, бывало, с ней, а она мне показывает: «Смотри, дорожку-то мою, по которой я хожу, заасфальтировали, хорошо-то как, а то мне трудно стало ходить… Правда, добрые люди помогают…» И рассказывает, как молодой человек её через лужу переносил, а она ему в ответ: «Сынок, дай тебе Господь здоровья, я ведь в храм иду…» Люди, по её словам, бывали довольны, что помогли верующей бабушке. А меня она всегда уверяла: «Ты за меня не беспокойся, мне сам Господь их посылает, иногда думаю, что никак одна я здесь не пройду, а смотрю, откуда ни возьмись кто-то появляется». Господь посылал ей помощников, ведь она шла в храм или из храма, а в магазины мало ходила, и то только за хлебом… Уж больно радостная возвращалась после службы, ничего ей было не надо, только бы службу отстоять. Рассказывала как-то: «Еду утром рано в лифте, а со мной мужчина.

— Бабушка, куда так рано?

— Да в церковь я, сынок.

— На, свечку за меня поставь, самому-то мне всё некогда».

А она радовалась, что кто-то повернулся к Богу.

Казалось, что храмы прямо для нее строились, так она в них спешила. Мама, мама, осиротели они без тебя, с каждым московским храмом ты была слита. Теперь захожу я в храм и думаю, что не хватает моей мамы: там она входила, здесь стояла и молилась за меня, за Тамару, за бабушку, за папу, за крестную и за всех, кого знала. Теперь мне некуда ей звонить и не узнать мне более, пришла она со службы или ещё нет. У нее там теперь другие службы, другие небесные храмы, и ангелы помогают ей перейти через лужи. Как не помочь старушке, когда она спешит на службу. Ведь она и там, наверное, каждый вечер одевается и идёт…

***

Во многих храмах мама пела на левом клиросе. Вижу её радостную в Хамовниках среди певчих в хоре Михаила Ивановича, которого все за глаза называли М**а**хал Иванычем, потому что он очень любил руками махать, особенно когда сердился на певчих. Бывало вбежит, запыхавшись, в алтарь (до которого от клироса один шаг) и жалуется: «Опять подрались, ничего с ними поделать не могу». Трудно ему было справляться со своими бабушками и тетушками, с их упрямством и нежеланием уступать друг другу место на клиросе. При этом все они были люди верующие, и клирос, видимо, был для них «испытательным полигоном», где нужно было выработать смирение и терпение, да ничего у них не получалось. Однажды они локтями вытолкали маму с клироса, а она смеялась: «Ничего, сынок. Они думают, что мне деньги нужны, а мне просто петь хочется…» Потом они её опять позвали: так мама и стоит перед моими глазами в углу клироса, и славит Бога, а Махал Иванович машет и машет руками….

Когда я служил в Измайловском храме, то мама пела в хоре у Василия Степановича, который густыми бровями своими походил на Брежнева. В то время про Брежнева пели частушку:

Брови черные, густые,
Речи длинные, пустые,
В магазине нет конфет,
Нам не нужен такой дед.

Василий Степанович походил на Брежнева бровями, но не речами и не делами, потому как всю жизнь славил Господа и любил оделять детишек конфетами. Запевала у него в хоре Анна Николаевна, а за ней вступали и все остальные. В этом хоре не дрались и не толкались, маму уважали. Она всегда удивительно легко вписывалась в хор: встанет, и как будто всю жизнь здесь пела. Если хор пел что-то незнакомое, то она немного отодвигалась в сторону и смущенно молчала. У нее был хороший слух и чистый, девичий, голос. Но главное, что у нее была глубокая вера и большое желание петь для Бога. Она всю жизнь сетовала, что в молодости не пошла петь в Хамовнический храм, когда отец Павел позвал её в хор, вот и отплачивала Богу поздним пением (правда, о. Павел звал петь за деньги, а мама везде пела бесплатно). Затем меня перевели служить в Антиохийское подворье, где мама вначале пела в хоре у Леонида Александровича, а затем — у Вячеслава Николаевича. Там её очень хорошо принимали, и радости маминой не было границ: «Сынок, ты знаешь, как Вячеслав Николаевич и его жена Валентина ко мне относятся? И обнимут, и поцелуют, и на лавочке место найдут посидеть, если я устану».

Почти всю жизнь мама пела в храме, и сейчас поет в храме Отца Небесного, где хором, в котором она поет, попеременно управляют то Махал Иванович, то Василий Степанович. К маме очень подходят слова «Пою Богу моему дондеже есмь», а в вечности человек всегда «есмь».

***

Любила мама со мной ездить награды получать. Награждение происходило в храме Взыскания погибших на улице Неждановой. Награды вручал архиепископ Питирим, и, вручая, всегда говорил, что мы их недостойны, а награды нам даются как бы авансом, чтобы мы ещё усерднее подвизались на ниве Христовой. Собиралось довольно много

батюшек и дьяконов, выходил из Царских Врат владыка Питирим на середину церкви, зачитывал указ Патриарха, брал награду, громко произносил «Аксиос!» («Достоин!») и возлагал на того, кто перед ним стоял, а все ответствовали: «Аксиос! Аксиос! Аксиос!» Потом все вместе с Владыкой фотографировались.

Божья Матерь Взыскание Погибших на всех нас взирала и радовалась. Зная наше недостоинство, думала, а вдруг они *получшают*, вдруг ещё большее рвение проявят к службе и молитве, и как тогда будет хорошо в наших храмах: и других призовут, тех, кто вне Церкви, помоги им в этом Господь, Мой Сын, да и Я помогу. А после награды мы с мамой шли до метро и благодарили Бога, на душе было радостно и светло.

***

Моя мама очень любила кормить голубей и называла их ласково — голубчики. Она собирала кусочки хлеба, которые оставались от обеда, размачивала их в целлофановом пакетике и выносила голубчикам. А если увидит брошенный кем-нибудь кусочек хлеба, то обязательно его подберет, раскрошит и покормит голубчиков. Она говорила, что они — Божьи птички, так как Дух Святой в виде голубя показался при Крещении Господа, и называла их ещё гульками. Как-то мы с мамой вместе вышли из дома, смотрю: они бегут за ней, садятся ей на голову, на плечи, а она смеется. А если увидит раненого голубчика или со связанными ножками, то обязательно поймает (они ей почему-то легко давались в руки), принесет домой, вымоет ранку, развяжет ножки, накормит и держит до тех пор, пока голубчик не выздоровеет и не наберется сил. В морозы мама специально покупала им крупу и подкармливала.

Сегодня вижу я сон: мы с мамой в нашей комнате в подвале, а через форточку влетают три белоснежных голубя. Один садится мне на руку, другой — на руку маме, а третий — на подоконник. Мы с мамой удивлены и рады, а затем я выпускаю их на улицу и крошу им хлебушек. Хлеб — это святыня:

Радуйся поле зерна золотого, —
Хлебом является Тело Христово.
(А. Солодовников)

***

Летите голуби, летите…

Все мое детство связано с голубями: в каждом дворе было по две-три голубятни. Самое красивое, конечно, — полет голубей. Бывало, глаз не оторвешь, часами наблюдая за их полетом, позабыв про обед и про ужин, шея болит, а ты все смотришь и смотришь, как они парят в небе. Сейчас редко где встретишь двор с голубятней, одни гаражи, ни сердцу ни разуму ничего не говорящие, все безжизненно и пропитано бензином. Видно, каждому поколению нравится своя атмосфера: то была голубиная и везде было слышно воркование, сейчас — бензинно-машинная, смрадная и злая. Голубятники в большинстве своем были добрые и открытые люди. Владельцы машин чаще замкнутые, печальные и нерадостные; будто купили себе обузу и сами не рады.

А голубчики, или гульки (как их называла мама), — это что-то светлое, радостное, святое. Они в Москве повсюду. Эта святая птичка — напоминание нам о Крещении Спасителя, о Голубе, на Него снисходящем и гласе с небеси: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его послушайте». Как чудесно!

Был у нас во дворе голубятник по прозвищу Кытя. Голуби у него были отменные, самые породистые, самые красивые, выхоленные, он на них тратил всю зарплату и все свободное время проводил с ними, с голубчиками, любил их, лелеял, и будка голубиная была что надо, залюбуешься. Однажды темной ночью замки сломали и всех голубей украли. Пришел рано утром Кытя к своей голубятне, а было ему лет 30, увидел этот разбой, открытую дверь родной будки, и нет ни одного голубчика, — всё, чем жил и дышал улетело, пропало как дым… Схватился за свое больное сердце, пошёл домой, лег на кровать… и умер. Вот, какие были тогда голубятники…

У меня в подвале дома в Хамовниках довольно долго жили два голубчика. Два чеграша. Подобрал я их больными, выходил, и стали они летать, но один из них был слепой. Будки у меня никакой не было, жили они в комнате в ящичке, ворковали, радовались, что были в тепле и ухожены… В комнате были иконы, от которых не только людям, но и голубчикам было тепло и хорошо. Вылетят в форточку, высоко-высоко, и не видно их… махну рукой, потом вытяну руку и жду, смотрю: пикируют, как два истребителя, только не железные, а живые и плотяные, и прямо на руку. Сейчас вспоминаю и думаю: неужели это было, неужели Господь давал такое счастье, и две живые душки, Божьи птички, были такими ручными, запросто садились на руку и не боялись. А один голубчик ведь был совсем слепой: это Господь им управлял, давал духовное зрение. Потому голубчик летел прямо ко мне и никогда он не ошибался.

Один раз, правда, что-то случилось, поймал его злой голубятник и посадил к себе в нагул. Пошел я искать своего слепого друга, смотрю: сидит он в нагуле (где голубей выгуливают), а сам нагул сверху накрыт сетчатой крышкой. Подошел я, узнал меня мой голубчик, рвется, крылышками машет. «Отдай, — говорю я хозяину, — это мой голубь». «Давай, — говорит, — десять рублей». А откуда у меня, пацана, деньги? «Тогда, — говорит, — иди отсюда, проваливай». Что-то я ему ответил, может, тоже неприятное. Уж больно жалко стало моего слепенького. Отошел шагов на десять и про себя: «Господи, помоги, освободи его как-нибудь, он ведь слепой». Оглядываюсь и вижу: нашел мой голубчик (даром что слепой) где-то в нагуле щелочку, вылетел и над моей бедовой головушкой пролетел как сказочный феникс-сокол, прямо к своему окошку, к своей родной форточке. И поглядел я торжествующе на злого дядьку-горыныча, покачал головой, улыбнулся и стремглав домой побежал. А голубь там уже со своим другом воркует, всё ему рассказывает.

Сколько же было в Москве голубей: умных, ласковых и прославляющих своего Творца. Ведь голубчики — это тоже *всякое дыхание*, *что славит Господа*, и ещё какое! Кто ещё из пташек сподобился такого признания своего Творца? Ведь Дух Святой парил над Крестившимся Господом в виде голубя. Помнить нам надо об этом, любить и кормить всякую тварь, а особенно голубчиков. Смотришь, на Страшном Суде они за нас замолвят свое голубиное словечко, и пощадит нас Господь ради этих милых пташек.

А всё это подсказала мне мама, сидела и шептала мне на ушко из той вечной и прекрасной жизни.

***

Не знаю, не помню,
В одном селе
Может в Калуге, а может в Рязани
Жил мальчик

В одной крестьянской семье
Желтоволосый
С голубыми глазами.

Моя мама тоже жила в Рязани и тоже в простой крестьянской семье. Вот только поэтическим даром не обладала, но очень хорошо чувствовала стихи, а через них и молитвы. Хорошие стихи — это Слово Божие, Дар Божий, Божия задумка, проявившаяся в стихах и обретшая плоть. Подобно тому, как молитвы имеют крылья духовные, обладают крыльями поэтическими настоящие — Божьи — стихи: они возносят нас к Богу. Самое главное, чтобы душа пела, чувствовала Бога и в стихах, и в молитвах. А Господь не отринет. Он всё и всех покрывает любовью — и меня и тебя, и наших мам, и наших жён, и наших детей.

Есенина мама любила и всегда говорила: он мой земляк, мы свои, рязанские, знала наизусть «Пахнет рыхлыми драченами», «Ты жива ещё, моя старушка» и почему-то очень часто читала: «Устал я жить в родном краю, в тоске по гречневым просторам, покину хижину мою…» и делала ударение на «Покину хижину мою», именно на эти строчки, может, вспоминала рязанское раздолье, свою деревню, а хижина — это, может, наше каменное жилище в Москве, вот и тосковала по своей избушке, над которой струился вечерний несказанный свет. Объясняла мне, что такое «драчены», «шушун», «панева», «дежка», смеялась и говорила : «А у нас в Рязани грибы с глазами, когда их *ядят*, то они *глядят*» и «Рязань косопузая», рассказывала про деревенские хороводы, про песни, про посещение церкви. Каким это было праздником для всех, особенно для детишек. Говорила: «Много было радости в той деревни, а теперь всё это ушло», говорила об этом с печалью и болью; рассказывала, в какие красивые одежды наряжались парни и девки, какие красивые ленты вплетали девки в косы, любила она рязанскую землю, рязанское небо и тех людей, что жили там. Раза два ездила на свою Родину и возвращалась немножко грустной, но просветленной. Говорила, что изба наша сохранилась и деревенские её узнали, зазывали в избы и угощали, все собиралась меня отвезти, но так и не получилось, жаль, конечно.

***

Мама всегда говорила: «Сынок, ничего человеку на свете не надо, кроме Бога, Церкви и молитвы. Молись, самое главное — молись, а всё остальное Господь пошлёт». Сама в это верила и меня приучала. Была она доверчива и проста, и много, очень много молилась за меня и за мою матушку Тамару.

***

Мама была очень хорошей рассказчицей, любила, например, рассказывать байку, как Пушкин женился: «Пришел он в один дом невесту выбирать, а там жили три сестры, и все картавые. Мать им и говорит: «Придет Пушкин, вы молчите, а то он услышит вас и никого замуж не возьмет». Сидят и ждут. Пушкин вошел и стал здороваться:

— Здравствуйте, барышни.

Молчание.

— Барышни, здравствуйте.

В ответ ни слова.

— Ах, значит, здесь никого нет… тогда можно и трубку разжечь.

Разжигает, и огонек падает на ковер. Первая не выдержала младшая сестра: «Каварер, каварер, поровик прогорер». Средняя ей с укором: «Ира, Ира, ты забыра, что нам мама говорира». Тут и старшую прорвало: « А ты б сидера и морчара, будто деро не твоё». Так все трое и проговорились.

Пушкин засмеялся и ушел, и выбрал себе невесту некартавую, Наталью, и обвенчались они с ней в храме Большого Вознесения».

Вот такая была моя мама.

***

Мама всё называла ласково, очень любила слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, говорила: «Вот, сынок, твоя *кружечка* и *блюдечко*, садись, а я сейчас *хлебушек голубчикам* готовлю». Телефон называла *телефончиком*, а холодильник — *холодильничком,* сидела *на балкончике*, молилась в комнатке у кроватки, носила халатик, в магазин ходила за хлебушком, в лесу собирала грибочки, малинку и земляничку… Даже *тараканчиков* ласково назвала, — так мама чувствовала, что все это — Божье, подаренное нам Богом. Дети говорят, указывая на икону: «Это — *Боженька*», так и мама моя во всем видела «*Боженькое*»: *цветочки, платочки, ноготочки, одеяльце, гардеробчик, почтовый ящичек…*

Теперь еду я к ней на *могилку* за её *благословеньицем*, за той лаской, которой она меня окружала*. Мамочка, мамулечка* моя, и *слезки* льются из глаз на ту сыру землю, в которой она теперь лежит под *крестиком* со Споручницей….

***

1998 год

Дьякон отец Сергий читает Евангелие о Страшном Суде. Я стою на горнем месте и слезы подкатывают к горлу: мама любила это евангельское чтение, знала его наизусть и часто читала мне вслух духовный стих о Втором Пришествии Спасителя. «Садись, сынок, послушай:

Христос с учениками из храма выходит
Пред крестною смертью своей…

И начинает читать удивительно ярко и образно, волнуясь, боясь, что её перебьют. Она вся была один порыв, когда обращалась с вопросом к Господу:

Скажи нам Учитель, последнее слово
Пока ещё с нами живешь,
Скажи нам, когда это будет,
и особенно подчеркивала:
Когда ты судить нас придешь?

Я заслушивался, затаив дыхание сидели наши гости… Слово о Страшном Суде её затрагивало, но не страшило, она так любила и так ждала этот Страшный Суд, что её бесстрашие удивляло меня. Мне было страшно, а ей нет, она верила в милость Страшного Суда и хотела передать свою веру другим, повторяя: «Слушай, слушай, что дальше…»

Ни люди, ни ангелы, знать то не могут, —
Сказал им Спаситель в ответ,
Но близость Суда тогда люди откроют
По множеству разных примет…

Читала и крепко держала меня за руку, чтобы я не рассеивал свое внимание, хотела, чтобы и я пережил то, что так её трогало, что пронзало её сердце…

Предатели будут коварно и злобно
Родным и друзьям изменять.
Родителям дети уже перестанут
Любовь и покорность являть.

И с какой-то несокрушимой силой произносила…

Отвергнется истина в здравом умении,
Антихрист отравит сердца,
И будет хулиться устами безумцев
Всехвальное имя Творца.

Слово *безумцев* так выделяла, что вся трепетала, ужасаясь тому, как можно не признавать Своего Бога и Творца!

И солнце померкнет, и месяц и звезды
С небесного свода спадут.
Земные народы из мертвых воскреснут
Пойдут на Божественный Суд.
Появится Крест Светозарный на небе
И будет, как солнце, сиять…

И мы все пред Господом предстанем такие, как есть… и ничего не будет ни сокрытого, ни утаенного…

И вся содрогнется живая природа
Пред страшным Престолом Судьи…

***

В 1995 году от меня ушли ко Господу моя матушка Тамара и мама Елена. Вижу сон: стоим мы все в комнате Тамары (с нами моя крестная Дарья) и поём: »***Заступница усердная от Бога нам дарованная».*** Поначалу у нас что-то плохо получается, но вот вступает Тамара, у которой был очень хороший слух и голос, и мы поем так красиво, что я потянулся за маленьким магнитофоном, чтобы записать наше пение… и тут же проснулся.

Вечером стал петь **акафист Споручнице грешных** и в третьем икосе обнаружил эти слова. Встал я на колени, наклонил свою непутевую голову до земли, заплакал

подумал, как бы было хорошо мне петь вот так акафист Споручнице и уйти ко Господу… на встречу с Божьей Матерью и с теми, кого любил на этой земле, люблю и буду любить до последнего своего вздоха… Если бы такую радость послал мне Господь и Его Пречистая Матерь… Может, по молитвам мамы и не оставит меня Божия Матерь: и акафист выучу, как мама, и пропою свою последнюю песнь Споручнице грешных. А *там,* может, и все вчетвером споем, как пели в том ночном пении.

К тем, кто будет приходить ко мне на могилку, есть у меня небольшая просьба: пропойте этот чудесный акафист: «*Радуйся грешных Споручнице, всегда о нас руце Свои в поручение Богу приносящая!»*

***

Я привез отпевать маму в храм великомученика Феодора Стратилата — туда, где она всегда молилась и пела. Смотрю: в алтарь заходит батюшка — отец Леонид Кузьминов, настоятель храма на Преображенке. Я знаю его с 1956 года. Он был настоятелем храма Успения Божией Матери Новодевичьего монастыря и очень привечал мою маму, когда она жила на «Спортивной» и была его прихожанкой. Батюшка отец Леонид приехал помолиться о моей маме и отслужил по ней панихиду, а затем поехал к себе служить позднюю литургию. Я думаю, мама так была *там* рада, что никакими словами не выразишь, да и я чуть не до земли поклонился отцу Леониду. А перед самым отпеванием к нам подошел владыка Нифон и по-арабски прочитал над ней молитву. Он любил мою маму, и она отвечала ему тем же.

***

1998 год

Я очень обрадовался, узнав о том, что в святом граде Иерусалиме, в обители равноапостольной Марии Магдалины, через день читается *акафист Споручнице грешных*. Я вижу в этом известии чудо: непрестанная молитва моей мамы перед этой иконой Богоматери дошла до Святого Града. У мамы всю жизнь было огромное желание побывать на земле, где ступали Его Пречистые ноги, где ходила Его Пречистая Матерь, Апостолы. Сначала в Святой Град к послушнице Ирине (ныне инокиня Антонии) поехала кассета, на которой записано, как мы с мамой поем акафист. Затем в Иерусалим последовала икона, приобретенная в Николо-Хамовническом храме и приложенная к святыне — к чудотворной иконе «Споручница грешных». А теперь инокиня Антония читает на Святой земле акафист Споручнице, который я прислал ей из Москвы.

Я пою акафист в Москве, Антония читает его в Иерусалиме, а мама у Господа поёт, как пела многие годы на земле. Я вспоминаю, как она умирала, уже плохо произносила слова, а я сидел у её постели и пел этот акафист, и, если я останавливался, мамины губы еле слышно шептали слова акафиста, который она знала наизусть:

“Радуйся, иконою Твоею вси люди возвеселяющая…
Радуйся, двери Царствия Христова верным отверзающая…»

Левой рукой мама очень крепко сжимала крестик, который на шнурочке висел у неё на груди, а губы шептали и шептали эти чудесные слова…

***

Все мы бездомники, много ли нужно нам?
Т*о, что далось мне, про то и пою.*
Вот я опять за родительским ужином,
Снова я вижу старушку мою.
Смотрит, а очи слезятся, слезятся,
Тихо, безмолвно, как будто без мук.
Хочет за чайную чашку взяться,
Чайная чашка скользит из рук.
Милая, добрая, старая, нежная,
С думами грустными ты не дружись.
Слушай, под эту гармонику снежную
Я расскажу про свою тебе жизнь.

Многим из нас есть, что рассказать своим мамам… и, наверное, много печального и грустного, чего лучше бы не рассказывать… Хорошо бы жить по-другому. Прислушиваться к голосу своей совести, к голосу Церкви (нашей второй матери), ведь сказано: «Если тебе Церковь не Мать — то и Бог не Отец». Нам все от Господа дано — жизнь, здоровье, семья, детишки, работа, праздники, Его заповеди, самая чудесная Книга на земле — Святое Евангелие… Только живи и радуйся. Но не надолго нам хватает этой радости, может быть, потому, что не молимся, не призываем Господа, забываем Его, а от этого в первую очередь страдают наши мамы, давшие нам жизнь…

И закрыли брови
Редкие сединки.
А из глаз, как бисер,
Сыплются слезинки.

Для того, чтобы не слезились глаза стареньких мам от наших грустных рассказов о непутевой жизни и чтобы не дружили они с грустными думами, давайте призовем в помощь Господа и изменим себя, станем жить по-Божьи и с Богом!

Я любил свою маму, но, конечно, как и все, не слушался её. Каюсь, что много я в жизни натворил греховного, а потому всем говорю: слушайтесь своих мам, даже тогда, когда вам кажется, что они не правы, все равно слушайтесь. Почитай маму, по слову Писания, и никогда не упадешь. Иначе уйдет мама, и будете плакать, волосы рвать на голове, да поздно будет, а останется только молитва да холмик, к которому можно будет припасть и полить слезами покаяния: Мама, прости, никогда больше не буду… Прошу, как в детстве, а ответа нет, и седую мою голову некому погладить, и некому сказать «ну иди, иди, я уже больше не сержусь». Холмик, крестик и я… а под крестом моя мама.

***

Сегодня еду на службу и думаю: «Почему столько икон Божией Матери? — Чтобы мы никогда Её не забывали и не забывали своих матерей!»

ХРАМ И ДОМ В ХАМОВНИКАХ

Стоит среди Хамовников великолепный храм о пяти главах с колокольней, которая падает, как Пизанская башня, но никак не упадёт, потому что Господь её хранит… Рядом стоят Хамовнические казармы, перед которыми прежде был деревянный храм великомученика Георгия Победоносца. В казармах тоже был храм, от которого сохранилась колокольня, затем там сделали клуб, куда я мальчишкой бегал в кино, не зная, что смотрел фильмы в церкви для православных солдат. Напротив стоит наш «шефский дом», построенный при Екатерине Второй, с колоннами, с широкими подъездами для карет и повозок и с глубоким подвалом, в котором мы и жили.

Чудный храм с чудотворной иконой Божьей Матери Споручницы грешных и со строгим ликом святителя Николая Чудотворца! Подойдешь поближе и видишь, что Николай Чудотворец совсем не сердитый и смотрит на тебя с любовью. Тут же старинное изображение святителя Алексия, святитель Димитрий Ростовский в серебряном окладе и множество других икон, перед которыми хочется преклонить колени и постоять… в раздумье и в молитвенном обращении к ним.

Что за дивное виденье: светящийся красно-зеленым убранством храм и речка, за которой Нескучный Сад с вековыми липами и деревянные домики с палисадниками. Я родился в 1938 году и ещё захватил этот старомосковский вид: во дворах разводили кур, кроликов, стояли голубятни, летом спали в сараях на сеновалах… При мне же всё крушили, ломали, вгрызались и врезались в матушку-землю Хамовническую, чтобы всё уничтожить, чтобы и памяти от неё не оставить. Храм сломать, а на его месте поставить какую-нибудь уборную, — так, наверное, мечталось строителям новой жизни, да не вышло… Слава Богу, что не всё искромсали, духу и силы им, разбойникам, не хватило, — святитель Николай спас святое место, и теперь можно прийти сюда и помолиться: за себя, за других и за строителей этого храма.

Гуляем, бывало, с матушкой, а перед глазами — храм стоит, хоть и окруженный большими новыми домами, а все равно лучше всех, красивей всех и доступней всех, не пройдешь, чтобы не посмотреть, не взглянуть и не поклониться, и никуда от него не денешься, как будто сам святитель Николай стоит на твоем пути и напоминает о себе — о том, что он твой помощник в скорбях, в болезнях, в невзгодах. Зайди и поставь свечу, преклони перед ним колени, и исчезнет из жизни все смрадное, темное, греховное, останется только светлое чувство от того, что этот храм стоит, что он есть. Что он прошел через все бури и штормы и что сохранил его святитель Николай Мирликийский чудотворец, а Божья Матерь выбрала его жилищем для своего чудотворного образа и стала нашей Хамовнической Споручницей грешных.

Мама, матушка Тамара, мой папа Николай, бабушка, дедушка, я сам, храм, наш дом, вся местность, переулки и закоулки, всё это — Хамовники, они в сердце, в душе, во всей моей жизни. Этот кусочек Хамовнической земли — моя малая родина. *Святителю Отче Николае, моли Бога о нас!*

Хамовники… Выстояло все-таки название. Сейчас, правда, рядом шумит Комсомольский проспект, а раньше был Хамовнический плац, Хамовническая набережная, Хамовнический вал (сейчас восстановили), слобода Хамовническая, Долгохамовнический переулок (сейчас улица Льва Толстого), Тёплый переулок, может

быть, *согретый* храмом (сейчас улица Тимура Фрунзе). Искалечили, исковеркали всю российскую землю безбожники-коммунисты.

Мама любила Москву прошлою, ушедшую. Рассказывала, как ездили извозчики, какая Москва была спокойная, тихая, как хорошо было в ней жить… Потом появились первые трамваи, но и они не нарушали тишины николаевской Москвы с её рынками и площадями, открытыми, просматривающимися вдоль и поперек, с её названиями улиц и переулков….

Когда мама говорила об Остоженке, то в глазах её была радость, а когда упоминала Метростроевскую, то появлялась на лице её печаль и какая-то безысходная грусть. Так же и в названии «Хамовнический плац» звучала тихая радость, а «Фрунзенский плац» резал слух как что-то несуразное и к плацу никакого отношения не имеющее. Да и Теплый переулок с улицей Тимура Фрунзе никак не сопрягался, не сочетались Большие кочки, Малые кочки с Третьей Фрунзенской. Когда мы жили на Хамовническом плацу, это была одна жизнь, хамовническая, а когда стали жить на «фрунзенском » и жизнь стала «фрунзенской», другой. Хорошо бы назвать проспект Хамовническим, — все бы заиграло, засветилось, другими прекрасными красками, «охамовничилось» и «обниколилось», освятилось бы от храма Николая Угодника… Ведь если маму называешь мамой, это одно, а если «предком», то это совсем другое, чувствуете какая разница, так и в названиях улиц… Всё имеет своё лицо, лицо Божие или личину антихриста, который даже в названиях улиц успел потрудиться и оставить свою нечисть. Сейчас модно искать нечистую силу в разных мелочах, ищут «зверя» там, где его нет, а вот то, что мы за годы советской власти совсем «озверинились» и продолжаем жить на улицах с безбожными названиями, никого не волнует. А мою маму волновало, часто перечитывала она книгу П.Сытина «Прошлое Москвы в названиях улиц», очень любила старые *чудные* названия: начало сегодняшнего Комсомольского проспекта, например, было Большой Чудовкой, названной по Чудову монастырю в Кремле (здесь, кажется, было его подворье). И скорее бы мы вновь смогли назвать Москву белокаменной, первопрестольной, златоглавой, колокольной, сорок-сороковой, богомольной, православной — с *правильными* названиями улиц… Да поможет нам в этом Господь! Будем жить по-Божьи, вернутся и Божьи названия, которые давали улицам наши деды и прадеды. *По вере да по жизни нашей и будет нам…*

***

У мамы есть фотография, где она в швейной мастерской, в которой она сначала училась швейному делу, а потом работала. *Хам* — название полотна, а *хамовники* — это ткачи и «деловицы», то есть пряхи и швеи. Мама всегда называла себя швеей («я училась швейному делу, я — швея»). Хамовник, как объясняет Даль, — это ткач, полотнянщик, скатерник, а отсюда и хамовное дело, «ткацкое, полотняное и браное», то есть набранное узором. В одной берестяной грамоте XIII века написано:: «хаму 3 локти», т.е. льняного полотна, а у Даля есть «хамушка» — старая изношенная свитка из льняной ткани.

Направляясь в сторону Лужников по проспекту, слева можно увидеть известный в Москве магазин «Русский лен», любимый магазин моей матушки, которая всегда покупала там полотенца, скатерти (она любила, чтобы все было льняное, а синтетики просто боялась). Есть ещё в русском языке слово «хамъян» — шелковая ткань. В конце XIX века рядом с храмом Николы в Хамовниках была построена текстильная фабрика

Жиро, вырабатывающая шелковое полотно (сейчас это фабрика «Красная Роза») и пивоваренный завод (теперь Хамовнический). На этом заводе перед войной работал мой папа, и оттуда он ушел на фронт.

На Хамовническом плацу днем резвились лошадки, их по кругу объезжали наездники, а вечером плац превращался в футбольное поле. Капитаном команды и заводилой был Алец, сын композитора Мокроусова, который такие фигуры выделывал на поле, что зрители приходили в восторг. А после матча он всех угощал пивом в местной пивной… Потом плац приобрел другой вид. Посадили много деревьев, на клумбах развели цветы, возле нашего дома стало зелено и уютно. Но затем сквер снесли, деревья повырубили, клумбы с землей сравняли, — и комсомольцы начали строить Комсомольский проспект. Церковную ограду перенесли ближе к храму, оставив место только для крестных ходов. Захоронения, которые были возле храма, оказались под ногами прохожих и под колесами машин. Много тогда косточек из земли вырыли, — на то они были и комсомольцы, что им всё позволено…

Примерно с 1991 года старые названия стали возвращаться. Хорошо бы и метро переименовать в станцию «Хамовническая». Мы ведь теперь московскую землю измеряем остановками автобусов да станциями метро. А раньше Москву измеряли расстоянием от храма до храма и на вопрос, где живешь, отвечали: в приходе Николы, что в Хамовниках или в приходе Рождества Христова, что в Измайлово. Храмы были отметинами как места жительства, так и самого жизненного пути человека, храм отпечатывался на судьбе человека, которая проходила под Покровом Божией Матери и святых угодников. Человек ощущает то, рядом с чем проходит его жизнь. Будешь жить рядом с каменной фигурой «вождя», с протянутой рукой на площади стоящим, и свои руки протянешь не в ту сторону, а если молиться не будешь, то и ноги можешь протянуть. Страшно жить в соседстве с истуканами и идолами, которые никак не покинут нашу Святую землю, а всё давят на нас своей безысходностью и пустотой. Хорошо было бы отмечать наши остановки и станции храмами, на пути стоящими: «Станция «Храм Косьмы и Дамиана», следующая станция — «Храм Николы в Хамовниках». Как согрели бы эти названия наши сердца и напомнили бы всякому о Господе…

Дивные Хамовники… Идет человек по улице, видит: «Столовая» и думает: надо бы покушать; увидел кинотеатр: надо бы фильм посмотреть; магазин — надо бы купить что-то; и вдруг перед ним храм, сверкающий дивной красотой в любую погоду, с колокольней и крестом, зовущими куда-то ввысь, в голубизну неба, с узорчатой оградой, радостно сияющий зелено-оранжевыми и белоснежными красками, волнующий и притягивающий твой взор и тебя самого: приди, войди, здесь твоя душа, твое сердце, неужели забыл, как тебя крестили, водили сюда маленького, давали «сладенького и такого вкусненького Христа»… Идёшь, видишь храм и думаешь: а не зайти ли, не скинуть ли перед Богом свою шапку, не перекрестить ли лоб, не постоять ли несколько мгновений около храма или внутри него… А если не будет на пути *этого чуда*, то пройдешь по улице и не вспомнишь, что есть Господь и что Он зовёт тебя к Себе… И тогда пойдешь в торговые ряды, намотаешься там до одури и даже для тела ничего не приобретешь, не то что для души… и уйдешь ещё более пустым, чем вышел из дому….

Вот что такое в нашей жизни храм, потому и стояли они на каждом шагу, наши сорок сороков, звали и манили своими золотыми главами и крестами, а одним из таких

храмов был и есть как бы игрушечный, а на самом деле крепко сбитый и скроенный людскими молитвами, их заботой и вниманием, наш родной Угодник и Чудотворец Николай Хамовнический!

Как хорошо около Хамовнического храма, а уж внутрь войдешь — и выразить трудно: идет отпевание, а слова так и рвутся — несутся ввысь… В хоре стоят пять человек, а пение такое чудное, что хоть сам ложись, чтобы тебя отпели, — так и несутся к Богу молитвенные воздыхания. Вокруг стоят родственники, знакомые усопшего, да и у посторонних рука тянется сотворить крестное знамение.

Почему-то последнее время как ни войду в храм — всегда кого-то отпевают, наверное, я в одно и то же время захожу: батюшка молится, хор поет, свечи в руках горят. Стоишь, о своих молишься, а за спиной — Царица Небесная, Споручница, тоже всех в последний путь провожает и святитель Николай из главного придела прислушивается. Подойдешь, встанешь на колени, а он как бы руку протягивает и гладит тебя по твоей непутевой голове. И всех он так принимает, не одного тебя, посмотри: входят люди в храм и сразу бегут к нему. Эти, наверное, первый раз в храм пришли, спрашивают: «Где здесь Николай Угодник? Свечку хочу ему поставить». А те, кто не первый раз в этом храме, идут первым делом к Божией Матери Споручнице грешных. Как войдешь, Она на тебя уже смотрит: иди ко Мне, встань на коленочки, прикоснись своим горячим лбом к моим ступенечкам, прикоснись своими воспаленными устами к этим чисто вымытым плиточкам, тысячами ног истоптанным, поцелуй край моей ризы и уйдешь не таким, каким пришел…

Почему всегда, как ни приду, идёт отпевание? Да не одно, а два или три сразу. Храм ведь не кладбищенский. Это для меня загадка. Я очень хотел маму здесь отпеть — в самом дорогом для нее храме — да не получилось. Молюсь теперь здесь за маму и за матушку, а затем иду к старому дому: на свои окна посмотрю, внутрь дома войду, вокруг обойду, постою, помолюсь, кое-что вспомню, и уходить не хочется… Стою у дома и смотрю на храм, а когда ухожу, всё на дом оглядываюсь: приду ли сюда ещё раз? Так и хочется его с собой унести, да большой он очень, старинный и массивный, с колоннами, и весь светлый: свет от храма что ли его освещает… *Свет Христов просвещает всех…* И не только людей, но и дома, и улицы, и площади.. и мой дом задел, и меня просветил. Светло и тепло у дома… Может, когда-нибудь вернутся те времена и все опять будет по-старому: и папа, и бабушка, и мама, и Тамара… Как бы я был благодарен Господу, если такое хотя бы во сне мне приснилось.

Ухожу… до свидания, мой дом, до следующей встречи, во сне или наяву. Очень хотелось бы помолиться в своей комнате в подвале… может, когда-нибудь и получится. *На всё воля Божия…*

***

Мама, когда шла в Хамовнический храм на службу, всегда говорила: «Пойду к Споручнице». Я никогда не слышал, чтобы она говорила по-другому, даже когда она шла на акафист святителю Николаю. Да я и сам всегда говорю: пойду к Споручнице. Чудотворный образ Споручницы грешных всех притягивает, зовет к себе. В этом храме всегда праздник Божьей Матери: вымытые до блеска ступенечки, негасимые лампадки, огромный подсвечник и чудная икона, смотришь на неё — то хочется плакать, то радоваться, и всё оттого, что Она, Божья Матерь пред тобою, и ты пред Ней на коленях, великий грешник, и она тебя не отталкивает, а успокаивает и покрывает своей любовью и лаской… Как хорошо перед Её святым образом, можно долго стоять и молиться, можно минутку побыть и побежать по своим делам, все равно приласкает, утешит, не обделит Своей заботой, потому и едут к Ней со всех концов Москвы за помощью и поддержкой, как к родной Маме. Радуется святитель Николай, что в его храме такое чудо, Сама Богородица определила Себе место, и так прижилась. Не обижается и святитель Дмитрий Ростовский, которому пришлось потесниться и уступить придел Родившей Спасителя мира. Божья Матерь с нами, Божья Матерь не отступает в Своих молитвах за нас пред Господом, Она поручается за нас, так давайте оправдаем Её такую любовь, будем молиться Ей, будем приходить к Ней, будем надеяться на Нее и любить Её, Матерь Божию, Которую мы просто зовем Споручницей.

Радуйся, грешных Споручница, всегда о нас руце Свои в поручение Богу приносящая!

***

Ступенечки Богоматери

Ступени бывают разные: деревянные, каменные, духовные ступени «Лествицы» преподобного Иоанна. В Хамовническом храме есть особые ступени, ведущие к Божьей Матери Споручнице грешных. Припал я к ним недавно и замер в слезах на коленях… Чистые-чистые, светящиеся ступеньки, от которых трудно оторваться, — так бы и целовал их, стеная и плача.

Ступенечки, ведущие к Богоматери… Их немного, но в жизни они могут стать самыми главными. Многое зависит оттого, как человек их пройдет, что принесет Ей, Споручнице грешных, которая смотрит на нас и ждет, с чем же подойдет к ней человек… Конечно, подходим с грехами, она же Споручница грешных… Целуй эти стертые от людских ног ступеньки, светящиеся неземным светом, говорю я себе, бейся своими непутевым лбом, и жди милости от Милующей всех Богоматери. Образ Её часто убран цветами, но и без них она всегда среди цветов райского сада, присмотритесь внимательно… Столь чудесна её любовь.

Мама часто мыла ступенечки у Споручницы грешных и очень этим гордилась. Придя домой, улыбаясь, рассказывала: «Мне поручают, говорят, что у меня лучше всех получается. Я ступенечки мою и о тебе с Тамарой молюсь, верю, что Божия Матерь не оставит вас, молитесь Ей, надейтесь на Неё».

Я думаю, по этим ступенечкам мы можем подняться в страну, где светло и радостно, где нет ни болезни, ни воздыханий, а есть Божия Матерь со Своим Сыном и все те, кто к Ней восходит — в светлый-пресветлый рай, когда-то потерянный нами!

***

1938 год, рассказ мамы о моих крестинах

Собрались меня крестить, день назначили, крестным должен был быть Константин, крестной — Дарья. Вдруг бабушка видит, что я дышать перестал. Тогда они с крестной схватили меня и понесли в церковь Николы в Хамовниках. В церкви служил отец Павел Лепехин. Он увидел меня и говорит: «Кого Вы мне принесли, он же мертвый!» Взял меня на руки, шлепнул, — я закричал. Он меня в купель. Окрестил — оказался будущий священник. Отец Павел прослужил в этом храме пятьдесят лет. Я его всю жизнь почитаю и хожу на его могилку на Даниловском кладбище. Верю, что святитель Николай воздвиг меня от одра болезни, чтобы я служил Богу. Наверное, это случилось по молитвам моего папы, тоже Николая.

***

Крестную помню маленькой сгорбленной старушкой: войдет бывало в комнату, улыбается и поет: «*Ох как трудно мне врачу, а я молчу и не кричу…»* Врачом она никогда не была, но эту прибаутку часто повторяла. Видно, трудно ей было одной век вековать, хотя мы с мамой всегда были рядом, и сестра её Матрона Ивановна часто приезжала. Мы с крестной жили в большой комнате со сводами, разделенной тонкой деревянной перегородкой на две половины: у нас окно и у нее окно, у нас иконы и у нее иконы… Жили как родные люди, хотя и перебранки были, как во всякой семье… Заходили друг к другу без стука и присаживались на *свое* место (каждый знал, где ему сесть), как в своей комнате. Крестная, или, как я звал её, «Косенькая», всегда за меня заступалась во дворе: выбежит бывало на улицу и кричит: «Вы мне Славу не троньте, смотрите у меня!» И ребята, большие хулиганы, надо сказать, старались с ней не связываться, и ко мне больше не приставали.

Нажарит, бывало, крестная вечером картошки и зовет: «Иди, Слава, поешь». А картошка румяная, поджаристая, рядом стакан стоит с холодной водой и лежит кусок черного хлеба. Вкусно, пальчики оближешь, только Косенькая могла так жарить. Я всегда, когда чувствовал запах жареной картошки, старался не убегать на улицу и ждал, когда она позовет меня полакомиться. Крестная меня очень любила. Как-то купила по

тем временам дорогие билеты в кинотеатр «Кадр» на Плющихе (по 4 руб. 50 коп.!), а места оказались сбоку, и все лица на экране были какими-то вытянутыми. Так Дарья Ивановна побежала к администратору: я мальчика привела фильм посмотреть, а там какие-то лошадиные лица! Нас тут же пересадили.

В войну я находился в деревне Торговцево в 80 км от Москвы, да пешком ещё надо было идти километров 10 от железной дороги. Крестная приезжала туда и привозила мне продукты… Славная и добрая моя крестная надорвалась на трудовом фронте и стала инвалидом. Когда я подрос, то начал ей помогать: прислуживал в Хамовническом храме и приносил ей оттуда конфеты, печенье, хлеб, иногда деньги. Много лет она ходила по дому и со всеми общалась: в доме её прозвали «информбюро»: она знала все новости. Папа мой её очень любил, у меня сохранилось его ласковое теплое письмо к ней. На её отпевании я, уже будучи батюшкой, читал Апостол и провожал её до могилки. *Да упокоит её Господь в селениях праведных…*

***

Недавно староста Николо-Хамовнического храма Костя рассказал мне, как отец Павел ночью, один, с иконой «Споручница грешных» в руках, обходил свой храм, чтобы уберечь его от разорения во время строительства Комсомольского проспекта, когда шли разговоры о сносе храма. Старосте об этом рассказал сын отца Павла — Сергей Павлович.

Я вспомнил мамин рассказ о том, как бабушка во время войны брала иконы Спасителя и Владимирской Божьей Матери (найденные дедушкой на помойке) и обходила наш дом.

***

Ох, подвал ты мой подвал, кто в подвале не бывал, тот жизни не видал. Жизнь в подвале отличалась от жизни на верхних этажах: наверху жили семьи и вдовы офицеров, а в подвале в основном жили… солдатские вдовы. Из них многие в церковь ходили и с христианскими праздниками друг друга поздравляли. Иконы были почти у всех, чего не скажешь о «верхних» жильцах: лучше жить внизу под землей, да с Богом, чем наверху да с портретами вождей. Видел я в комнате у своего товарища Юрки портреты Ленина, Сталина, Мао Дзе-дуна… Нет их сейчас, и никому они не нужны, а Господь всем нужен…. В подвале жили дружно, заботились друг о друге, помогали в нужде и в беде. Как сейчас вижу: Пасха или Рождество, моя больная бабушка Ариша сидит на кровати, а по коридору идет дядя Коля или тетя Поля, в руках фанерная дощечка вместо подноса, а на ней тарелочка с колбасой, сыром, пирожками, винегретом и малюсенькой рюмочкой… С праздником, бабушка Ариша! На здоровье! Придут и посидят с бабушкой… Двери тогда не запирались, да и незачем было, красть было нечего, разве только саму бабушку… А бабушка сидит и молится за всех своих добродетелей и за их детишек. Какие дружные были люди в то время… Весь район знал бабушку Аришу, и все к ней шли, что-то притягивало людей к больной молитвеннице, может быть, по слову евангельскому душа человеческая стремилась к постели больного… Слова Спасителя о посещении больных, видно, жили в приходящих, были заложены в их душе, и никакие коммунисты не смогли их выбить, потому что слова Спасителя на Страшном суде либо обличат нас, либо оправдают.

Эх, подвал мой подвал, золотые люди… От добрых людей в подвале было тепло и уютно. А бабушку Аришу и сейчас помнят: ходят ещё по этой земле наши «подвальные» люди и в храм ко мне заходят, молятся, а она там молится за них, своих соседей, и за меня внучка батюшку Славочку.

***

Моя бабушка Ариша, будучи подростком, некоторое время жила в доме священника в Рязани. И вот, что она рассказывала:

«Соберет батюшка нас детишек и говорит: «Наступят очень нехорошие времена, перестанут люди в Бога верить, а в лавках будет все, что хочешь, да придет человек в лавку, купит всего, будет радоваться, а принесет домой — и все, что он принес, будет углем оборачиваться». Мы слушаем и говорим: «Батюшка, как же так?» — «А вот так, я-то не доживу, а вот ты, Ариша, доживешь», — и показывает на мою бабушку.

***

Бабушка и мама часто при мне говорили: разве это продукты, разве такой был хлеб при царе, разве такая была колбаса? Сейчас, например, колбасные обрезки — это какие-то хвостики с веревочками, а до революции приходил господин или рабочий в лавку и просил взвесить фунт колбасы. Продавец брал колбасину, отрезал от нее фунт, а оставшаяся часть весом в восемь или девять фунтов называлась колбасным обрезком. В переводе на современные деньги килограмм колбасы тогда стоил примерно двадцать копеек, а бедный человек покупал эти «обрезки» уже по две копейки за килограмм и уходил домой довольный. Вчера я видел копченую колбасу по сто двадцать рублей за килограмм, так вот обрезки от нее при царе-батюшке продавали бы по двенадцать рублей или того дешевле. Моя бабушка рассказывала, что колбасные обрезки по всем лавкам были одинаковые и такие большие, как астраханские арбузы. Мама девочкой бегала в лавку напротив дома без денег, просто заходила и говорила продавцу: « Тетя Клава, мама велела мне взять столько-то колбасных обрезков, сахара, муки, ситного и черного хлеба». — А хозяйка лавки все это записывала и выдавала без единой копейки. И так в течение месяца. А потом бабушка шла и спрашивала, сколько они должны. Никогда, никто продавщицу не проверял, все ей доверяли. По рассказам мамы, какое-то время так продолжалось и после 1917 года, видно по инерции, а потом окончательно прекратилось.

Советская пропаганда внушала людям, что царское — плохое, даже если оно было хорошее. Помню, как одна знакомая «рассказчица» заученно говорила: «Плохо жили при царе, очень плохо. Колбаса была очень вкусная, душистая, для нас, бедных, дешевая, и одевалась я отменно, ходила в высоких ботиночках со шнурочками, работала на фабрике Жиро, духами душилась самыми дорогими, зарплату хорошую получали, а жили плохо, вспоминать не хочется». Слушал я такие рассказы, улыбался про себя и думал — мне бы так «плохо» пожить.

После революции пели:

Был Николашка —
Не елася кашка,
А теперь — Советы,
По неделям хлеба нету.

или:

Был Николашка -
Не елася кашка,
А теперь комиссары
Всю мякину переписали!

Эти частушки мне пела мама, а за них в то время могли посадить, а то и расстрелять.

***

В подвал нашего дома в Хамовниках пришел курсант Института военных дирижеров, для того чтобы снять угол у моей крестной Дарьи. Сдавали тогда многие, так как жить было трудно. Крестная сама жила за перегородочкой, а переднюю часть комнаты предложила курсанту. Комната ему понравилась, да и плату он предложил приличную, но, подойдя к углу с иконами, сказал:

— Только это все я отсюда уберу! Крестная как закричит:

— Что? А ну-ка вон отсюда, чтобы здесь ноги твоей не было!

— Дарья Ивановна, да Вы что? — бросился упрашивать курсант. — Давайте поговорим!

А крестная:

— Нечего мне с тобой разговаривать. Уходи!

И в этом тоже было исповедничество.

***

Наш двор

Я стою в окружении ребят и рассказываю им о Боге: кто смеется, кто со мной спорит, один Володя Александров поддерживает. Я говорю, как умею: что Бог есть и без Него жить нельзя, нельзя стать ни настоящим писателем, ни художником, ни артистом, потому что без Бога все это будет поверхностным. Двоих-троих товарищей я все-таки потом в церкви видел, но не более того. Уж очень сильным было неверующее окружение — трудно было выстоять и защитить себя, и на улице, и в школе, и во дворе. Но желание говорить людям о Боге осталось с тех пор на всю жизнь.

***

Сижу в школе за партой, рядом сидит Толя Курбатов, плотный и сильный парень, которого я иногда видел в церкви (впоследствии Толя попал под трамвай и остался без ноги). Позади меня сидит Колька Паршин, хулиганистый парень, которого все боялись (раньше про таких говорили «отпетый»). Он увидел у меня на шее шнурочек и понял, что на мне крест. Тогда он берет с парты чернильницу, полную чернил, и… выливает мне за шиворот (тогда не было шариковых ручек и писали, макая перо в чернильницу). И рубашка, и сам я весь в чернилах. А ведь жили мы очень бедно — может, и рубашка-то у меня была последняя. Я промолчал, а Толя с возмущением оборачивается к «отпетому» и говорит:

— А ну, перестань, ты что к нему пристаешь?

— А он крест носит.

— Я тоже ношу. А твое какое дело?

Вот так с Божией помощью и выстаивали. Толя Курбатов умер молодым, и я его поминаю.

***

Мне было четырнадцать лет, когда в школьном коридоре ко мне подошла классная руководительница и сказала:

«Слава, тебе пора вступать в комсомол, а для этого нужно подтянуть некоторые предметы».

Я отошел в сторону и, как роденовский мыслитель, крепко задумался. «А хорошую мысль она мне подала,» — подумал я. — «У меня ведь есть тройки, что если к ним прибавить несколько двоек?»

Вскоре вновь встречаемся в коридоре, и я слышу:

— Пора-пора тебе в комсомол.

— Да видите ли, Екатерина Иосифовна, у меня оценки неважные, двойки нужно исправлять…

Так и спас Господь от этого дьявольского искушения.

***

1953 год

Умер «вождь и отец всех времён и народов». Всех собрали в школьном коридоре: директор школы рыдает, многие плачут. Я не плачу. Я хоть и подросток, но понимаю, что к чему: правильно понимать, что происходит в стране, меня научила моя Православная вера, как она научила и многих других, кто эту веру хранил и исповедовал. *И будет это так на все времена, только верь!*

***

С каким благоговением, с какой любовью я смотрел на учительницу соседнего класса, когда мне кто-то шепнул, что она верующая. Мне намного стало приятнее ходить в школу, раз я мог её там увидеть.

***

1953 год

Стоял я в храме на Светлой Пасхальной седмице и меня, мальчишку, пригласили в алтарь, одели в стихарь и дали в руки хоругвь. И вот идёт крестный ход, и я в стихаре и со знаменем церковным, под перезвон колоколов иду вокруг храма.

Милые и родные Хамовники! Не зря Господь поселил меня здесь и послал мне эту светлую пасхальную радость на всю жизнь. Почему меня так и влечет всегда под своды этого святого храма к Споручнице грешных и к Святителю Николаю. А мама, узнав о моем посещении храма, обычно говорила: «Вот и хорошо, на нашей Родине побывал».

***

Рассказ бабушки Ирины:

Дедушка Феофилакт придет с работы, поужинает, а спать не ложится. Сидит за столом, положит голову на руки и так дремлет… Бабушка спросит: «Филат, ты что же спать не ложишься?» Отвечает: «Боюсь к заутрене проспать».

У меня так не получается. Лень…

***

Рассказ мамы о дедушке Феофилакте:

Шел папаня из другой деревни от родственников. Вышел из леса, идет ржой (через поле ржи), смотрит: лежат три волка. Хотел повернуть обратно, да видит: они головы в его сторону повернули. Перекрестился и пошел на них: идет и молитву «Богородицу» читает, поравнялся с ними и говорит: «Братья-волки, вы идите своей дорогой, а я пойду своей». Так с молитвой и дошел до своей деревни. Сказано «блаженны, кто и скотов милует». *Блаженны и звери, которых молитва делает милующими…*

***

Мой дедушка Филат (Феофилакт) работал вместе с бабушкой на фабрике Мещерина: она в цехе, где ткали полотно, а он, как говорила бабушка, дорожки разметал, т.е., попросту говоря, служил дворником. Работой, по их рассказам, они были довольны, снимали по близости комнаты, ходили в церковь, жизнь шла своим чередом, если бы не революция…

На фабрике был управляющий, француз Франц Иосифович, добродушный и хороший, все им были довольны, рабочие его любили и уважали. Но всё до поры до времени… Наступило лихолетье, 1917-й год: в головах у людей все смешалось, призывы, лозунги «вся власть советам», Бога нет, вас попы все годы дурачили, а вот буржуи есть, это из-за них вы так плохо живете (хотя жили хорошо, и все были довольны, как рассказывала бабушка). Бей буржуев — спасай Россию… и началась самая настоящая охота. Ловили господ прямо на улице, хватали тех, кто хоть немного лучше был одет, по-барски что ли, а рядом Москва-река… и бросали в нее вниз головой: иди, буржуй, попей москворецкой водички. Бабушка видела, как схватили барыню с дочкой, и потащили барыню к реке, а дочка, молодая девушка, бросилась защищать свою мать, тогда и её вместе с мамой в Москву-реку, одним словом — буржуи. Страшно всем стало, люди на зверей стали похожи, а этот в кепочке с прищуром, с лысиной как поднос, все покрикивал: давай, народец православный, грабь их, убивай, грабь награбленное… Услышал однажды мой дедушка Филат Васильевич, как договариваются рабочие в эту ночь управляющего Франца Иосифовича с женой и детками тоже искупать в реке, т.е. просто утопить: буржуй он и есть буржуй. Любили его, да это нас обманывали, что он хороший и добрый, а он — злодей, хорошо нам глаза раскрыли, в Москву-реку его паразита. Ленин так велел, а он знает, кто хороший, а кто плохой, пускай Франц рыб покормит. Сказано — сделано.

Дедушка Филат рассказал об этом бабушке Арише: «Пойду, говорит, — предупрежу его», а у самого тоже были дети, да и страшно было очень. Помолился, обнял бабушку, поцеловал деток и пошёл… Незаметно прокрался к домику управляющего, постучался: так мол и так, дорогой Франц Иосифович, собираются тебя со всем твоим семейством в Москву-реку бросить, вот пришел тебя предупредить, давай потихонечку сматывайся отсюда. Подошел Франц Иосифович к дедушке, в ноги ему поклонился и сказал: «Вовек тебя не забуду, Филат Васильевич, и всему своему роду закажу, если будете в нужде,

никого не оставлю… жить буду в Париже, если кто там очутится, найдет меня. Адрес дал, и денег хотел дать, да отказался дедушка от денег. Распрощались, прокрался дедушка тихонечко домой. А бабушка вся дрожит, ждет, вернется или не вернется Филат: слава Богу, пришел, а я уж думаю, жив ли?

По прошествии времени рабочие все-таки догадались, что это дедушка предупредил управляющего, и говорили: если бы нам тогда попался, то и тебе туда же была бы дорога. Молчал на это дед и был благодарен Богу за то, что спас невинные человеческие жизни,

Хотя своих хвалить не положено, но, по моему, дед мой — *герой* и требует от меня почитания самого искреннего. Упокой его, Господи, а заодно и бабушку, ведь не остановила его, а, наверное, просто молилась.

Когда дедушки не стало, бабушке как-то понадобилась справка о том, что она тоже работала на фабрике, но ей в конторе отказали, сказав: «Тебе никакой справки не полагается, твой муж предал рабочих. Вся фабрика знает, что он ночью ходил к управляющему, мы таким справок не выдаем». Хорошо, что добрый человек Углов за бабушку заступился, а то бы осталась она без справки, а значит, и без пенсии.

***

Бабушка сидит на железной солдатской кровати (без пружин, покрытой доской и матрасом), молится, крестится левой рукой (правая парализована), поминает за упокой: *Филата, Феоктиста, Григория,* ***Крысана*** *и Льва.* Я (мне было лет семь) в недоумении спрашиваю: «Какую это ты крысу поминаешь?» Она смеется. Когда подрос, я посмотрел в календаре: наверное, то был Крискентий, а по-деревенски — *Крысан.*

***

Бабушка вспоминает деревню, тяжелое детство — сироткой росла (рано умерли «папаня и маманя»), как водили её из избы в избу, кормили и давали ночлег. Сидит бабушка, головой покачивает, а потом запоет:

Солнце воссияло, чрез окон вступило,
Чрез окон вступило, Богу нагрубило,
Руки наши загребущие, глаза завидущие,
Пойдем мы отсюда, ничего не возмем,
Возмем только саван, саван сорочинский,
Саван сорочинский, горсть земли навозной,
Пойдут наши души к Богу на преданье,
Пойдет наше тело червям на съеденье…

Дальше, к сожаленью, забыл. Так хорошо бабушка пела, что эта песня и мотив остались в памяти с самого детства. Хорошие были бабушки, и песни у них были хорошие: к Богу звали, к покаянию, к осознанию нашей скоропреходящей жизни, учили, как надо жить, молиться и как уходить отсюда. Так и вижу бабушку: сидит на кровати, на ней темная душегреечка, на голове — белый платочек с синими цветами, крестится левой рукой и поет или рассказывает о своей нелегкой жизни. Мама на работе, я в школе, а она нас ждет не дождется и молится за дочку Лену и за внучка Славочку. Ох, и

великое дело молитва, ни с одним делом на земле не сравнишь, через нее мы получаем все, что имеем в этой жизни, и что будем иметь в жизни будущей.

Когда нас не было дома, то бабушку, конечно, не оставляли соседи: добрые люди придут и покормят, и поговорят, и во всем помогут, даже мои товарищи приходили к бабушке.

Все прошло, пронеслось, потерял я бабушку, папку, мамку, Тамару, а теперь и сам готовлюсь к встрече с ними и прошу об этом Господа.

***

Бабушка Ариша рассказывала притчу:

Катится по улице бочка с золотом, а навстречу ей Сам Господь Иисус Христос. Спрашивает Он: «Куда ты бочка к*о*тишься?» И отвечает Ему бочка: «Кочусь я в Андреев дом». И говорит Господь: «Да у него и так всего полно, изба от богатства ломится. Котись лучше к бедной вдове, в Евдокиин двор, у нее семеро детей по лавкам сидят, и все есть хотят». Отвечает бочка: «Оттого я кочусь в Андреев дом, что *у него ад не дополнен, а у бедной вдовы рай… не доплакан*».

Сижу на краю бабушкиной железной кровати, а она, слепенькая и недвижная, рассказывает мне сказки, притчи и истории: про Ивана-дурака и кита-рыбу… а я прошу ещё и ещё…

Дружно мы с ней жили. Был голод, война, мама мне даст кусочек хлебушка, а я весь не съем, спрячу, а потом тихонечко к бабушке подойду и сую ей в руку: на, бабушка, кушай. А она чуть не плачет: ты сам ешь, тебе расти, тебе силы нужны, а мне и так хорошо, спасибо, что обо мне подумал. Хорошая была бабушка и никогда на меня не обижалась, а смеялась и все прощала. Сидит, бывало, дремлет, а я тихонечко подойду и начинаю ей на голову класть разные вещи: сначала маленькую подушечку, потом шапку, поверх шапки что-нибудь ещё, — а она сидит, качает головой, а потом посильнее качнет, — и все у нее с головы посыпется. Я смеюсь, и она смеется.

Умирала бабушка три дня и все время была без сознания. Я ей платочком вытирал красную пену с губ, читал псалтырь и держался за её ножки, чтобы покойников не бояться. Хоронил её мой товарищ Слава Юхновский, будущий священник, единственный из будущих духовных лиц, кого она знала. Матрена Ивановна, сестра моей крестной, сделала ей железный крест на заводе, а я этот крест нес на себе пешком до самого Даниловского кладбища, помню, как тащил его через Крымский мост, по Мытной улице… Крест был довольно тяжелый.

Очень любил я свою бабушку. А три года назад, когда я хоронил свою маму, то на могильном холмике увидел бабушкины косточки… Взял их и зарыл поглубже. Бабушка, бабушка, как хорошо у нее на могилке, где она теперь лежит со своей дочкой Леночкой и ждет не дождется меня, своего внучка. *Земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человецы пойдем… Господи, приими мой дух с миром, как и их принял, и покрой нас всех своей любовью и милосердием!*

***

Моя мама иногда помогала «за ящиком» в храме Николы в Хамовниках, и староста Иван Николаевич Титов любил с ней разговаривать. Настоятелем храма тогда был отец ***Валериан.***

Как-то стоят мама со старостой «за ящиком», а к ним подходит с вопросом старушка:

— Иван Николаевич, долго ли ещё будет болеть отец ***Выверьян?***

— Отец ***Выверьян*** скоро выйдет, молитесь за него, — с улыбкой отвечает староста.

Некоторые батюшки любители собирать такого рода курьезы с именами.

***

В те далекие годы ходила к нам в подвал тетя Маруся Есина, у которой был сын Борис. Пока он был маленьким, она его водила в храм, причащала, учила молитвам, а на праздники Преподобного Сергия возила в Лавру, — и он её во всём слушался. И всё было хорошо, пока он не пошел в школу… Приходит как-то тетя Маруся вся в слезах и рассказывает маме и бабушке:

«Поехали в Лавру, пришли в монастырь, смотрю: Боря куда-то исчез. Стала его искать, всех вокруг расспрашивать, а мне и говорят, что видели его по дороге на станцию. Я побежала на станцию и нашла его на перроне:

— Ты зачем убежал, я тебя ищу, расстраиваюсь, там же служба началась.

— А я больше в церковь не пойду, потому что нам учительница в школе сказала, что Бога нет.

Как я его только ни уговаривала, чего только ни говорила — стоит на своем. Пришлось вернуться в Москву, и больше уже он в храм не ходил».

А когда Борис вырос, то тетя Маруся все ходила к нам и сокрушалась, что он совсем никудышный, и пьет и курит, и нет с ним никакого слада. *Бога-то потерял!*

Так ломали детей, так сокрушали семьи…

***

Начало 50-х годов

Жила в нашем доме пожилая женщина, Анастасия Романовна, которую бабушка моя называла «партейной», и был у нее сын Карлуша, названный так в честь Карла Маркса. И вот этот Карлуша задумал креститься и пришел к моей слепой, парализованной бабушке за советом (бабушку он очень любил и как-то сбил для нее табуретку):

— Бабушка Ариша, а что для этого нужно?»

— Карлуша, наверное, нужна вера, ты лучше сходи к батюшке в церковь и все узнаешь.

Узнал, взял с собой белую рубашку и пошел в храм. А вот откуда узнала его мать, неизвестно. Не успел он дойти до храма, как возле него остановилась машина, из нее вышли два молодца в белых халатах, взяли его под белы ручки и увезли. Так и остался Карлуша некрещеным. И пытался он после этого наложить на себя руки.

***

1954 год

Бабушка Ирина лежала парализованная и слепая одиннадцать лет. Она очень много молилась. Однажды мама пошла за священником в храм Николы в Хамовниках, чтобы её причастить. Бабушка потом рассказывала: «Лежу я и жду батюшку. Вдруг вижу: открывается дверь и входит женщина во всем белом, очень красивая. Подходит ко мне и говорит: «Открывай рот». Я открыла рот и почувствовала что-то сладкое и

приятное. И она исчезла». Бабушка говорила, что она не спала и совершенно забыла, что была слепая. Мы поняли, что это была Сама Божья Матерь. А затем пришел батюшка отец Иоанн и причастил её . На следующий год бабушка умерла.

***

Хамовнический плац, наш дом с колоннами и наш подвал… И кто у нас здесь только ни бывал: Архиепископ Вениамин, епископ Венедикт, иеромонах Сергий, иеромонах Арсений, иеромонах Спиридон, протодиакон Арсений, протодиакон Борис, преподаватель Московской Духовной Семинарии и даже один профессор Московской Духовной Академии, воспитанники и студенты духовных школ, будущие благочинные и архимандриты.

И всех их мама принимала, и все они с мамой любили беседовать и делились самым сокровенным. Мама была хорошей советчицей, и они её за это любили. Когда мама приезжала в Лавру одна, то они старались её приветить: накормить, провести на службу в Троицкий собор, где служил Патриарх. Мама рассказывала, как отец Арсений приносил ей в рукавах своей рясы обед, и она во дворе на лавочке сидела и кушала.

***

1963 год, рассказ мамы

«Я была дома в подвале одна, когда увидела на пороге старичка в рясе (у нас двери днем не закрывались). Заходит он и спрашивает:

— Скажите, отец Арсений у вас останавливается?

— Да.

— А я архиепископ Вениамин.

— Благословите, Владыко. — Мама складывает руки для благословения.

Этот владыка Вениамин собрал в нашем подвале своеобразную комиссию по богословским трудам: к нам приехали преподаватель и профессор, были мои товарищи отец Арсений и отец Сергий, кто-то ещё приехал, кого я теперь не могу припомнить… Владыка благословил купить арбузы: и вот так, кушая арбузы, они заседали и решали различные богословские вопросы.

***

Удивительно то, что все духовные лица приезжали к нам в рясах и в 1956-1963 гг. ходили так по Москве, по улицам и магазинам. Отец Арсений и отец Сергий часто брали меня с собой. Мы были и в ГУМе, и в ЦУМе, ходили по этажам, были на ярмарке в Лужниках, на старом Арбате. Придя в Кремль, мы заходили в кремлевские соборы и там молились, прикладывались к иконам. Люди относились к нам, как правило, доброжелательно. Особенно это ощущалось на вокзалах, в аэропортах, где стояли большие очереди к билетным кассам. Почти всегда священники получали билеты в окошке администратора.

Случился, правда, небольшой инцидент на Арбатской площади: отца Арсения обступили несколько взрослых парней угрожающего вида. Я вижу, что дело плохо, подхожу и говорю: «Отец Арсений, пойдем, скорей, а то опоздаем…», и ребята отошли в сторону.

Видно потому священники ходили по Москве в рясах, что им очень хотелось сказать миру: **«*Да, вы нас гоните, вы хотите нас уничтожить…, а мы живем,***

молимся, служим, существуем, и ничего вы с Церковью не сделаете, и мы, «попы», как вы нас называете, проповедуем Христа в самом сердце России — в Москве».

***

В Успенском соборе Кремля мы с моими друзьями, иеромонахом Арсением и иеромонахом Сергием, прикладываемся к иконам… Никто нас не останавливает, и отец Арсений , подойдя к открытой двери в алтарь, спрашивает у дежурного разрешения войти внутрь алтаря. Дежурный разрешил ему войти, позволил приложиться к гробнице святителя Петра. «На гробнице, — рассказывал отец Арсений, — лежит газета. Да что с него взять! Он не понимает, у какой святыни сидит. Хорошо хоть разрешил приложиться, и то слава Богу. Я его попросил убрать газету…»

Теперь, когда в Кремле идут службы и мы можем молиться у своих святынь, я понимаю, насколько прав был поэт А.Солодовников, написав:

Не спят святители, не спят
В кругу погашенных лампад.

Не спят и молятся, предстоят перед Богом день и ночь за нас, за русский народ. Они, святители наши, вымолили у Бога возможность для нас молиться у их святынь.

***

1956-1970 гг.

То, что наши гости священнослужители ходили по Москве в рясах, было большим исключением из правил того времени. В те годы я практически больше никого в рясах в Москве не видел. Ехал как-то в метро, задремал, открываю глаза: напротив меня сидит епископ Гермоген в костюме. Перебегаю дорогу на Старом Арбате напротив магазина «Электротовары» и сталкиваюсь с каким-то мужчиной, бегущим с противоположной стороны, разбегаемся, оглядываемся, и вижу… епископа Пимена, тоже в костюме. Иду по улице Горького (ныне Тверской), а навстречу мне архиепископ Борис — в макинтоше… На Профсоюзной улице как-то встретил архиепископа Киприана в пальто, который рукополагал меня в священники… А на Комсомольском проспекте мы с матушкой раскланивались с архиепископом Питиримом, прогуливающимся в плаще (я одно время работал у него в редакции).

Летом священника всегда можно было узнать: небольшая бородка, как правило — короткие волосы, темные брюки и светлый желтоватый чесучовый пиджак, а на голове тоже светло-желтая шляпа из рисовой соломки… Особенно выдает лицо — сразу видно, что батюшка, а не художник.

***

1956-1963 гг.

На горке у дома стоят ребята, мои товарищи, а я выхожу из такси и открываю дверцу: из машины выходит епископ Венедикт, в рясе, с панагией на груди и посохом в руке. Ребята, открыв рты и оставив разговоры, смотрят на нас. А Владыка важно с поднятой головой спускается по шаткой лестнице к нам в подвал, где темно и ничего не видно после яркого солнечного света. Епископ Венедикт мог остановиться в Чистом переулке, где на втором этаже была гостиница для архиереев, но он любил

останавливаться у нас и в течение примерно семи лет приезжал и подолгу жил в нашем подвале. А моя мама за ним ухаживала.

***

Рассказ владыки Венедикта

Дело было в Сибири. На пароходе приплывает новый архиерей, епископ Сергий (Ларин), который долгое время был в обновленчестве. Все епархиальное управление вышло его встречать, среди них были и женщины, а вокруг стояло много верующего народа. Владыка выходит, приближается к сотрудникам епархиального управления, всех приветствует и начинает… целовать руки женщинам (!?).

Верующие бабушки, пришедшие взять у Владыки благословение, стали плеваться и разошлись ни с чем.

***

Самой большой радостью в Хамовниках был храм напротив дома: акафисты, службы, батюшки, — до всей этой благодати было рукой подать. Пусть мы жили в подвале, но сторона была солнечная, и уезжать оттуда мы никуда не собирались. Мама и бабушка жили там с 25-го года, а я с 38-го. Но в начале 60-х заговорили о выселении, и мы очень испугались, так как выселяли в новые районы, в которых не было храмов. Мы просили святителя Николая, Божию Матерь и Господа о том, чтобы нам не уезжать далеко от храма. Кто-то упомянул о возможности переехать в «квартиру за выездом», я начал хлопотать: ходил, объяснял, просил, — и милость Божия над нами совершилась — мы получили комнату на улице Ефремова, что между Николо-Хамовническим храмом и Новодевичьим монастырем. Мама так радовалась, будто в рай попала. Она стала прихожанкой сразу двух храмов, да кроме того каждый понедельник ходила петь акафист преп.Серафиму Саровскому в Обыденский храм Пророка Илии.

Главное — желай Божьего, и Господь всё даст. И магазины у мамы были под боком, и «Океан», и столовая, и Усачевский рынок, и ярмарка в Лужниках, и кругом её любимые «гульки», которых она никогда не забывала.

Потом мы переехали в Беляево… Но там тоже вскоре открыли храм. Да и теперь мама лежит рядом с храмом на родном Даниловском кладбище. А я молю Господа, чтобы Он и меня упокоил рядом с этим храмом и рядом с мамой, чтобы лежать очень *грешному* батюшке под иконой «Споручница грешных», что смотрит на меня с маминого креста.

***

В газете «Воскресная школа» в декабре 1997 года появилась моя беседа с журналисткой Наташей Сверчковой о Святителе Николае и о Николо-Хамовническом храме. Привожу рассказ нашей прихожанки Тамары Алексеевны: «*Отец Киприан, редактор этой газеты, благословил меня развезти номер по трем храмам, среди которых не было храма Николы в Хамовниках. На дорогах пробки: там затор, здесь объезд, крутились, крутились, и вдруг я поднимаю глаза и вижу… передо мной храм Николы в Хамовниках! Я не поверила своим глазам. Вошла в храм и раздала газеты. С праздником вас! Это маленькое чудо Святителя Николая накануне его праздника*». Святителю отче Николае, моли Бога о нас!

***

11 июня 1998 года

В моих родных Хамовниках сегодня большой праздник — 150 лет со дня прославления чудотворной иконы Божией Матери «Споручница грешных». Как бежит время… как будто совсем недавно, в 1948 году, было столетие. Мне тогда было 10 лет и я почти ничего не помню. Мама рассказывала, что храм был оцеплен (это я припоминаю), подойти к нему было нельзя, она не помнит, кто служил в этот день, возможно и Патриарх Алексий I, но мама хорошо запомнила, что пел в день праздника Иван Семенович Козловский. Видно, Божья Матерь позвала, он был верующий человек, и душа его встрепенулась, откликнулась.

Ночь темна, пустыня внемлет Богу и звезда с звездою говорит… Вспомнишь, как Козловский пел, и дрожь пробирает, чувствуешь, что близко Господь. Ночью Господь ближе, ночную молитву любят все: и монашествующие, и миряне, ночью все внемлет Богу, вся природа и венец творения — человек. Ночью и в храме хорошо помолиться, кому повезет. Попробуйте, и Божья Матерь, и Господь будут с вами.

Я вспомнил в этот день Её икону, представил Её образ и радостно стало, сразу пришли утешение и поддержка, а уж если сможешь приехать и припасть к Ней, то, наверное, это будет самый счастливый миг в твоей жизни. Я доехал несмотря на все свои немощи — и как же было хорошо около Неё. Икона, родная-родная, Её светлый Лик… А вокруг толпа, жарко, душно, и все счастливые, внимающие Ей в молитве, а Она к каждому прислушивается…. Счастливей всех я — помогла Она мне добраться до родного храма. В Царских вратах стоит архиерей, и звучит его слово о Ней, нашей Споручнице. Наверное, вся благочестивая Москва собралась здесь, все грешники пришли к своей Споручнице. А куда ещё идти грешнику? — Только к Ней, всех Она покрывает Своей любовью и Своим Материнским теплом. Подошел и я, преклонил перед Ней колени за всех, кто просит Её поддержки, вздохнул, и всё плохое куда-то отступило.

Смотрю: мои знакомые в трауре и с цветами. Оказалось, что умерла бабушка моего друга Рубена, Евдокия. Я совсем недавно её причащал, и ей такая милость от Споручницы (я подумал: мне бы так). На Даниловском кладбище пропел по Евдокии литию, а затем на своих родных могилках пропел акафист Споручнице грешных. И сладостно стало на душе, мир и тишина… Как же нужно нам, маловерным, на Неё полагаться, верить Ей, надеяться на Неё — и все обернется хорошим и светлым, потому что всё Она видит, все Она слышит, и прежде наших прошений спешит на помощь: «Аз Споручница грешных к Моему Сыну, Сей дал Мне за них руце слышати Мя выну (т.е. всегда)…»

Вот и прошел Её праздник через наши сердца и души, задел в нас самое сокровенное и наполнил нас светлой пасхальной радостью!

Пасха — она у нас всегда, во все праздники и во все дни, потому что с нами всегда Господь и Его Пречистая Матерь!

***

Писатели открыли в нашем подвале, прямо в нашей комнате и в комнатах наших соседей, ресторан «Пегас». Я заказал себе «деловой обед» и сижу за столиком, можно сказать, на своей кухне (здесь дома я последний раз обедал в 1964 году). Подходит официант и зажигает стоящий на столе «моргасик» (так в войну называли

самодельный светильник-фитиль на масле). Вспомнил я военные годы, такой же моргасик на столе в нашей комнате, как всё повторяется. Сижу и озираюсь по сторонам: в нашей комнате, где раньше были окна, сейчас бар: бутылки, бутылки, а у потолка висят рюмки и фужеры. Подхожу к бару: выходит ко мне из-за стойки молодой человек в белой рубашке и черных брюках. Я ему говорю:

— Простите, мне ничего не нужно, вы знаете, это моя комната, я здесь жил с 1938 по 1964 год.

Он улыбается:

— Неужели?

— Да, да. А вот здесь за стойкой должны быть два окна.

Кивает.

— А вот здесь вы пробили своды к соседям.

— Да, у нас там два зала.

И повёл меня.

— Там мы древний камин открыли.

— Про камин я не знал.

А в другом зале по стенам портреты императоров российских: у самого входа Царь-мученик Николай II, а дальше Павел I, Александр II и Екатерина Великая. Тишина, порядок, своды и потолки отделаны под красный кирпич. Когда-то обедала здесь наша семья и те, кто к нам приезжал в 60-е годы: архиепископ Вениамин, епископ Венедикт, священники… А по прошествии стольких лет здесь опять трапезная, икон правда нет, но я встал, помолился, благословил свой «деловой обед», а после опять помолился и сказал официанту: «Спаси Вас Господи!». Тихонечко вышел и поехал домой: был у себя *дома* и *домой* поехал. И здесь Господь не оставил, сохранил для меня дом моего детства, который «не забыть мне теперь никогда».

***

1999 год, Крещение

Был на Крещение в Хамовниках, помолился, зашел в свой старый дом… В храме народа много: все с водичкой, и стар, и млад, лица радостные… Зайдите, посмотрите, как храм преображает человека, и сами оттуда выйдете другим: изменяются лица, глаза, движения людей, будто они вошли в Иорданские воды, в которых крестился Спаситель, и голубь парит над ними, и глас Господень звучит над водами… Дух Святой коснулся всех в храме, и все, с водичкой крещенской растекаются по домам, принося к себе в дом маленький Иордан. А если слить её всю вместе, то получится Иорданское море. *Во Иордане крещающагося Тебе Господи…* Вот так у нас на Руси…

В нашем старом доме — презентация журнала «Роман-газета XXI век». С замиранием сердца впервые за много лет поднимаюсь на второй этаж, где теперь расположен конференц-зал, сцена и красивые голубые стулья. Стою, любуюсь и вспоминаю тех, кто здесь жил прежде. Теперь здесь поселился известный журнал, к адресу которого *Комсомольский проспект, дом 13,* мне так и хочется добавить — *кв. 60*, так как без номера моей квартиры адрес этот мне кажется незаконченным. Не послать ли мои зарисовки в журнал с моим адресом? Что им стоит выделить одну страницу для батюшки, который долго жил в этом доме, да и сейчас *живёт*: мой этот дом так и останется моим.

У журнала чудесный эпиграф:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

И мнится мне, что Пушкин бывал в нашем доме, жил же здесь декабрист Муравьев-Апостол (его квартира изображена на картине «Заговор декабристов»). И молитва жила в нашем доме. Прав Пушкин: *звуки сладкие молитв* здесь раздавались.

Невольно удивляюсь, что другие, чужие мне люди, чувствуют себя здесь хозяевами, когда в глубине сердца знаю, что хозяин здесь я, и это мой дом. Не знаю, заходит ли сюда кто-нибудь ещё из старых жильцов, а я очень часто здесь бываю, трудно мне удержаться от того, чтобы не прийти сюда, постоять, потрогать стены, и вспоминать, вспоминать… Может быть, наберусь храбрости и спущусь сейчас в ресторан, пока ещё не вечер и там не звучит музыка. В нашей комнате никогда музыки не было, звучали только мелодии молитвы, да иногда переливы гитары. Но гитара звучит, что разговаривает: *Поговори-ка ты со мной, гитара семиструнная…*

Мама стоит у меня перед глазами. Нет никакого ресторана, ни союза писателей, ни книжной лавки, я сбегаю по лестнице в подвал, открываю дверь: «Мама, целую, как ты здесь?» — «Сынок, у меня все хорошо», — смотрит на меня и улыбается.

Как же это было давно и как недавно это было… Наш святой уголок, железная кровать, фанерный самодельный гардероб, покрашенный сероватой масляной краской, и в нем маленькое зеркальце; мама сидит за зингеровской машинкой и шьёт… После того, как я женился, мы с мамой часто приезжали друг к другу, думали и заботились друг о друге, скучали… Телефонов у нас тогда не было, а потому звонки, к счастью, не могли, заменить нам встречи, которые запоминались надолго. Навсегда.

***

Когда в парке бывали гуляния, у нас их хорошо было слышно, потому что звуки по воде быстро доходят. Москва-река была в трех минутах ходьбы. Я любил на набережной стоять и смотреть на воду, на лодки, на речные трамваи, на противоположный берег, где по вечерам звучала музыка, парк загорался огнями… и все это отражалось в воде, сверкало, переливалось. Слышны были концерты в зеленом театре. Помню, как мы ходили слушать Анну Герман. Позднее я узнал, что она была верующей полькой. До сих пор помню её открытую детскую улыбку.

Однажды ночью деревянный театр загорелся и горел очень сильно, так что страшно было смотреть. Огонь пылал на берегу и отражался в воде. Затем построили каменный театр, но он казался холодным и чужим. Какой же он зеленый, коли каменный?

Воздушный ажурный Крымский мост висит над водой, словно подвешенный на нитях, покачиваясь по ночам… Таких мостов больше в Москве нет. (Раньше всё место называлось Крымским бродом). Мы с Тамарой жили по разные стороны Москвы-реки и ходили друг к другу через мост. Мост нас соединял. *Мы с тобой два берега у одной реки,* — поется в песне. Мы ходили гулять в парк, где были белые лавочки, тихие аллеи и дорожки, посыпанные красным песком. Ранней весной распускались липы, и их почки приклеивались к подошвам. Небо было звездное, гуляли до позднего вечера… Иногда

катались на речном трамвайчике: едешь, а берега проплывают мимо: наш дом, Воробьевка, пляж, Андреевский монастырь. Тамара счастливая и нарядная, в белых туфельках, теплый ветерок ласкает лицо… Я сейчас смотрю на пристань у Крымского моста и чувствую, как сжимается сердце. «Ох как трудно мне врачу, но я молчу и не кричу…» *Время, в беге своем, помяни меня и близких моих…*

Крымский мост через Москву-реку соединяет собой два храма: святителя Николая в Хамовниках и мученика Иоанна Воина на Якиманке. Как будто мост специально построили для того, чтобы эти святые друг к другу в гости ходили. Я в обоих храмах был алтарником и помню, что было очень легко переходить из одного в другой. Ангелы над мостом летают, машут крылышками и приглашают людей на службу. Два храма слиты для меня воедино: один дал мне путевку в Семинарию, а другой указал путь в священство. Не пришелся я ко двору в храме Иоанна Воина, выгнали меня, я не знал, куда мне идти, да вспомнил, что мама стояла на службе в храме Всех скорбящих Радости. Нашел маму, она меня успокоила: что ни делается, сынок, все к лучшему. Вскоре в храме Всех скорбящих Радости меня рукоположили сначала во диаконы, а потом во священники. Всех бы так «выгоняли» из храма…

Иоанн воин и святитель Николай — стоят по обе стороны Москвы-реки и, словно друзья, кланяются друг другу своими золотистыми главами, и не оставляют тех, кто в них служит… А Крымский мост как бы ангелами поддерживается, потому он такой и красивый. Люди по мосту снуют: кто в парк, кто из парка, кто из храма в храм идет, и не знают многие, что идут они не одни, а с ангелами, спешащими на службу, которым поручено петь на литургии: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Своея…» Как благодатно помолиться с ангелами, а потом причаститься Тела и Крови Самого Господа. А помощник здесь — Крымский мост, без него угодники Божии друг к другу в гости не попадут, простые смертные из храма в храм не пройдут, да и ангелы, что мост поддерживают, без работы останутся….

Вот вам самая верная история о Крымском мосте, а другим вы не верьте. Спросите самих ангелов — они вам подтвердят. Их всегда можно увидеть либо рано утром, либо вечером: одни из них мост поддерживают, а другие спешат на службу, у каждого своя работа, как и у нас смертных. *Работайте Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом…*

***

Наступает вечер. Завтра опять поеду в Хамовники, к Споручнице: метро, пересадка, «Парк Культуры», Крымский мост, детство, юность, дорожка к храму и сам храм, сверкающий всеми красками, мой дом с колоннами,такой родной и близкий, можно подойти и поцеловать его, он освященный… Дом притягивает, зовет к себе, и хотя бы раз в неделю я приезжаю к нему: здесь и небо другое, и воздух другой, а те, кто заходит в дом, вызывают у меня зависть, потому что они могут пройти по всем этажам, заглянуть в подвал, в мою комнату и там посидеть, пообедать, поговорить… Мой взгляд скользит по этажам, по окнам подвала, здесь на все откликается мое сердце и радостно стучит: ты дома, спустись по лестнице, пройди по длинному темному коридору, на полпути поверни налево, открой ключом легкую дверь, пройди через кухню, за которой другая, тяжелая старинная дверь без замка, с огромным крючком из толстой железной проволоки, согнуть которую по силам только богатырю. Этим крючком мы запирались на ночь и мирно спали… а я лежал и шептал: «Крест на мне, крест в Церкве, ложилась

Божья Матерь спать и приснился ей сон страшный ужасный…», и мне было тепло и страшно оттого, что приснился Ей Христос, замученный злыми людьми, но я все равно засыпал, набегавшись за день, сон одолевал меня… А утром в глаза било солнце, оно сверху проникало через форточку и будило нас. Наше подземелье освещалось его теплом и радовалось, что солнышко заглянуло в конуру к трем маленьким незаметным людям: к бабушке, маме и ко мне, будущему батюшке…

О том, что стану батюшкой, я тогда ещё и не думал, мне хотелось побежать во двор, увидеть родные сараи, полазить с ребятами по крышам, побежать на набережную к Москве-реке, посмотреть на храм, — ничего «батюшкиного» тогда во мне не намечалось. Наверное, молитва моих родных сделала меня священником. Теперь стою у своих окон и думаю: знает ли бабушка, знает ли папа, что я теперь батюшка, да, наверное, знают, мама им всё рассказала…

Дом наш чудом уцелел в войну и в послевоенное время: тот батюшка, что освящал его при императрице Екатерине, крепко видно молился. Священник мог быть от Николы или от Георгия Победоносца, деревянного храма, что был раньше на Хамовническом плацу. Тогда все освящалось, вся человеческая жизнь, и освящалось на века… Сейчас подойду к дому, подниму руку и благословлю свои окна, будто за ними кто-то есть из родных, влезу в окно, чтобы не бежать коридором, съем мамин обед, вкуснее которого нет на всем белом свете, а потом опять побегу, меня ведь ребята ждут… И церковь меня ждала, ждала и звала, но я тогда ещё этого не знал, ждала меня моя матушка Тамара, ждал её дом на Даниловке, Даниловский монастырь, Троице-Сергиева Лавра, Духовная семинария, храм в Измайлове, Антиохийское подворье и люди, которых Господь позвал к себе, а они откликнулись и пришли.

Завтра поеду в Хамовники. Встать бы пораньше, когда ещё темно, одеться потеплее и… за порог — к лампадочкам зажженным, иконам, к колокольне, дорожке к храму, к старому дому, к хамовническому теплу и свету…

СЕМИНАРИЯ

У нас снимает угол студент медвуза Сергей Музыченко, который готовится к поступлению в Московскую Духовную Семинарию. Он сын дьякона, а дед у него был епископом. У Сергея много книг, он очень начитан и любит стихи. Мне 15 лет. Я приглядываюсь к нему, а он ко мне. У него есть старинный молитвенник и книга «На запросы духа», среди авторов которой Флоренский, Булгаков, Бердяев… и другие. Я её читаю.

Сергей не поступил в семинарию. Поступил в семинарию я, но он дал мне первый толчок.

Позднее, когда я уже был священником в Измайлове, он приехал ко мне, и я сказал ему: »Сережа, ведь это ты дал мне направление… Я молюсь за тебя…». В те годы это было чудо — верующий студент светского вуза. По молитвам мамы, видно, Бог послал нам такого постояльца.

1956 год

Перед семинарией я очень тяжело болел. Рентген был ужасный, а для поступления в семинарию нужна была справка о состоянии здоровья. Неожиданно рентгеновский снимок показал, что всё хорошо. Мама потом говорила: «Сынок, один единственный раз рентген показал хорошо, а потом опять показывал плохо». Мы с мамой расценили это как чудо — мы много молились, и Господь услышал наши молитвы.

***

Мама почему-то сама пошла в Хамовнический храм к о. Павлу за рекомендацией для моего поступления в Семинарию. Отец Павел был маленький седенький старичок с небольшой бородкой, который то весело улыбался, то хмурился, в зависимости от настроения.

— Отец Павел, у меня есть сын, он ходит в этот храм и хочет поступить в Семинарию, ему нужна рекомендация.

— Это такой высокий и худой?

— Да

— Рекомендацию я могу дать, но он семинарию не закончит.

Последние слова, оказавшиеся пророческими, он произнес очень тихо и осторожно. Рекомендация была написана красивым почерком, и на ней стояла храмовая печать. С чувством радости и благоговения я держал её в руках и перечитывал слова о том, что я являюсь прихожанином храма святителя Николая в Хамовниках, ежегодно исповедываюсь и причащаюсь Святых Христовых Тайн, и мне дана рекомендация для поступления в Московскую Духовную Семинарию.

На четвертом курсе Семинарии я заболел и попал в больницу. Мой классный руководитель архим. Питирим (Нечаев) прислал мне письмо, в котором просил меня приехать сдавать экзамены. Письмо привез мой товарищ Владимир Диваков (сейчас протоиерей и заведующий канцелярией Московской патриархии). Так как я плохо себя чувствовал и много занятий пропустил, то не решился вернуться, о чем сейчас жалею. А мама говорила: «Вот видишь, сынок, как сказал отец Павел, так и получилось».

***

Я знал, что при поступлении в семинарию проверяют музыкальный слух, и очень этого боялся. Я был уверен, что мне медведь на ухо наступил. Тогда я попросил сестру моей крестной Матрону Ивановну, которая когда-то училась в музыкальном училище, дать мне несколько уроков игры на гитаре. Я хотел хотя бы немного *обмузыкалиться* таким образом. Она научила меня брать аккорды, играть цыганочку, что-то ещё. Сама Матрона Ивановна чудесно пела русские народные песни и тогда всем известные *гоп-со-смыком.* И очень любила гитару и умела с ней разговаривать. Бывало запоет: «Поговори-ка ты со мной, гитара семиструнная», и начинает разговор, а гитара ей отвечает, и разговор тот за душу берет. Учила она меня с терпением, никогда не сердилась. Много лет спустя моя мама пришла к больной тете Моте в больницу и сказала: «Мотя, ты знаешь, Слава-то стал батюшкой». И вот, что ответила Матрона Ивановна: «*Слава выбрал не земное, а небесное».*

Так что гитара — не богопротивный инструмент, если она окажется в хороших руках и у человека с добрым сердцем. Был у меня в то время знакомый студент Петербургской академии Герман Власюк, приехал он как-то ко мне, взял гитару в руки и запел: «Отче наш», «Царю Небесный», «Великое славословие». Это было так молитвенно и духовно, что хотелось встать и молиться *под гитару*.

А Матроне Ивановне Господь, может быть, зачтет уроки со мной в её будущей жизни. Ведь если я служу в тон, то здесь есть и её заслуга, это она старалась, чтобы медведь снял свою лапу с моего немузыкального уха. А Господь всё видит. Видел Он и те чудеса, что происходили в нашем подвале, в шефском доме в Хамовниках…

***

1956 год

Стою на коленочках у мощей Преподобного Сергия перед вступительными экзаменами в семинарию. Усердно прошу принять меня в число его учеников. А мама моя молится тем временем дома. И вот чудо — я принят. Видно, наши молитвы сошлись и дошли до Преподобного. Мама акафист Преподобному знала наизусть и очень часто ездила поклониться его святым мощам.

***

Нас всех собрали в классе и стали объявлять фамилии тех, кто принят в Семинарию. Стою, затаив дыхание: Ведерников, Винокуров и вдруг…. ВИННИКОВ!!! Радости того дня никто у меня в жизни не отнимет. Мама была счастлива: все её страдания покрыла радость моего поступления в Семинарию. Всю жизнь она молила Господа: «Господи, ничего не прошу у Тебя, только бы сынок мой верил в Тебя, ни здоровья не прошу, ни богатства, только бы всегда служил Тебе и был с Тобой». По молитвам мамы всё так и есть, и за всё слава Богу!

На мне семинарский китель со стоячим воротником, а на семинарских службах — стихарь, послушание — прислуживать в алтаре, ходить с тарелкой, а потому я чуть позже других прихожу на занятия и отдельно завтракаю…. Каждое утро бегу к Преподобному, ни дня не пропускаю, мама часто приезжает на службы…

Под праздник Успения 1956 года я навсегда уехал из родного хамовнического подвала в Московскую Семинарию. С тех пор и дом в Хамовниках, и духовная школа преподобного Сергия как бы слились в одно жилище — где Господь, Его Пречистая Матерь, Преподобный Сергий и… я с мамой. Как я приехал в Троице-Сергиеву Лавру, так

в душе и поныне пребываю в том святом месте, самом дорогом для меня месте на земле. Дома ли я или на службе, я всегда нахожусь в Лавре. Я бережно храню все семинарские тетрадочки, листочки и даже шпаргалки и часто вспоминаю мамины слова: «Помни, сынок, на Успение ты остался в Церкви».

***

Многие знакомые, друзья и соседи были против моего решения поступить в семинарию. Вся жизнь тогда была пропитана неверием. В храм, правда, немногие ходили (тетя Лина, семья Сазоновых и другие), но поступать в Семинарию? Это у них в голове не укладывалось. Люди не понимали, как я мог идти *против власти*. У многих на памяти были аресты и расстрелы священников, разрушения храмов, знали, что начнись очередная антицерковная кампания, попам не сдобровать. И вдруг Славка — будущий поп?! Может быть, некоторые от бедности думали, что я за деньгами туда пошел, но у меня в голове мыслей таких не было. Я понимал, куда и на что я иду, решил для себя, что если и к стенке будут ставить, то не отрекусь от Бога и Церкви. Много было трудностей и искушений на моём пути. Но я выстоял по молитвам моей мамы, которая вымолила мне и семинарию, и священство, и поныне молится обо мне.

***

Преподаватель церковно-славянского языка Анатолий Васильевич Ушков: «Аще кто хощет состязатися со мной во словесех словенских, да грядет семо и вопиет». Называет фамилию. Отвечаешь: «Зван был и приидох».

По его рассказам, в старой семинарии провинившихся сажали в карцер, который находился в глубоком подвале. Однажды проходит двором мимо карцера инспектор и слышит из подвала голос: «Изведи из темницы душу мою». Инспектор, проходя мимо, отвечает: «Мене ждут праведницы».

***

Рассказ Владыки Венедикта

«Приехал я как-то в Лавру, одетый в плащ поверх рясы, подошел к проходной, а внутри сидит молодой послушник и резко меня спрашивает:

— Чего тебе?

— Пропусти меня в сторожку, объясню.

Пропустил он меня и опять очень грубо:

— Чего тебе надо? Что пришел?

А я распахиваю плащ, а там панагия блестит… Послушник так и упал мне в ноги:

— Владыко, простите и благословите.

На ошибках учатся…»

***

Чудесный старичок, небольшого роста, всеми любимый профессор-протоиерей, преподаватель сектоведения отец Иоанн Козлов встречает меня в коридоре: «А ну-ка подойди сюда». И тихонько говорит мне на ушко: «Я тебе поставил пятерку». А я ему: «Спасибо». «Подожди, — опять же на ушко. — Ты на пятерку не знаешь. Когда умру — помолись обо мне».

«Поминайте наставников ваших…»

***

Урок музыки в Семинарии

До — ре — ми — фа — соль — ля — соль — фа — ми — ре — до… *Кто — тя — мо — жет — у — бе — жа — ти, — сме — ртный — час*… Урок церковного пения… Попробуйте спеть это простое «упражнение» и сразу почувствуете, что всех нас ждет вечность. А теперь задайте вопрос: что меня ждёт в вечности? И Кто? Спойте ещё раз, и ещё много-много раз… Может, что-то и откроется… Напевайте на работе и на улице, — и никого вы в этот день не обидите, не обругаете, не ударите, не позавидуете, не обманете, а со всеми-то будете добрыми и вежливыми, хотите вы того или нет. Господь будет в вашем сердце, и оно — сердце — будет чисто. А если дома есть музыкальный инструмент, то можно спеть под музыку… вместо телевизора и тяжелого рока: Кто — тя — мо — жет — у — бе — жа — ти — сме — ртный — час…

КТО — НИКТО… сколько не бежишь — не убежишь, будь ты олимпийским чемпионом, бегуном на самые длинные дистанции, всё равно, смертный час — самый скорый и тебя догонит… Ложитесь спать и пропойте опять. Кто — тя — мо — жет… Можно и во сне петь… Во сне ещё лучше будет получаться. Если вся Москва будет их петь, а потом и вся Россия, то и кризис как рукой снимет, и голодных не будет, и зарплату всем выдадут, и все довольны будут, и будут жить-поживать да добра наживать…

***

1959 год

Я, воспитанник Духовной Семинарии, беседую с отцом знаменитого танцмейстера Игоря Моисеева. Отец его — глубоко религиозный человек, учился в московском лицее вместе с будущим Патриархом Алексеем I (Симанским). Сейчас в этом здании у Крымского моста располагается Московский институт международных отношений, где после войны моя мама работала уборщицей, а я восьмилетним мальчишкой бегал по этажам и обедал в столовой. Я подарил отцу Игоря Моисеева на прощание молитвослов, только что в 1956 году изданный. Это, кажется, было первое разрешенное издание молитвослова. Мне, в свою очередь, этот молитвослов подарил Патриарх Алексий I.

Самое чудесное для меня в Семинарии — вечерняя молитва. Второй этаж, храм Покрова Божией Матери: полумрак, горят лампадки, стоят преподаватели, студенты, воспитанники, многие в священном сане… Каждый занимает своё место, к которому привык… Нет, не передать никакими словами, как тогда было хорошо, как покойно на душе, как тогда молилось, как не хотелось возвращаться в суету спальней и коридоров, хотя по спальням все расходились чинно и тихо.

Прошло сорок с лишним лет, а всё это так перед глазами и стоит: вверху над алтарем изображение Богоматери и Её Покров, простертый над всеми нами. И это на всю жизнь. Не знаю, почему меня так трогала тогда эта вечерняя молитва и в конце её — это благоговейное прикладывание к иконам. Видно, дух преподобного Сергия витал между нами, его учениками, а он сам, наш игумен и пастырь, во время молитвы был с нами. Поэтому было так хорошо и покойно. А утром мы все шли к нему за благословением на наступающий день.

***

В семинарии был у меня товарищ Миша П., который очень любил читать о святых подвижниках и их поучения.С утра всегда бежал на братский молебен и допоздна играл на фисгармонии. У него была невеста, но он никак не мог решить, что ему делать: жениться или постричься в монахи. Довольно часто он обсуждал этот вопрос с моей мамой, он её очень любил и к советам её прислушивался. Последнее слово было, конечно, не за мамой, а за старцем, — и Миша стал монахом. Невеста дала согласие на постриг и сказала, что не будет приезжать в Лавру. Любили они друг друга, но любовь к Богу оказалась сильнее. Вскоре Миша стал управлять правым хором в Трапезном храме Лавры. Мама часто ездила молиться в Лавру и с радостью слушала его пение. Так ежедневными занятиями на фисгармонии он преумножил свой талант и принес его в дар Самому Богу.

***

1959 год

Лежу в больнице, и все знают, что я воспитанник Московской Духовной Семинарии. Мой сосед по палате, мужчина с польской фамилией, доверительно делится со мной воспоминаниями: »Я мальчишкой прислуживал в костеле, на меня надевали красивую одежду, я ходил со свечой. Только не говори об этом никому».

Сижу в больничном садике с молодым вьетнамцем, и он мне вдруг говорит: «Ты знаешь, я ведь закончил Католическую Духовную Семинарию». Смотрит на меня , улыбается и тоже просит никому об этом не рассказывать.

Иногда, в разговоре один на один, люди вспоминают с затаенной грустью, что они когда-то пели в церковном хоре. И все это выплескивается в беседе наружу, как самое светлое и значительное, что было в их жизни… И рады они, что представился случай, когда можно поделиться дорогим воспоминанием.

***

Обход врачей. На мою кровать садится заведующая отделением доцент Маргарита Васильевна, а другие врачи стоят рядом. Я сижу по пояс обнаженный, с крестом на груди.

— Слава, Вам нужна операция. Если Вы откажетесь, мы за Вашу жизнь не ручаемся.

— На операцию не согласен — отвечаю я.

— На что же Вы надеетесь?

— На Бога.

Когда врачи ушли, то сосед по палате сказал: « Славка, у тебя есть на кого надеяться, а у нас вся надежда только на бутылку». Прискорбно, но очень многие не лечились, а пили.

***

Елоховский собор, 1961 год

Я, иподьякон, подхожу под благословение к Святейшему Патриарху Алексию (Симанскому). Он благословляет и задерживает мою руку в своих ладонях, держит и не отпускает: спрашивает, как меня зовут, где я учусь, кто мои родители… Я стою ни жив ни мертв: столь долго Патриарх никогда со мной не беседовал. Как только Патриарх меня отпустил, ко мне подошел мой товарищ, тоже иподьякон, и сказал:

«Слушай, Данила Андреевич не любит тех, кто долго со Святейшим разговаривает… Смотри, как бы это на тебе не отразилось».

«Да я-то здесь при чем? — отвечаю я. — Ведь Патриарх держит мою руку и не отпускает, не я же его держу».

Секретаря Патриарха в Церкви называли всесильным Данилой Андреевичем, но на этот раз всё обошлось благополучно.

В 1970 году, когда я подходил к почившему Святейшему, целовал крест и его руку, покрытую конопушками, я вспомнил, как он меня этой рукой удерживал и не давал отойти, беседуя со мной.

***

Когда я заканчивал Семинарию, ректор владыка Филарет мне сказал: «Слава, возьми свои документы, что они здесь будут валяться?» А мама посоветовала: «Сынок, не спеши их забирать, пусть они ещё там полежат, ведь они находятся в таком святом месте, у Преподобного». Когда тридцать лет спустя я их забрал оттуда, то вдруг почувствовал, как оборвалась нить, словно не просто мои документы, а часть меня самого все эти годы хранилась в Лавре.

***

С самого детства меня окружали люди, которые имели отношение к Церкви. Студент медицинского института, сын дьякона Сережа Музыченко первым подвел меня к мысли о Церкви как о месте *служения*, а не просто посещения, благодаря ему я задумался о поступлении в семинарию. Настоятель Николо-Хамовнического храма отец Павел Лепехин дал мне рекомендацию для поступления в Духовную школу, проповеди и службы отца Павла, о.Владимира Еремина, о.Иоанна Потапова, прот. Валериана Николаева, прот. Игнатия Кондратюка, дьякона Иакова Сенаторова оказали на меня большое влияние. Я с благодарностью вспоминаю многих преподавателей Духовной Семинарии, среди них были:

Архим. Тихон (Гавриков) — Священная история Ветхого Завета;

Архим. Леонид (Поляков), будущий митрополит Рижский и Латвийский — Гомилетика;

прот. Алексей Остапов — Общая церковная история;

проф. прот. Иоанн Козлов — Сектоведение;

проф. Анатолий Васильевич Ушков — Церковно-славянский язык;

Алексей Иванович Георгиевский — Русский язык;

Василий Иванович Сарычев,затем монах Василий — Догматическое Богословие;

Лебедев-“amicus” — Латинский язык;

Талызин — Основное Богословие;

Ричко — Греческий язык;

Владимир Юрьевич Вульферт — Английский язык;

о. Константин Ружицкий, ректор — Нравственное Богословие;

Архим. Питирим (Нечаев), классный руководитель — Практическое руководство для пастырей;

Иван Николаевич Аксенов — Церковное пение.

Всех я хорошо помню и словно вижу сейчас перед собой. Почти все уже ушли ко Господу.

Среди воспитанников Семинарии были очень интересные люди: Дима Дудко, сейчас священник и член Союза писателей, Глеб Якунин — будущий автор «Открытого письма», священник и правозащитник, Володя Рожков, будущий настоятель Николо-Кузнецкого храма, который познакомил меня со вторым автором «Открытого письма», священником Николаем Эшлиманом, Анатолий Просфирнин — будущий арх. Иннокентий, Миша Постников — сейчас архимандрит Лаврентий, архимандрит Наум. Благодарю Бога за встречи с такими людьми, которые помогли мне стать священником и определиться на выбранном пути. С благодарностью вспоминаю:

Архиепископа Вениамина (Новицкого), который стойко стоял за Церковь в годы гонений, а потому много претерпел в колымских лагерях (он приезжал к нам в хамовнический подвал);

Митрополита Никодима (Ротова), у которого я одно время был иподьяконом и с его помощью был принят на работу в Издательский отдел;

Владыку Питирима, председателя издательского отдела, который помог мне перед самым рукоположением, выправил мой путь на подступах к священству.

Всегда в моем сердце архиепископ Киприан (Зернов), который рукополагал меня в храме всех Скорбящих радости, что на Ордынке.

Я служу и молюсь о всех, стараясь не вспоминать того, что омрачало наши отношения, а помнить только доброе и светлое. Спасибо всем, кто привнес в мою жизнь частичку Света Христова и привел к Царским Вратам Святого алтаря.

***

Особое влияние на меня оказало «Открытое письмо», написанное в 1965 году двумя священниками — о. Глебом Якунином и о. Николаем Эшлиманом. Тогда оно прозвучало как крик гонимой Церкви о помощи, как героический, бесстрашный поступок защитников Христа. Я тайком распространял это письмо, видел, как радовались люди, читая строки правды о тяжком положении в Церкви, слышал, как священники называли авторов письма героями. Большинство людей в Церкви тогда жили в страхе и старались даже не упоминать о беззакониях, творившихся вокруг. Когда же Святейший своей резолюцией запретил авторов Письма в служении, то многие в Церкви испугались и отвернулись от своих защитников. Моё же уважение к отцу Глебу было столь велико, что к нему я поехал за советом и благословением перед

принятием священства. После запрещения он с трудом устроился в церковь Нечаянной Радости в Марьиной роще, где пел и читал на левом клиросе. Отец Глеб сказал мне: «Рукополагайся», — и я подал прошение.

Всё, что позднее произошло с отцом Глебом, организовавшим комитет по защите прав верующих и получившим за это пять лет лагерей и пять лет ссылки, лишь подтверждает его искреннюю бесстрашную веру в Спасителя и готовность до конца защищать своё представление об истинной Церкви, служащей Богу, а не властям и мамоне. Священноначалие не пыталось его защитить, напротив, совершенно необоснованно сняло с него сан и отлучило от Церкви. Последовав за Христом, отец Глеб был преследуем, гоним и оклеветан, но не побежден. Верю, что в третьем тысячелетии все встанет на свои места и будет названо своими именами. *Блажени есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех!*

МАТУШКА

1962 год

Венчал нас с матушкой Тамарой мой товарищ и одноклассник отец Владимир Маркин в сельском деревянном храме в Удельной. Сопровождал нас на венчание мой друг иеромонах отец Сергий (Куськин). Все было просто и скромно: пел небольшой хор, батюшка отец Владимир вышел в красном пасхальном облачении, смиренный и радушный, обручил нас кольцами, стал спрашивать, любим ли мы друг друга, торжественно, в тишине храма, обводил вокруг аналоя, давал пить вино, затем было взаимное целование и многолетие. И радость о Господе, что снизошел к нам, и дал нам такое подкрепление в нашей любви.

Я молюсь за этого батюшку, тяжко болящего отца Владимира, так как уже много лет он не служит. Ухаживает за ним его неизменная спутница — Тамара. *Да хранит их Господь в этой жизни, и да не оставит своей милостью в жизни вечной.*

*****

Вся наша жизнь построена из встреч. Родился — и первая встреча с мамой, с папой, затем с детишками во дворе, с батюшкой в храме, с девушками и юношами и со своими детьми. Ни на минуту, ни на секунду встречи не прерываются. Господь дает нам пап и мам, друзей и подруг, жен и мужей, он дает нам детишек. Каждая встреча несет и должна нести нам радость, надо только присмотреться и её увидеть. Вот одна из таких встреч: увидел я Тамару и понял — Господом она мне послана, чтобы спасти меня от чего-то плохого. Держись за нее, как за спасательный круг, и не потонешь. Ведь если Господом послана, значит, это твоя единственная, кость от костей твоих, плоть от плоти твоея… *сия наречется жена*.

***

Белые простыни… Те были не совсем белые. На них стояли метки воинской части. И они были не совсем новые. Ими мы покрывали три железные кровати, на которых

вместо матрацев были доски. Вот и вся уборка. Так мама делала, когда ждала гостей. Так убралась, когда должна была первый раз прийти Тамара. Глаза мамы сияли, я тоже был доволен, как у нас хорошо, чисто, уютно. Разве может это кому-нибудь не понравиться? В уголках стояли две солдатские тумбочки, два стула и две табуретки — всё это из Хамовнических казарм. А в правом углу — полочка с иконами и белым полотенцем. И мы думали — какие же мы богатые и счастливые!

Вся комната в белом и сиянии. В окно заглядывает огромная белая луна… С нами сидит и беседует белоснежная голубица Тамара, моя невеста… которой не нужны были ни ковры, ни диваны, ни гардеробы, а нужен был я, Слава, со своей нищенской зарплатой. Даже расписывался я с ней в чужом костюме.

***

Матушки бывают разные… Мне рассказывали, как одна прибегала в церковь, где служил её муж, и кричала: «Я тебя все равно отсюда вытащу!», а другая говорила: «Я не могу выносить этого запаха, от тебя ладаном пахнет». И каково батюшкам с такими матушками нести своё служение?!

Я служил спокойно. Начинал в Великий пост, и два первых месяца служил без выходных, но никакого ропота со стороны Тамары не было. Я всегда очень рано уходил и под праздники очень поздно возвращался. Дома всегда меня ждал ужин и ласковое слово. Смирная была, тихая и терпеливая… ждала и спать не ложилась.

Службы на Рождество и Пасху заканчивались поздно ночью, и я старался сразу ехать домой. Тамара стоит у окна: «Я вижу — машина повернула к нашему дому, значит, ты едешь. Слава Богу, приехал, ложись спать». Вот так и жили — Богу служили. Спутницу жизни посылает Сам Господь, а особенно — батюшкам. (Тех же матушек, о которых я выше писал, не знаю, кто послал. Наверное, будущие батюшки просто сами плохо выбирали, а Господь с их выбором согласился…)

Слезно прошу Господа и Божью Матерь, чтобы они упокоили мою матушку Тамару в селениях праведных…

***

Даниловский монастырь

Родные Тамары, как и мои, жили у Даниловского монастыря. Дедушка Феофилакт и бабушка Ариша работали на фабрике Мещерина (сейчас — Даниловская мануфактура), а дядя Тамары, Сергей, был там бухгалтером. Брат моего деда Леонтий торговал у монастыря селедками: он в какой-то посудине носил их на голове и кричал: «Кому голландские селедки!»

Дедушка Тамары Тимофей пел в монастырском хоре басом, а бабушка Матрена в монастыре подметала, убирала, стирала, делала все, что попросят, и когда она умерла, то её похоронили в монастырской ограде, где хоронили только духовных лиц и известных людей.

Очень много моих родственников похоронено на Даниловском кладбище: Тамара, её папа Андрей, моя мама, бабушка Ариша, её двенадцать человек детей (все умирали маленькими, и мама помнила только троих из них: Нюшу (Анну), Зою и Сережу. Здесь же похоронены и три брата моего дедушки Феофилакта: Феоктист, Григорий и Леонтий. Могилки их, конечно, потеряны, но я за них пою панихиды, приходя на кладбище. *Царство им Небесное и вечный покой!*

***

Тамарина мама рассказывала, что за Даниловым монастырем был пруд, и там все полоскали белье. Монастырь был очень красиво расположен, его окружали огороды, деревянные домики с палисадниками, рядом Москва-река. Палисадничек у дома я застал ещё, когда пришел к Тамаре в 1962 году, в нем росли вишня и крыжовник с очень сладкими ягодами, во дворе был сарай с глубоким погребом, вниз вела лестница, и там стояла кадка для капусты, на сто килограмм, было отделение для картошки, туда же под праздники ставился в посудинах холодец, а в самом сарае у дальней стены — большая поленница дров.

Ефросинья Тимофеевна очень любила пить чай: сидит, бывало, на терраске, а перед ней блюдце и розеточка с вареньем. У нее был Божий дар домашней хозяйки: пироги пекла царские, щи варила наваристые, каши — душистые с дымком, даже компот из сухих фруктов у нее был ароматный и очень вкусный. А блины пекла такие ноздрястые, румяные, душистые, что я мог сразу двадцать блинов съесть. Может, потому готовила Ефросинья Тимофеевна по-царски, что ещё помнила жизнь при царе, видела царскую семью и царские времена часто вспоминала, даже в мелочах. Как-то я ей сказал, что в магазин привезли муку-крупчатку, так у нее глаза загорелись, и она послала меня в магазин. А потом с горечью говорила: «Прости меня, Слава, я-то думала, что это настоящая крупчатка — *царская*, а она оказалась хуже обыкновенной муки».

Стоит она у меня перед глазами: худенькая, строгая, всегда подтянутая, а вокруг нее дети и внуки… Мне её семья казалась очень дружной. Пока Ефросинья Тимофеевна была здоровой и всех угощала знатными обедами, дети её любили, но как только состарилась, заболела, то никому стала не нужна. Приходилось её дочерей и внуков уговаривать, чтобы они приехали к бабушке. Мы с матушкой несли всю тяжесть ухода за больной, а внучок Сереженька и внучки Верочка и Аллочка по несколько лет не появлялись, да и дочерям посещения были в тягость. Говорят, что друг познается в беде, а, видно, и родственники познаются в несчастье.

***

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа…
Не видать конца и края,
Только синь сосет глаза.

В доме у Тамары были светлые уютные комнаты, печка, а в уголочке на полочке — иконы. Входишь, и невольно взгляд останавливается на них, как на самом главном в жилище. У моей матушки есть старинные родовые иконы — Господь Вседержитель и явление святителя Николая князю Дмитрию Донскому на Угреше. Спаситель — в ризе, а на обратной стороне надпись: «*благословение сие принадлежит Тимофею Чернобривкину, сентября 17 дня 1886*», и поперек этой надписи — другая: «*Благословение сие получил сын Тимофея Сергей 19-го/XII — 18 г*». Икона святителя Николая — маленькая: князь Дмитрий Донской изображен с дружиной и с двумя иноками — Пересветом и Ослябей. Зеленое дерево в ветвях, и образ Святителя в лучиках.

Иконы, перед которыми молятся из поколения в поколение, называют «намоленными». Перед этими иконами молился дед Тамары, певчий Данилова монастыря, её папа Андрей, мама Ефросиния, молилась и сама Тамара. Матушка, будучи тяжело больной, молилась на кухне, сидя на своем стульчике. Молилась просто, тихо и незаметно, сразу вспоминались слова преподобного Серафима Саровского: «Где просто — там ангелов со ста». Наверное, рядом с ней были ангелы, только для наших глаз невидимые. Уж очень было благодатно, и я невольно думал: вот бы и мне так. Может, научусь ещё. Видно, болезнь приближает человека к Богу, открывает, что до поры до времени было сокрыто, а потом неожиданно дает особую молитву. Терпение и смирение приводят к духовному росту, становится благодатно и тепло на душе. Дай Бог каждому такую молитву!

***

Иногда есть потребность просто посидеть перед иконами и ощутить эту теплоту, которая от них исходит, посидеть и помолчать, как это порой бывает с близким любимым человеком, когда никаких слов не надо, и так все понятно, и так хорошо-хорошо, «как зимой у печки». А то ведь мы все говорим и говорим, а надо послушать и то, что нам хотят сказать наши намоленные иконы — они ведь живые, и они хотят сказать нам своё живое слово. Давайте послушаем…

***

Тихий Второй Подольский переулок одним концом выходил к монастырю, а другим к Голицынской больнице, со львами на воротах. Здесь будто была не Москва, так было тихо и благодатно — наверное, оттого, что рядом был монастырь. Хотя он в то время был закрыт и разорен, но все равно чувствовалось, что монастырь дышит, ещё не заснул вечным сном, может и проснуться.

Как же нас Господь любит, если сейчас стоит Данилов монастырь: такой прекрасный, светлый, духоносный, как будто и не происходило с ним ничего, и не крушили, и не ломали, а вечно стоял и призывал к молитве…. Подвизались в монастыре такие подвижники, как архиепископ Феодор, в схиме — Даниил, иеромонах Иасон (Смирнов). Стоит он несокрушимой крепостью нашей Православной веры и будет стоять до скончания веков, пока нас всех Господь ни призовет к Себе, да, наверное, и после этого он только преобразится, будет светоносным и сверкающим духовной лепотой. И мы тоже преобразимся, и *будет новая земля и новое небо.*

***

У Тамары было три сестры: Вера, Мария и Нина. Почти по Чехову, одна, правда, лишняя. Лишней оказалась Вера… В войну во время бомбежки она в поезде осталась лежать на каком-то полустанке… Хотел отец Андрей Петрович поехать, да где там — огонь, пламя, взрывы… Так и осталась неизвестной её могилка… Мама её Ефросинья Тимофеевна плакала, глаз не осушала. Вера была очень красивая: на фотографии она в украинской расшитой рубашке, с тяжелыми косами, украинским выразительным лицом — мама-то её Чернобривкина. В войну были в эвакуации в Башкирии, где работали в поле. Председатель колхоза отмечал их работу, даже не верил, что москвичи могут так трудиться, лучше местных. А отмечал работу мёдом, может, потому и выжили. Надо было возвращаться, а здесь приказ Ворошилова: покинувшим Москву в город

возвращаться нельзя, оставайтесь там, где находитесь. Собрала Ефросинья Тимофеевна всех своих детей да ещё и дочку Марии Аллу. Андрей Петрович в то время на войне был. Кое-как с большим трудом сели в поезд. И до Москвы-то оставалось уже немного, как вдруг входит военный патруль: «А ну-ка, тетка, собирай свою голодрань да сматывай с поезда!» Ефросинья Тимофеевна встала перед ним, да и говорит: «Слушай, если сейчас выгонишь, то возьму веревку и здесь при тебе повешусь…» Посмотрел патрульный, повернулся и пошел дальше. Так вот с Божьей помощью и доехали. А приехали — не прописывают. И опять мытарства. Нашелся все-таки кто-то, помог — заняли свои комнатки. Вот что пережили наши мамы. Да мы их на руках носить должны. А раз ушли к Господу, то молиться за них. Я поминаю страдалицу Евфросинью да и всех других страдалиц, кого знаю, и свою маму в том числе. Выстояли, не склонили головы и с Божией помощью вырастили нас.

***

Очень любила Тамара тепло и солнце, так и тянулась к ним… Когда жили рядом с Даниловым монастырем, то в доме была печка. Тамара, бывало, прислонится к ней спиной и стоит: теплая и радостная. Сидишь на табуретке и подкладываешь в печку полешки… Никаких сравнений не подберешь к печи: в печи можно париться, у нее греться, от нее и уют… помните есенинское «и тепло и светло как зимой у печки». Печка, Красный угол, иконы, крашеные половицы, окошки с маленькими форточками и потолки, оклеенные белой бумагой… Жить в таких комнатах хорошо, и помолиться хорошо, к домашнему уюту и теплу молитва напрашивается… и молитвой всё освящается.

***

Тамарин папа, как и мой, воевал, но домой вернулся. Добрейшей души был человек, прошел три войны, Первую Германскую, Гражданскую и Отечественную, и Господь его хранил… Умер он в Звенигороде в доме отдыха, привезли его домой, и не верилось, что он уже не встанет, не пойдет в сарай и не застучит там своим молотком, и не взмахнет рубанком… Оставил он только свои чудесные поделки: табуретку, столик, буфет, шифоньер и добрую память о себе.

***

Двадцать пятое октября — день памяти мамы Тамары Ефросинии Тимофеевны. Прожила она 90 лет, и до последних дней всё для нас с Тамарой что-нибудь делала, готовила, стирала, гладила, а поняли мы это только, когда она ушла…. Умерла она в день праздника Иерусалимской Божией Матери. В Измайлове, где я служил, этот праздник торжественно отмечался: огромная икона, крестный ход и множество народа. Мы с матушкой обычно в этот день ездили к ней на могилку на Хованское.

Мамы, мамы… Как нам без них трудно. Пускай будут старенькие, больные, лишь бы жили, лишь бы не уходили, не оставляли нас сиротами… А ушедши, не оставляли бы нас своими молитвами у престола Господня. Нет ваших рук, нет ваших глаз, нет ласковых и добрых слов, и некому успокоить, попечалиться или порадоваться с нами. Не хватает вас, любящих и всегда прощающих. Бесчувственные мы. Обижаем их, когда они с нами, и не замечаем того, неправду им говорим… Вот из-за этого и жизнь не удалась, и семья не получилась или развалилась, и на работе неприятности. Чти её, и Господь прибавит

тебе дней на земле, и будет тебе благо лишь за то, что почитал её, — вот как у Господа всё просто и понятно.

***

Перед моим рукоположением владыка Киприан сказал: «Чтобы матушка Тамара стояла на левом клиросе и видела твое рукоположение, смотри, скажи ей, чтоб пришла». Но матушка была очень стеснительной и на рукоположение не пришла. Храм посещала тихо и незаметно, незаметно и тихо молилась. Сколько раз я ей говорил: «Поедем, я тебя познакомлю с нашим настоятелем владыкой Нифоном». «Ой, я не знаю, о чем я с ним буду говорить. Засмущаюсь и убегу». Правда, по телефону Тамара с ним разговаривала. Всем в жизни, а особенно в служении, я обязан моей маме и моей матушке Тамаре.

***

ГУМ

Моя матушка работала в ГУМе и очень много претерпела за меня, служителя церкви. Были и косые взгляды, и насмешки, и унижения. Даже её лучшая подруга Неля боялась ходить с ней по улице, из-за чего Тамара очень переживала. Моя матушка очень любила свою работу продавца детского отдела и отдала этой работе всю свою жизнь: любила мальчиков и девочек, которых обслуживала. И её все в секции любили, а особенно уважали за честность. Кассиры, уходя на обед, всегда сажали её на кассу. Правда, её подруга время от времени мутила воду в их секции, но и у нее ничего не получалось, — уж очень Тамара была честной.

В те времена многие грели руки на дефиците. Зная Тамарину честность, я ей говорил: «Тебе надо памятник поставить на месте гумовского фонтана, потому что другого такого честного продавца в ГУМе просто нет». Она смеялась в ответ. В ГУМе она проработала 25 лет. В 1980-м году её перевели в другую секцию, но она там проработала только один день. Как только она увидела, что там творится, она подала заявление об уходе. Не хотела быть участницей их махинаций. Плакала, но уходила…

Недавно я зашел в её секцию,узнал пожилую женщину-продавца, подошел к ней и спросил:

— Это бывшая 169-я секция?

— Да, а Вы Слава? Как Тамара?

А у меня на глазах слезы. Все поняла…

— Заходите к нам. А её подруга Неля работает на другой линии. Идите, вы её там найдете.

Я туда не пошел, а пошел в храм Пророка Илии за углом, где раньше была столовая, в которой Тамара часто обедала. Записал их с мамой о упокоении на год и поставил свечки на канун. Эта церковь находится, можно сказать, в самом здании ГУМ’а, и я часто туда захожу, а заодно — и в её секцию. Вспоминаю, как я приходил к концу её смены и мы вместе закрывали секцию, ставили пломбу, а потом ехали на дачу или домой. Да, чудесные были времена!

***

Тамара 25 лет ходила на свою работу Иверскими воротами. Ворот не было, а она через них ходила… Они просто на какое-то время стали невидимыми, но и икона была, и ворота были, и акафисты Божьей Матери пелись… и народ валом валил… поверьте, было всё так, как говорю… Да как же мы здесь все время ходили и не видели?.. Что же такое было с нами, такую красоту — и не замечали… Не могло исчезнуть порушенное, просто за наше беззаконие на какое-то время всё стало невидимым. Так же и молитва не может исчезнуть: где молитва возносилась, там она и живет, не исчезает.

Не может ничего исчезнуть бесследно, а тем более храм. Человека нет, а он перед тобой, храма нет, а ты попристальней посмотри и… увидишь. Нет поломанных и разрушенных храмов… Все они стоят, и подойдет время — мы их увидим… Войдем и поклонимся Богу Живому… и прославим Его. Полна наша земля чудесных храмов, все стоят на своих местах. Часть из них мы увидим ещё в этой жизни, а в той, другой, — такое откроется великолепие!.. И в каждом храме воспоют и восславят Бога… *Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение*!

***

Тамара очень любила голубой цвет. Мама шила ей голубые костюмы, и Тамара их с удовольствием носила. Я, бывало, говорил: «Да, мне нравилась девушка в белом, но теперь я люблю в голубом…» А голубого и светлого у нее в жизни было много: и встречи, и прощания… Говорят, что некоторые люди все видят в розовом цвете, особенно в молодости, а я до сих пор вижу все в голубом. У некоторых светлые тона

молодости темнеют со временем, но для меня голубой и по сею пору наполнен светом, и сохранил я его до конца жизни. Голубое небо, голубые купола наших церквей, голубой омофор Божией Матери над всеми нами и… милые русские девушки в белом и голубом…

***

Как мы с матушкой Тамарой стирали белье…

Как-то позвонил я моей родственнице Кате, а она мне говорит: «Батюшка, а я белье стираю». Говорю ей: «Я тебя отвлекать не буду, знаю, как это трудно». А она мне: «Чего же трудного? Включила машину, сижу да книжку читаю». Мы с Тамарой стирали иначе. Вначале стирали белье постельное, а потом все остальное. Пододеяльники, простыни, наволочки кладу в таз, заливаю холодной водой, а затем отжимаю, потом опять в таз и заливаю горячей. Намыливаю белье и даю минут пятнадцать-двадцать постоять, затем отстирываю, выжимаю и кладу в большой бак, заливаю теплой водой, настругиваю ножом мыло, кладу соды, «Лоска», персоли и ставлю на большую горелку, а сам помешиваю деревянной палкой. Бак сверху закрыт крышкой, чтобы белье парилось. Затем в большой таз наливаю холодной воды, несу бак с бельем в ванную и палкой начинаю перебрасывать белье в холодную воду, которая в то время течет из крана.. Пар в ванной стоит такой, что ничего не видно. И сам я весь мокрый. Полощу в холодной воде, затем в горячей, затем опять в холодной, наливаю в таз холодной воды и кладу синьку. По одной вещи засиниваю и отжимаю. Да, ещё кладу детскую присыпку и крахмал… Забыл, давно уже так не стирал. А как сейчас стираю, никому не скажу, стыдно. Но стирать по-прежнему не могу. Потом мы вешали белье на лоджии. Тамара любила на белье смотреть, как оно на ветерку полощется, особенно с улицы, говорила: «Сердце радуется». Когда она заболела, то я один стирал, она не могла мне помогать. Очень была хозяйственная, трудолюбивая, о стиральной машине никогда и не помышляла. А зачем, бывало, скажет, разве машина так выстирает? Так стирала её мама до 90 лет. Старой закалки были, царской. Пишу про простую стирку и думаю, что и стирка — Божье дело. При сотворении Господь призвал человека трудиться в поте лица. Вот мы и трудились. Когда, помню, ложился спать, она мне говорила: «У тебя генеральская постель». Вся благоухала какой-то неизъяснимой чистотой. А уж сон был крепкий-крепкий, как в хвойном лесу.

***

Как много вещи говорят об ушедшем близком человеке! Вспоминается, где покупали, как везли, радовались, дарили, как радостно смотрели друг другу в глаза, поздравляли… и как хороша была наша земная жизнь. Наверное, столько не испытываешь радости, когда тебе дарят. Чудесно, когда ты сам эту радость доставляешь другому своим подарком, своей улыбкой. Сам Господь сказал: «рука дающего да не оскудеет». Дарите любимым цветы, дарите всё, что будет радовать близкого и дальнего. И эта радость дарения всегда будет с вами. Какими хорошими словами Церковь провожает нас домой в конце Литургии: «Яко всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть…»

***

Цветы на подоконнике,

Цветы, цветы…

Каждое утро я поливаю цветы — цветы, которая вырастила Тамара. Её цветы. Я никогда не смогу сказать «мои». Они живы её теплом, её заботой. А так бы завяли… Я просто омываю их водичкой, чтобы не запылились, а они растут и отвечают любовью — красивыми красными бутонами. На улице снег, мороз, а они пылают огнем. Хотят согреть меня, передать тепло и привет от Тамары. Мы с ними друзья. Живем и по утрам киваем друг другу. Доброе утро, здравствуйте, вот мы и проснулись. Давайте молиться Богу и завтракать. Мне — кофе, вам — теплая комнатная водичка, чтобы не застудились. Так и живем. Они на подоконнике, а я — рядышком за столом. И друг без друга обойтись не можем.

Цветы на подоконнике,
Цветы, цветы…

***

В 1972 году мы переехали с Даниловки в Чертаново. Вошли в квартиру, подошли к окну, и первое, что мы увидели вдалеке за лесом — церковь, две её главки с крестами. Было начало марта, и кругом ещё лежал снег. Я вышел на лоджию и примерно определил, как через лес до нее дойти, сверху были видны какие-то прогалы между деревьями, что-то просматривалось вроде дорожки. И в один из дней я решил попробовать: прошел через лес, через овраг, и тропинка вывела меня к кромке леса, передо мной лежало большое заснеженное поле и она, цель моего путешествия — церковь. Но нет к ней ни дорог, ни тропинок никаких не видно, ну, думаю: была ни была, пойду через поле. Пошел, провалился в глубокий овраг, еле выбрался, и пришлось повернуть обратно. Постоял, помолился, повздыхал, не узнал, ни что за церковь, ни во имя кого, ни как это место называется.

Сошел снег, и мы с матушкой решили с Тамарой прогуляться до церкви. Пошли другим путем, и лесом шли, и через овраг, и полем, на котором увидели зайца и лисицу… Подошли к церкви: закрыта бедная, и спросить не у кого, рядом небольшой пруд, два полуразрушенных флигеля с колоннами. Помолились, походили вокруг и ушли. Потом я узнал, что это храм святых апостолов Петра и Павла. Через несколько лет купола храма покрасили голубой краской и украсили золотыми звездочками.

В 1989 году усердием и молитвами верующих храм был открыт, ходили по Ясеневскому району и собирали подписи всюду, даже около магазина. Мы с матушкой тоже подписались. И идут там Божьи службы, а сейчас расположилось подворье Оптиной пустыни. Перед самым открытием мы подходили к храму, но нас не пустили, шла покраска («Войдете, и вас краской обрызгают, да и голые стены там»), так и ушли ни с чем. Мама моя там была и молилась на престольный праздник. Как-то мы с ней и вместе молились. А потом я молился в алтаре и вынимал частицы из просфор за только ушедшую Тамару и за старенькую мою маму, которая сидела и ждала меня дома.

Сейчас сижу на лоджии, смотрю на храм и вспоминаю наши походы через лес…. и знаю, что теперь храм открыт, а благодаря ему и «Оптина» оказалось совсем рядом с нами, не надо в Калужскую губернию ездить. В скором времени, может, и оптинские старцы появятся, и потянутся к ним писатели, поэты и художники со своими

вековечными вопросами. И я, грешный батюшка, тоже окажусь в их компании, потому что нельзя не пойти к оптинским старцам…

***

Храм иконы Божьей Матери «Державной» в Чертанове: деревянный, небольшой, с голубыми куполами. Идешь или едешь мимо и думаешь: да он всё время здесь стоял… не может быть, чтобы его когда-то здесь не было, а было лишь пустое место да дома вдалеке. Есть хорошая пословица: «Свято место пусто не бывает». А место, где построен храм, и на самом деле оказалось святым. При закладке фундамента были обнаружены остатки некогда стоявшего здесь храма. Вот нам, сомневающимся и маловерным, и явили чудо Господь и Его Пречистая Матерь. А благодатно-то как здесь теперь; люди, живущие здесь, к этому храму тянутся. Чертаново расположено на красивом месте, кругом лес, поляны, но как будто чего-то не хватало, а когда построили храм, стало ясно, что не хватало именно его…

Храм Божьей Матери Державной. Он как бы держит нас всех в благоговейном внимании, как бы тихонечко говорит всем: «Не забывай Бога, не забывай Божью Матерь, не забывай о своей скоропреходящей жизни, люби землю, люби человека, люби все, что тебя окружает…» И потянулись люди к этому животворному источнику…

***

Тамара просто относилась к деньгам: сколько ни принесу, она всему была рада. В 1962 году, когда мы только поженились, моя зарплата наполовину была меньше зарплаты моей матушки Тамары: она получала 130 рублей, а я — 60. А когда позднее с нас, священников, сняли дискриминационный налог, и я принес первую зарплату (по тем временам то были большие деньги), Тамара сказала: «Куда ты мне столько принес, что я с ними буду делать, — надо раздать родственникам».

В Церкви есть разное отношение к деньгам. У некоторых батюшек дети, больные родители, кому-то надо помочь. У меня был знакомый протодьякон (он потом стал священником), у которого было 13 человек детей, и всех нужно было накормить, одеть и на ноги поставить. Когда я поступил алтарником в Николо-Хамовнический храм, мама сказала: «Сынок, сколько тебе дадут, столько и дадут, за столько и работай. Помни, что это — храм». Дали очень мало. Когда стал священником, то стал получать больше, а мама повторяла: «Сынок, платят тебе столько, и слава Богу, а будут платить половину того, что сейчас получаешь, все равно служи. Если же завтра ничего не дадут — служи, а тарелку супа кто-нибудь тебе да нальет». Может быть, именно за такое отношение к деньгам, люди добрые меня не оставляют. *Надо всегда помнить, что того, кто работает в храме, Господь не оставит.*

***

Когда Тамару забирали в больницу, она мне сказала: «Славочка, придется нам с тобой расстаться…» Эти слова она мне сказала в полном разуме. И глаза, глаза, как сказано у Есенина, «печальнее коровьих». Сердце оторвалось. Хотелось завыть от безнадежности, от безысходности происходящего. Страшные и роковые минуты. Знаешь, что сейчас для нее начнется другая жизнь. Больничная жизнь оказалась тяжелым заключением за решеткой. Как я её сажал в машину, как вез, как отдавал в чужие руки, как забирал одежду, — не помню. Затем ехал в метро, зажав голову руками,

и не мог понять, почему люди разговаривают, смеются. Разве это возможно? Один я остался дома. Нет её… В больнице все непонятно, непредсказуемо, и войти к ней нельзя, и увидеть нельзя. Нашёл окно, подтянулся, а в глазах темно. Смотрю — и ничего не вижу… Какие-то внутренние слезы мешают, а глаза сухие. Подошла в своем халатике, смотрим друг на друга. Так близко родное лицо и… дальше быть не может. Каждое утро просыпался — и к ней, после службы — снова к ней. И днем, и утром, и вечером. Когда привез к ней мою маму, то мама обратно идти не могла. Мама молилась, молился и я, но всё было как в кошмарном сне. Глаза, которые я видел в той больнице, ни с какими другими глазами никогда не спутаешь. Молодые девчонки и женщины, а глаза у всех одинаковые. Такая в них грусть, такая бездна чего-то непоправимого, утерянного навечно, что сердце разрывается от сострадания к ним. Что-то скорбное-скорбное… Наверное, так и должно быть в *доме скорби.* Тамара не захватила храма Всех скорбящих Радости, который потом открыли в Алексеевской больнице, но ведь Божья Матерь там все равно пребывала с ними. «Всех скорбящих» значит, что она рядом со всеми скорбными: и с Тамарой, и с другими больными, и со мной, и с теми, кто их посещал. Два месяца в больнице стали временем не жизни, а подвига, душевного и телесного. Не буду рассказывать о том, что мне потом поведала Тамара. Вызволил я её оттуда с Божией помощью и любил неимоверно… Жалел и трясся над ней, и очень страдал. А она была страдалица, избранная Богом. Господь выбирает, и меня выбрал, а я только всегда думал, как хорошо, что я с ней, а вдруг на моем месте был бы другой, и он отказался бы от нее в таком тяжелом положении. От сознания того, что я рядом с ней, была неизъяснимая радость. Зачем я об этом пишу? Может, никому не нужна моя исповедь? Но только что было — то было, и из жизни, как из песни, слова не выкинешь…. Что Бог соединил, никто разъединить не сможет. *Слава Богу за всё!*

***

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России…

Читаю и думаю: это и про нее, про мою матушку Тамару. Простая была и всех любила. Мне многому у нее надо было учиться — её простоте и отношению к людям. Никого старалась не забыть, покупала всем родственникам подарки. Я ей бывало говорю:

— Посмотри, они тебе не звонят, не приезжают… Воздержись и ты, пусть поймут, что нельзя быть такими равнодушными.

— Да ладно тебе, праздник есть праздник.

И так из года в год. Любила она разговаривать по телефону с моей мамой. Приду домой, а Тамара скажет: «Я с твоей мамой, наверное, часа полтора проговорила». А самое главное — они молились друг за друга. Позвоню маме: «Сынок, я акафист Божией Матери пою за тебя и за Тамарочку». Я перенял это от мамы и каждый день пою акафист за них и за тех, кто очень нуждается в помощи Божией Матери: за тяжко болящих, находящихся в узах, молюсь об учениках Воскресной школы, о семейных неурядицах, о батюшках в опале, мало ли о ком, главное — молиться.

Может, кто и обо мне грешном вспомнит и вздохнет…

Вот и рассказал я немного о своей матушке Тамаре и маме Елене, которую многие тоже называли этим ласковым именем — «матушка». *Две матушки — «такие ж простые, как все, как сто тысяч других в России!»*

***

Стоят у меня на столике две деревянные поделки. Сидят молодые, перед ними блюдо с вишенками, и он её угощает. На ней красный платочек и разноцветное платье, на нем русская вышитая рубаха и лапоточки. Повернуты друг к другу головками и так ласково и нежно друг на друга смотрят… Вторая изображает деда и бабку… Он с лысиной и бородой, в полосатых штанах и валенках, она в синем платочке в горошек, из-под которого выбились седые волосы, и в цветном фартуке. В руках у нее красный клубок шерсти, а конец клубка намотан на руки деда.Помню я, как покупал их на наши торжественные даты и в шутку говорил: «Это мы с тобой, Тамарочка, в молодости, едим вишенки», — и как она радостно смеялась. «А это мы с тобой в старости…» И это она принимала и грустно улыбалась… Да, молодость была, были и вишенки… А вот со старостью как-то не получилось. Когда мы поженились, я думал: вот будет Тамарочка старенькая, немощная, я буду за ней ухаживать. Уж очень мне хотелось этого, сам не знаю почему… Не пришлось мне поухаживать, ушла от меня моя матушка, оставила меня одного, а старый я или нестарый, сейчас никак не пойму, знаю только, что она всегда была молодая, время её мало касалось. Дал ей Бог царственную осанку. Она, смеясь, говорила: «Меня на работе называют княгиня Коломенская» (это её девичья фамилия). И что ни наденет — все ей было к лицу и в самый раз, очень за собой следила. Одевалась скромно и удивительно просто. И меня так приучила. Следила за мной, хорошей и доброй была хозяйкой. Не стало моей княгини, и слезы душат меня, а она с портрета смотрит и улыбается. Княгиня ты моя, княгиня, как же мне плохо без тебя… Но на всё Божья воля. Чтобы молитва шла за неё и моя, и моих духовных чад. Все за неё молятся. Чад мне много дал Господь. Я за них молюсь, а они за неё. Спасибо всем тем, кто не оставляет меня своей помощью и молитвой о моей матушке.

***

Воспоминания ранят, бьют в самое сердце… что делать? Я думаю о Господе, призываю Божью Матерь, Николая Угодника, Тамару, маму: помогите, утишьте боль, не могу один справиться, нет никого рядом, и становится полегче. Я не говорю о службе, о молитве, о своем предстоянии перед Господом, это совершенно другое, там помощь ощутима, а вот когда один дома, на улице и вдруг… всё всплывает. Не знаешь, куда деться: вот они перед тобой, родные и близкие лица, а их нет — это ты их вызвал своей памятью. И в той жизни и в этой нам хочется быть вместе, на какое-то время Господь разъединил, а нам в разлуке очень трудно, и мы ждем не дождемся радостной встречи у Господа. Знаем, что грехи давят, что недостойны, а вот до конца не верим, что Он нас там разлучит, надеемся на Его милость и плачем: не разлучай Ты нас, Господи, раз соединил на земле, то пусть это соединение будет вечным, и прости нам наши грехи, не допусти того, чтобы они задавили нас своей непомерной тяжестью: уж очень мы слабы, и без Твоей помощи не выдержим и не выстоим, помоги, соедини нас всех любовью, мы Твои, а Ты наш, наш Бог, наш Отец, и мы ни шагу без Тебя ступить не можем и не смеем. Уврачуй наши раны, и телесные, и душевные, пошли память смертную и память об ушедших, и утишь наши муки душевные, не вспоминать мы их не можем, тогда,

наверное, ещё хуже будет, совсем пропадем, и в своем беспамятстве забудем не только наших близких, но и Тебя, потому что все едино. Пускай будут воспоминания — значит, мы ещё живы, значит, мы друг друга помним, значит, нужна молитва друг за друга, значит, Ты Господь посреди нас…

***

Отпевал я Тамару в Антиохийском подворье. Мама стояла на клиросе и пела. Привез я Тамару под отдание Пасхи, после службы к ней вышли владыка Нифон, о. Петр, о. Михаил, протодьякон о. Георгий. Сам Владыка отслужил по ней литию и сказал очень хорошие слова, которыми меня поддержал в тот трудный час. Владыка всегда поминает мою маму и матушку во время Херувимской песни. Когда он поминает усопших архиереев, священников, своих родителей Гавриила и Розу, то всегда добавляет, вынимая частички из заупокойной просфоры, имена моих близких. А я стою и молюсь за Гавриила и Розу. Как хорошо, что Господь всех нас так любит, что его любовь объединяет живых и мёртвых!

Мама и Тамара, ждите, скоро приду… только помолитесь о том, чтобы одежда у меня была получше, почище, посветлее, а то в плохой одежде там у вас не принимают… До встречи, родные мои!

АРХАНГЕЛЬСКОЕ

Родители Тамары снимали дачу в Архангельском. Чудесные, благодатные места, деревня называется Михалково, по названию церкви Архангела Михаила. Когда Тамара первый раз повела меня в усадьбу, а затем к храму, стоящему на берегу Москвы-реки над обрывом в окружении вековых сосен, то показалось мне, что увидел я чудо чудное, диво дивное, подобное граду Китежу. Хотел войти в тот дивный храм и помолиться, но не тут-то было: потрудились безбожники и разместили внутри склад каких-то станков. Разрушали храмы и тем охлаждали души, рвущиеся к Богу: идет человек, видит храм стоит, а подходит поближе и обнаруживает, что не храм то, а лишь его оболочка… Верующие люди молились около разоренных храмов и целовали церковные стены, чтобы хоть так прикоснуться к святыне. Мама любила подходить к храмам и молиться у их стен. «*И храм поруганный есть храм»* — так, кажется, у Надсона. Когда сейчас входишь в храм Архангела Михаила и видишь священника, слышишь пение, то эта обычная церковная жизнь кажется нереальной, настолько глубоко засела в нас мысль, что раз храм был закрыт, то его уже никогда не откроют. Но Господь открыл, Он всё может….

***

Бывало, едешь на автобусе в Архангельское и слышишь: «Следующая остановка — «*Спас»* — это храм Преображения Господня (яблочный Спас).

Едешь дальше — «*Архангельское*» — храм Архангела Михаила, начальника всех воинств небесных.

«Николо-Урюпино» — храм в честь Николая Угодника, так нами всеми чтимого и любимого.

«Ильинское» — храм в честь Пророка Илии (даже шоссе названо Ильинским) и место пребывания царской семьи, благоверной княгини Елизаветы и благоверного князя Сергея Александровича.

«Петрово-Дальнее» — это в честь первоверховных апостолов Петра и Павла.

Хорошо хоть названия ещё сохранялись и о чем-то напоминали нам, бедным русским людям, одуревшим от атеизма и уставшим от строительства коммунизма. Теперь везде идут службы, — поблагодарим за это Господа и не забудем тех, кто это время приблизил.

***

Для моей матушки Архангельское — такое же родное место, как и Даниловка. Вспоминаю первую нашу поездку. От Сокола тогда шли автобусы 249-й и 241-й. По пути первым бросался в глаза закрытый храм Преображения: он стоял без колокольни, с растущими березками на крыше. Проезжали деревни Павшино, Гольево и Архангельское. Пихтовая аллея выводила к усадьбе: арка, узорчатые металлические ворота, и перед нами — дворец князя Юсупова, среди сосен, пихт, елей, и чудесный парк, в котором было так много белок. Помню, как в одну из поездок мы гуляли по парку и я звал: «Яшка, Яшка…» Подбежала белочка, встала на задние лапки и взяла из рук орешек. Когда она к нам бежала, то Тамара даже немного испугалась, так это было неожиданно, что зверек бежит к человеку, а не убегает от него в страхе. А как-то мы с мамой сидели в парке на лавочке, и белки вели себя с нами, как с близкими родственниками: залезали на коленки, брали орешки из рук, даже залезали в карманы моих брюк так, что торчал один только хвост…

Одна из аллей парка выводит к Святым вратам, за которыми проглядывает храм Архангела Михаила: белоснежные стены, купола, кресты, за храмом обрыв к Москве-реке, а над обрывом стоят вековые сосны. Тамара обводит меня вокруг храма и показывает надгробие дочери князя Юсупова Татьяны. Храм был тогда недействующим, но все равно освящал собою все вокруг: и реку, и парк, и близлежащие деревни. Мы молимся у храма и отправляемся в деревню Михалково, где снимаем дачу…

***

Архангельское. Храм архангела Михаила. Пасхальная светлая седмица. Как чудесно поют птички, кажется, соловьи: заслушаешься. Солнце, купола, сосны, река, воздух… не помню, когда таким дышал. И не перестают петь птицы: славят весну, Пасху. Солнце и неизъяснимая радость от светлого Христова Воскресения. Скоро Радуница.

Чую Радуницу Божию,
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.

И Есенин чувствует Радоницу, и я, и ушедшие ждут её не дождутся. Скажут: скоро к нам придут наши близкие, которых Господь оставил на земле молиться за нас. Радуйтесь, ибо Христос воскрес, и даровал нам всем Воскресение. Воздадим хвалу воскресшему Господу — Тому, Кто дал нам жизнь, такую радостную, жизнь вечную.

Христос воскресе из мертвых
Смертью смерть поправ
И сущим во гробех живот даровав.

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!
Воскресение Твое, Христе Спасе,
Ангелы поют на небесех,
И нас на земле сподоби
Чистым сердцем Тебе славити.

***

Почему так хорошо в Архангельском? Там как будто над озерами, перелесками, оврагами, соснами, березками, пихтами, деревнями веют своими крыльями архангелы, ангелы, серафимы, херувимы, престолы, господства, славы… и непрестанно славят Бога. А на ночь все слетаются в храм, чтобы утром опять разлететься в разные стороны… и славить Того, Кто сотворил такую красоту.

Архангельское, милое Архангельское, почему здесь так благодатно? Конечно, местность освящается храмом, все пропитано архангельским воздухом, каждая тропинка, каждый листочек шепчет: «Архангельское». Приезжайте, вслушайтесь, и вы это услышите, вдохнете в себя этот живительный архангельский воздух, омочите лицо в архангельских родниках, сорвете архангельскую землянику, найдете архангельский боровик, покормите орешками архангельскую белочку, искупаетесь в архангельской речке. Мне кажется, нет названия чудеснее — Архангельское: архангелы, ангелы и мы. Побродите по лесу со своим ангелом-хранителем и помолитесь в церкви Архангела Михаила — начальника всех воинств небесных. И никогда не забудете ***Архангельское***!

***

Сидим беседуем с владыкой Нифоном: «Отец Вячеслав, давно ли Вы были в Архангельском?» Удивительно, но Владыка тоже любит Архангельское и часто там бывает. Однажды летом он зашел в алтарь радостный, загорелый, сияющий.

— Владыко, — спрашиваю, — Вы, наверное, были в Архангельском?

— Отец Вячеслав, а как Вы угадали?

— Только оттуда можно приехать в таком настроении, загорелым и веселым.

Смеется.

На улице зима, холод, Владыка спрашивает: «Отец Вячеслав, как там Ваше Архангельское?» И весь облик его преображается. Много прекрасных уголков в Подмосковье, а вот выбор Владыки из далёкого Ливана пал на Архангельское. Наверное, само название много говорит сердцу настоятеля храма Архангела Гавриила.

Мне любовь к Архангельскому передала матушка Тамара, я передал эту любовь моей маме… А Владыке…? Видно, ангелы перелетали с места на место, из Архангельского — в храм Архангела Гавриила, нечаянно зацепили Владыку своими крылышками… и понесли с собой, пусть, мол, полюбуется на то чудное место, где мы обитаем. А архиерей с трубным голосом нам пригодится… Так что знайте, когда владыка отсутствует, его голос можно услышать в общем хоре ангелов, славящих Творца…

А как-то раз ангелы взяли и переименовали Телеграфный переулок в Архангельский — давно бы так!

***

За деревней Михалково протекает ручей, в котором мы всегда брали воду для чая. Возьмешь ведерки и идешь вдоль деревни с таким настроением, как будто что-то торжественное предстоит: я иду на ручей… Спускаешься к нему по узкой тропинке, а там тебя встречают комарики, как их ласково называла мама. Опускаешь ведерко в бетонный круг, наполненный прозрачной ключевой водицей, опускаешь другое, подхватываешь за ручки… и бегом наверх, оставляя комаров без обеда. А чай из ручья не сравнишь ни с какими напитками… Самовар шумит и сипит на сосновых шишках и березовых чурбанчиках… весь сияет своими медалями. Чаепитие в Михалкове… До чего же он вкусный, этот чай, и каких только запахов не впитал в себя: здесь и сосновый, и березовый, и как будто все ароматы полей у тебя в стакане… размешивай и пей небольшими глоточками, наслаждайся, в Москве такого никогда не будет… И так мне захотелось сейчас, сидя в городской квартире, этого чая, что решил я свою мечту осуществить.

Накануне мой духовный сын Вячеслав предложил мне отвезти меня в Михалково. А я решил захватить порожнюю посуду, набрать в ручье воды и попить в Москве из нее чая… Конечно, самовара того нет… Если он и жив, то потускнел, наверно, да и где теперь его искать… Может, на выставке где-нибудь стоит, вспоминает своё блестящее житье. Мы выехали рано утром. Был чудесный дождливый день. Приехали в Михалково и пошли на ручей… под зонтами прошлись по хвойному лесу, затем набрали в ручье михалковской ключевой водички, постояли у пруда, на уточек посмотрели… Вдруг Вячеслав говорит: «Батюшка, а не съездить ли нам к Преподобному, времени ещё мало, обернемся». Сели и поехали. Я говорю: «Это нас Архистратиг Михаил со ангелы на крыльях понес в Сергиев Посад… Смотри, Вячеслав, какое чудесное желание он вложил в твое сердце. Так что не одни мы туда едем, они, ангелы, нас сопровождают…». Дождь идет, а нам благодатно и радостно, и на душе светло. Проехали вдоль монастырской стены, он поставил машину… идем через святые ворота, а у меня слезы на глазах… Неужели я здесь, в обители Преподобного… Вошли в Троицкий собор… Там полумрак,

батюшка читает Евангелие, а свет Христов как бы всех окутывает. Я стою на коленях и поливаю слезами истоптанный богомольцами пол собора… и молюсь за всех… имена их Господь знает. Подниматься не хочется, так бы и целовал этот святой пол… и плакал бы за всех и за вся…. Свечки поставил, ещё раз приложился к мощам, кто знает, когда ещё приеду…

Дома поставил чайник и на михайловской ключевой водичке заварил чайку… А как только поднес к губам чашку и отхлебнул, то сразу вспомнил 1972 год, когда последний раз пил такой чай, тот же вкус и аромат… Поклонился я Вячеславу: спасибо тебе за михайловскую водичку, а за Преподобного — вечный я твой молитвенник…

У Преподобного был, у Преподобного был, — только и твержу. Какой счастливый день посетил меня. Сколько же чудес на свете, просто их нужно видеть.

Почаще бы шел дождь, с ним вместе плакать как-то сподручнее. У дождя своя молитва — каплями, а у меня — слезами…

***

Хозяйку дачи звали Мария Сергеевна. В горнице у нее иконы, как и у многих в деревне. Как-то мы с мамой сидели у пруда, подошел мужчина, разговорились… «Вон видите, на той стороне небольшой зеленый домик… Это, знаете ли, раньше была… часовня». Наверное, деревенских, ушедших в другой мир, сначала ставили туда, а потом уже отпевали в Архангельской церкви. Деревенский быт и жизнь духовная были отлажены, и как потом все обернулось неверием, безбожием… Срамотой и болью, которая и до сегодняшнего дня не прошла: болью за разор, что мы сами у себя учинили….

А деревня Воронки, как жила, так и живет, кое в ком теплится ещё вера, были и раньше там верующие старушки, наверное, и сейчас есть… Открыт теперь в бывшей Юсуповской усадьбе небольшой, но уютный храм… И помолиться можно сходить, и куличик освятить, и ребеночка окрестить… А преставишься — отпоют и с молитвой в последний путь проводят… Неискоренима вера в нашем народе: разрушенное поднимает и поломанное восстанавливает, только избави Бог от повторения того, что было… Спаси и сохрани, Господи, нашу страну и другие страны, которых мы по своему неразумию сбили с истинного Пути!

***

Теперь храм Архангела Михаила в Архангельском всегда открыт. К «ящику» подходит женщина средних лет: «Ты, Боженька…» — «Я — не Боженька, а Боженька — там», — отвечает женщина, продающая свечи, и подводит прихожанку к иконе. Та начинает громко говорить, обращаясь к иконе как к живой. Потом переходит к другой иконе, спрашивает, рассказывает что-то, идет самый настоящий диалог, иконы ей отвечают, а она — им. Люди не обращают на нее внимания, посчитав за больного человека, а я подумал: это женщина видит то, что от нас сокрыто. Неизвестно ещё, кто из нас болен: она или мы? Она в храме у Живого Бога, у Живой Божьей Матери, у святых, ведет с Ними беседу, и они ей отвечают. А мы ходим, ставим свечи, целуем иконы, но никакой беседы с Богом не ведем. Со знакомыми мы разговариваем, а в храме почему-то молчим.

Возможно, в тот день я встретился с блаженной. Когда я выходил из храма, она всё говорила и говорила с иконами…

***

В Архангельском, за усадьбой Юсупова, за церковью Архистратига Михаила была очень уютная и приветливая столовая с чудесным, хвойно-лесным названием «Белочка», где над входом, среди сосновых веточек сидела белка. Мы с Тамарой довольно часто туда заходили, любила эту столовую и мама…. Хорошие, почти домашние обеды, горячие пирожки, булочки, большие деревянные столы и стулья… Бывало, помолимся и сидим обедаем, а совсем рядом лес с настоящими белочками, могучими елями и соснами. Как-то поехал я уже один и увидел, что столовую закрыли… Ремонт делают, подумал я, но ничего, откроется столовая и будет ещё уютнее и теплее. Дождался я, когда столовую открыли, и увидел, что назвали её по-другому — «Пивной ресторан «Усадьба» (наверное, чтобы угодить Юсупову). Вряд ли бы он одобрил тех, кто это построил. Испортили они его землю, в украшение которой он вложил все своё умение и свою жизнь. Внутри этого ресторана полы и перегородки, отделяющие столики, покрыты темно-красным бархатом, везде понатыканы «произведения искусства». А цены такие, что волосы встанут дыбом… Подъезжают в обеденное время три-четыре шикарные машины, выходят «добры молодцы» с «красными девицами» и уверенной походкой хозяев проходят в «Усадьбу». Спрашиваю уборщицу бабу Шуру, много ли бывает посетителей, а она говорит, что только на машинах приезжают, в основном из таможни… Вот и канула в Лету «Белочка», да и живых белочек в лесу архангельском я давно не встречал.

***

19 апреля 1999 г. День рождения матушки Тамары

Выхожу я из архангельского леса на поле и иду мимо двух мужиков, что работают у строительного вагончика. Они поворачиваются в мою сторону и спрашивают:

— Это ваш заяц за вами бежит?

Оглянулся я и вижу, что за мной скачет большой белый ушастый заяц. Я остановился как вкопанный, да и мужики замерли на месте, а заяц рванул к лесу, но вскоре опять появился и пронесся стрелой по полю недалеко от нас. Рабочие, видно, приняли его за ручного кролика, которой прогуливается с хозяином.

Чем я мог понравиться беляку ушастому? Может, он давно батюшку не видел? Или весточку мне принес?

***

Когда мы жили в Архангельском в 70-е годы, в лесу было много грибов и ягод, особенно земляники — по просекам и на опушках, а вдоль дороги тянулся малинник, в котором малину горстями собирали. Под молоденькими елочками водились белые… Приподнимешь еловые лапы, а он на тебя из-под коричневой шляпки смотрит. Из ягод варенье варили, и с деревенским молоком да белым хлебом ели. А грибы я всегда сам жарил, никому не доверял…. Переберу, порежу, помою, выложу их на сковородку, накрою и жду, пока потомятся. Как увижу, что весь сок почти ушел, кладу масло и опять накрываю. Водичку подолью, чтобы грибы не подгорели. Затем режу луковицу и добавляю к грибам. Долго над ними стою и слежу , чтобы не засохли и не пережарились. Все время надо следить, не отходя от плиты, а то весь труд пропадет даром. В самом конце кладу три-четыре ложки сметаны и даю ещё постоять с закрытой крышкой.

Жюльен, который подают в маленьких жестяночках с длинной ручкой — это отдаленное подобие моих жареных грибов, но деревенские грибы, конечно, лучше любого жюльена. Затем я отдельно жарил картошку с румяной корочкой и со шкварками, нарезал черный хлеб и… райское кушанье готово. Сковородку потом просто вылизывали…

Грибы бывали разные, не одни только белые, но и сыроежки, и опята, подберезовики, подосиновики, лисички, козлята, маслята. Для аромата хорошо бы добавить несколько шампиньонов (у них особый вкус). Грибы и ягоды называют дарами природы (даже такой магазин в Хамовниках был), а мне хочется назвать их *дарами Бога*… Он все нам дал, чтобы мы жили да радовались, меньше грешили и благодарили Его за эти великие дары, за дар жизни, за дар пищи и питья, за дар дышать Его воздухом — за дар перехода из одной жизни в другую и за такое малое, как грибы, которые в общем букете всех даров Божьих тоже что-то значат… Едим мы их, а мысли наши во время еды должны возноситься к Тому, кто дал нам эту чудесную пищу… Открыть бы в Москве огромный магазин: «Дары Бога», народ бы туда валом валил… и выходил бы с полными сумками Божьих даров. Неправильно назвали в своё время эти магазины «Дарами природы», вот они и исчезли, а «Дары Бога» так бы и стояли, как стоит наша Москва!

***

Мы часто отмечаем памятные места, где бывал Пушкин. Приезжал он и в Архангельское к князю Юсупову. Неужели он не заходил в здешний храм? Наверное, заходил и молился, и ставил свечу за своих родителей, за Арину Родионовну, за свою семью… Есть ли на русской земле хоть один храм (кроме тех двух, где его венчали и отпевали), на стене которого была бы памятная доска, рассказывающая, что в этом храме молился (именно *молился*, а не просто *бывал*, как написали бы во времена атеизма) Александр Сергеевич Пушкин. Все-таки мало мы любим Пушкина. Все отмечено — все места, где он бывал, читал стихи, даже полицейский участок, и тот отмечен, а вот *в каком храме молился Пушкин,* нигде не сказано, как будто он был совершенно неверующим человеком. Откуда же тогда взялись строки:

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв,
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпенья, любви

И целомудрия мне в сердце оживи.

Если Великим постом в храме не помолишься, то так никогда не напишешь.

***

Архангельское. Сижу на скамеечке у храма Архангела Михаила и беседую с отцом Петром, настоятелем. Он жалуется, что мало людей ходит в храм, под Сретение было всего человек двадцать… Я задумался и сказал:

— Знаете, батюшка, что я Вам предложу… Всем известно, что имение князя Юсупова посещал Пушкин, а он был человек верующий и не мог не зайти в ваш храм помолиться и поставить свечу. Повесьте у входа в церковь мраморную дощечку «В этом храме молился Александр Сергеевич Пушкин .

— Скажут, где доказательства? — озабоченно ответил отец Петр. — Правда, один из приездов Пушкина совпал с днем Усекновения главы Крестителя Господня Иоанна, но никто не знает, заходил ли он в церковь.

— Пушкин оставил чудесные строки, посвященные Архангельскому, — сказал я, — он был во дворце и гулял по парку в день престольного праздника (*«Нашим престольным праздником// Храм наш двухпрестольный…»)*, когда народ шел в храм, люди-то были православными, не чета нынешним… Не мог он не зайти и не поставить свечу, не помолиться за того же Ганнибала, своего прадеда, который участвовал в военных баталиях вместе с Петром I, тем более, что в этот день поминают воинов.

А жители поселка увидят мемориальную доску на храме, и им стыдно станет, что сам Пушкин здесь *молился,* а мы только и знаем, что телевизор смотрим — *может, кого-то и подвигнет на молитву сам Александр Сергеевич!*

В Архангельском есть памятник Пушкину. Раньше Александр Сергеевич здесь по аллеям с князем прогуливался, а теперь один стоит, задумчивый такой, куда-то вдаль смотрит… Подойдешь к нему, поклонишься: здравствуйте, господин Пушкин… Смотришь, и он свой цилиндр приподнимает. Когда бы я ни приехал, всегда его встречаю. Нравится ему здесь, потому что в Москве народа много, а здесь тишина и покой: думать хорошо, мечтать и писать.

***

Сидел я как-то на берегу речки в Архангельском и увидел похоронную процессию, в которой было что-то нестеровское, задушевно русское, не хватало только фигуры священника. Кругом нежные березки, течет река, облака плывут, над головами людей покачивается гроб, как будто все направляются в Царствие Божие…

Как же мы себя изломали, запершись в каменные мешки городских домов, где и усопшего нельзя вынести как полагается! Как мы изуродовали землю и самих себя… и продолжаем с ожесточением и злобой уродовать. Все меньше остается на земле таких прекрасных уголков, как Архангельское. Да и там сейчас слышен лязг и грохот, все что-то роют и роют… Ни коров, ни коз, даже кур не видно в близлежащих деревнях. Когда в Воронках я поднимаюсь от ручья к колодцу, то меня встречает красивая черная собака Ласка, которая обнюхивает сумку, надеясь на косточки, что я иногда привожу ей. Славная собаченция, так и ластится. А у магазина ждет меня другая и тоже хвостом виляет.. Когда мы в этой деревне жили, то у местных пастухов были собаки, помогали сторожить стадо… Теперь стада нет… А бывало, идут коровы по деревне домой, с

полными боками, каждая заходит в свои ворота, где отдает хозяйке теплое парное молоко, которое целый день нагуливалось на заливных лугах. Где теперь они, эти Зорьки, Зойки… Они ведь были членами семьи, а теперь члены семьи — машины, а молоко люди пьют порошковое… Машину не подоишь….

Избы ломают и строят каменные особняки, а деревня должна быть деревянной…. Пора, наверное, уже переименовывать деревню Воронки в «Воронки Каменные»… Скоро у домов ни черемух не будет, ни садиков, ни грядочек… Дом, гараж и асфальтированная площадка… а вместо собак будут другие «стражи» в форме, с автоматами…. Ни калиток не будет, ни колодцев, ни завалинок… ничего, одни камни… «Камень на камень, кирпич на кирпич»… Кто-то это предвидел, но неужели всё так и сбудется… Хоть бы кто-нибудь рубленую избу в Воронках построил, начало деревне положил и собаку бы завел, которой можно было бы ласково сказать: «*Ну не лай ты, не лай, не лай, хочешь, пёс, я тебя поцелую за пробуженный в сердце май».*

***

Я готов рассказать тебе, поле,
Про волнистую рожь при луне.

Архангельское, деревня Михалково, около двенадцати часов ночи. Мы с матушкой с автобусной остановки идем ржаным полем к деревне: темно, луна, легкий ветерок колышет рожь, идти километра два. Тогда эти строчки Есенина мне не вспомнились, вспомнились сейчас. Тогда было другое: ночь, звезды, луна, колоски ржи, и чувство, что рядом Господь, потому что просто не может быть, чтобы Его в этой красоте не было. «Красота спасёт мир», — Божья красота, и Сам Господь — Красота, создавшая эту красоту. Идти ночным полем и внимать Ему, прислушиваться, что Он тебе скажет, что откроет в легком дуновении ветерка, что Он вложит в твое сердце, в душу, и откликнуться: Господи, да я всё приму, что пошлёшь, и скорбь, и радость, только будь со мной, не оставляй меня… Шли мы и ощущали Его присутствие, что Он рядом, и не боялись. Часто возвращались из Москвы затемно, шли через овраг, полем гречихи, мимо уснувших дач, и всегда Он был с нами.

Милое Михалково, милое Архангельское, сколько с вами связано — и молодость, и старость. Да, постарели мы. Интересно, а там, в вечной жизни, стареют? Наверное, нет. Там, как дети, ибо «их есть Царство Небесное», а значит, все там дети. А среди детишек — Христос. Вернуть бы детство, и таким остаться, маленьким мальчиком, до седых волос. Но ведь и оставшуюся жизнь можно прожить ребенком, стоит только захотеть. Побольше решимости, о которой говорил преподобный Серафим, а Господь всегда будет помощником.

***

Наступила зима, и мои поездки в Архангельское прекратились. Но закрою глаза, и вижу храм Архангела Михаила, заснеженные ели и сосны, внизу Москва-река, покрытая льдом и снегом, главы храма, лавочка у сторожки, необозримая даль за рекой… Всё московское позабыто, куда-то отодвинулось и только здесь, в Архангельском, протекает реальная жизнь…. Хочется долго-долго стоять среди волшебного спящего леса, остаться навсегда в этом райском уголке. Выгнал нас Господь из рая, но этой Архангельской красотой напоминает о том, что мы были когда-то в раю и чего

лишились…. Пройдут года, столетия, зима будет сменяться летом, а мы останемся слитыми с этим лесом, со звездным небом, с луной, льющей дивный свет…. Кто мы, что мы в этом мире… Божьи человечки, выпущенные Им, как птицы в этот дивный мир, хранимые Им и до боли любимые…. Он здесь, с нами, в этом лесу, здесь всюду Его дыхание, здесь Вечность…. Господи, будь всегда с нами, нам так хорошо с Тобой…..Вот и побывал я в Архангельском…. За окном мороз, а у меня на сердце тепло….Господь посетил!

СЛУЖЕНИЕ

“В чин священства, не по делом моим но по единей Твоей благоизволил еси призвати милости”

(Из молитвы святого Амвросия, епископа Медиоланского)

Приезжаю в храм Всех скорбящих Радости на Ордынке к архиепископу Киприану, который должен меня рукополагать, представляюсь и беру у него благословение. В храме идет всенощная под день мученика Трифона. Владыка даёт мне часослов и говорит: «*Иди читай шестопсалмие, последний раз читаешь*», особо выделив слова «*последний раз»,* имея в виду, что шестопсалмие читают чтецы, а меня на следующий день должны рукополагать во диакона, а через день, на Сретение, — во священники.

По рукоположении отправляюсь в храм Рождества Христова в Измайлове, где я теперь должен служить. Там тоже идёт всенощная. Я тем временем знакомлюсь с настоятелем отцом Виктором Жуковым и с батюшками. Перед утреней подходит ко мне настоятель, даёт часослов и говорит: «*Идите читайте шестопсалмие*». Я стою, онемев, и думаю: «Владыка ведь сказал «последний раз», а теперь меня здесь так унижают: я — священник, а они делают из меня простого чтеца». Слава Богу, что хватило у меня ума не отказаться и пойти читать. Оказывается, у отца Виктора Жукова было принято, чтобы священники под воскресные дни и праздники по очереди читали шестопсалмие.

***

День мученика Трифона и Сретение слились в моей душе воедино как праздник моего рукоположения. Каждый год с тех пор я жду Сретения, как светлого большого события в моей жизни. На Сретение зима с летом встречается, а человек — с Богом. Сретение — моя личная Пасха, которую Сам Бог сотворил для меня: я нагнул голову, Господь накрыл меня и оставил в епитрахили… *Аксиос, аксиос, аксиос… достоин.* Смотрю: стою в облачении, а люди подходят и крест у меня в руках целуют, среди них и мама… А я как бы со стороны на себя смотрю… Так на Сретение встретил я Господа на всю жизнь и радостью этой встречи делюсь с тех пор со всеми.

***

Свою первую литургию я служил один, но рядом, правда, стоял батюшка, который мне подсказывал. Я должен был молитвы тайные вычитывать, возгласы произносить и помнить, что я теперь священник, а не алтарник. Боялся что-то сделать не так, даже сейчас не могу понять, как отслужил первую литургию. О внутренней молитве, наверное, и речи не могло быть, так все на меня нахлынуло… Батюшка, стоящий рядом, говорил мне, когда руки воздевать, когда что произносить, а остальное всё Господь делал, Его благодать меня не оставляла.

Первую литургию я служил в храме Всех скорбящих Радости на Ордынке. При самом рукоположении и на первых службах я как бы со стороны на себя смотрел: стою в подризнике, в облачении, в епитрахили, всё это на мне, а вот сам ли я это, или кто другой… Я часто стоял на службе и думал: вот на мне епитрахиль, а неужели я с ней слит? Да не может этого быть, здесь что-то напутано, и опять смотрю на неё, да нет, вот она на мне. Господи, за что, за какие такие труды Ты мне дал служение…. Со временем я

слился с облачением и со службой. Чувствую в этом пристуствие Господа, Он посылает это слияние. Рвётся моя душа к службе, боюсь только своих немощей и грехов… Вдруг они остановят, не дадут совершиться службе, страшно становится… Как-то стало мне плохо в метро, когда я ехал к поздней литургии… Чудом добрался до дома, лег и только повторял «Господи помилуй, Господи помилуй…», а где-то внутри звучало «а служба-то, служба-то как же»… Казалось, что ещё секунда, и… я бы ушел. Да Господь спас, пришел я в себя, смотрю — на часах половина девятого. Хорошо, что я рано выхожу на службу и у меня всегда есть запас времени: вскочил и побежал — без двадцати десять уже был в алтаре. Слава Тебе Господи! Один раз всё же заболел и остался дома: лежу и думаю, что всё кончено, завершилось моё служение… Но Господь опять проявил милость. Но остался страх: вдруг не доеду, не отслужу литургию, — как боялся за самую первую, так и за самую последнюю боюсь.

Завтра мне служить, ехать в метро и думать о своей службе: как буду облачаться, молиться, частички вынимать, а всем от этого будет светлее и радостнее… Священство — самое великое дело на земле, так как Он Сам и Его благодать действуют через нас, принявших рукоположение. Поставлен у Престола, стой и молись, и не рассуждай, скорби о грехах, о своём недостоинстве, но молитвы не прерывай, Сам Господь с тобой и тебе помогает, без него ничего бы этого ты не понёс.

Первая и последняя литургия… Первая была, а когда будет последняя, не знаю… Один Господь весть…

***

Когда я пришел служить в Измайлово, настоятель отец Виктор Жуков не очень был ко мне расположен. Все священники были певцы и с отличным слухом, до меня на этом месте служил отец Николай Ведерников, окончивший Московскую консерваторию по классу композиции. А мне слон на ухо наступил.

Как-то по окончании панихиды подходит ко мне отец Виктор и говорит: «Отец Вячеслав, вы нам не подходите». Я промолчал, а он перестал со мной здороваться.

Прослужил я около месяца, и опять ко мне подходит отец Виктор: «Отец Вячеслав, народ Вас очень любит, уважает. Причащали Вы как-то на дому, Вам хотели дать три рубля… а Вы не взяли…» Я снова промолчал. Стали друг с другом здороваться и целоваться.

Вот что могут сделать простые три рубля и как изменить отношения между людьми. А насчет пения самый знатный из них певун отец Виктор Продан как-то сказал мне : «Отец Вячеслав, у Вас все хорошо получается, только немножко повыше берите». А батюшки, слушая, как я служу, смеясь, говорили: «У отца Виктора и сковорода запоёт».

***

На всенощную службу под праздник в храме собралось много народа, в алтаре четыре священника, на правом и левом клиросе стоят певчие, время начинать службу, но нет отца Виктора, а без него начинать нельзя. Наконец, с опозданием на 20 минут, о. Виктор заходит в алтарь, прикладывается к престолу и слышит голос протодьякона:

— Ничего себе, прихожане, священники, правый и левый хор ждут одного!

— Отец протодьякон, снимайте стихарь, служить сегодня не будете, — очень внятно произносит отец Виктор.

— Простите, — говорит протодьякон и падает перед ним на колени.

— Служи.

Повинную голову меч не сечёт.

***

В Измайлово в храм Рождества Христова пришел новый настоятель, архимандрит Герасим, человек неуравновешенный, вспыльчивый, порой неуправляемый. Служить с ним было очень трудно.

Как-то в праздник, под конец службы, настоятель стоит с крестом в царских вратах, а протодьякон Петр (Есин) произносит уставное многолетие. «Братии… и прихожанам святаго храма сего…», — выводит басом протодиакон, пропуская в многолетии слово «настоятелю». Архимандрит Герасим оборачивается в гневе: «Почему пропустил «настоятелю»? Отец Петр молчит. «Говори: “настоятелю многая лета”», — повторяет о. Герасим…

Тогда протодьякон Петр оборачивается к народу, наполнившему храм, и громко, так, что слышно во всех уголках, произносит:

«Отцы и братья, сестры, вот настоятель требует, чтобы я ему произнес многолетие, **а за что?»**

Наверное, по уставу многолетие произноситъ надо, но надо это и заслужитъ.

***

1958 год, деревня Алешки, Волгоградская областъ.

Деревенский священник, бывший бухгалтер, жил в сторожке рядом с храмом. Ночью кто-то подпёр его дверь и поджёг сторожку. Священник сгорел, а виновников не нашли. Помню, как на Троицын день я молился у него в алтаре.

***

Начало 60-х

Мой друг, иеромонах Сергий из Воронежа, вез мне довольно большую старинную цветную литографию Божией Матери Казанской, которая была свернута в трубочку и перевязана ленточкой. По его рассказу, самолет попал в воздушную яму, был очень сильный толчок, и всё, что было у него в руках, в том числе и литография, все полетело и покатилось по проходу. И вдруг отец Сергий видит, как по проходу , чуть ли не от самой кабины летчиков, идет маленький мальчик лет пяти и несет в руках свернутую в трубочку литографию. Поравнявшись с иеромонахом, он отдаёт ему свернутую икону… Отец Сергий расценил это как чудо.

Я вставил литографию в рамку, под стекло, и освятил её в Николо-Хамовническом храме. А перед освящением этот чудесный образ, по благословению батюшки отца Леонида, всю литургию находился на святом престоле. Всем, кто ко мне приходит, я рассказываю о чудесном обретении этого образа Божией Матери.

***

Иконы занимают огромное место в нашей жизни, они по-разному нам достаются: родовые переходят из поколения в поколение, их хранят, к ним бережно относятся, да по-другому и нельзя, на них молились деды, прадеды, от одного этого пред ними колени преклонишь; другие Господь посылает нам через каких-нибудь людей, знакомых и совсем незнакомых.

Две молодые женщины принесли мне икону Божьей Матери «Умиление».

— Батюшка, возьмите, — говорит одна их них, — это икона моего мужа. Он сказал, что она ему приносит несчастье, велел отнести в храм.

— Не может икона приносить несчастье. Она хранит, она благословляет, она помогает.

— Нет, Вы все-таки возьмите и нам будет спокойнее.

Говорю им:

— Если передумаете, приходите, я вам сразу верну её.

А сам стою и думаю: какая прекрасная икона, глаз оторвать нельзя. И где-то внутри такое чувство: уж лучше бы не забирали, Сама Божья Матерь ко мне пришла. Принес домой, поставил рядом с другими иконами и молюсь: «Господи, сохрани их неразумных. Не от зла они это делают, прости их, помоги их неверию, прости и Ты, Божья Матерь». Так и не пришли. Но если даже и придут, то теперь я уж им эту икону не отдам, а куплю другую и подарю. Эта икона уже намолена мною, грешным батюшкой, недостойной моей молитвой.

***

Прочитал я об Иверской Монреальской иконе Божьей Матери и о её хранителе Иосифе. Чудес от иконы много, Божья Матерь нигде и никого не оставляет и непрестанно пред Господом за всех заступается. И вот о чем я задумался: сколько у нас сейчас разговоров о раскольниках, но судим мы об этом по нашим мирским меркам. А есть мерки и другие — Божьи. Прислушиваемся ли мы к ним или пропускаем мимо ушей, не обращаем на Божьи знаки никакого внимания? Сама Божья Матерь посетила раскольничью (по нашим понятиям) Церковь, и когда митрополит Виталий, глава Русской Зарубежной Церкви, взял святыню в руки, руки предстоятеля этой Церкви покрылись миром. *Это о чём-то всё-таки говорит?!* Мы читаем о чудесах, умиляемся, молимся, храним Её образочки и ватки, пропитанные святым благоуханным миром, исцеляемся, а сам хранитель, прихожанин Зарубежной Церкви, остаётся для нас как бы в тени, да и сама Зарубежная Церковь как бы сокрыта. Божья Матерь являлась великим русским святым — преподобному Сергию, преподобному Серафиму… А чадо Зарубежной Церкви Иосифа, бывшего католика, Божья Матерь избрала хранителем своего чудотворного образа. Неужели и дальше нам упорствовать и не видеть здесь перст Божий? Явно Божья Матерь посетила эту Церковь, её предстоятеля и тех, кто в эту Церковь ходит. В каких только странах и городах не побывал с этой святыней за 15 лет блаженный Иосиф, святой человек (свидетельство святости — его мученическая кончина). А вот нас, нашу Русскую землю, Божья Матерь этой иконой не посетила. Мы можем сказать, что у нас многие иконы мироточат, и это, конечно, говорит о благодатности Русской Церкви, но ведь мироточивая икона Божьей Матери Монреальской говорит нам о благодатности и Зарубежной Церкви. Божья Матерь нас соединяет, а мы упорствуем и с той и с другой стороны.

И вот Образ Её исчез, и хранителя Иосифа нет, и мы не прикоснулись к этой святыне, не поклонились Ей на нашей земле и остались сиротами. Был дан Божественный знак соединения, а мы его не поняли, прозевали за другими делами, по нашему разумению, более важными. Мне кажется, что и им, и нам надо пасть перед Божьей Матерью на колени и просить у Нее, нашей Заступницы, прощения. Может,

простит, помилует, не отринет, мы Её дети, а дети бывают и неразумными… Надежда есть только на Её прощение, а так во всем и кругом мы виноваты.

Радуйся, Благая Вратарница, двери райские верным отверзающая!

***

Заступничество Божьей Матери всем обеспечено. Только воззови, обратись — обязательно подкрепит и поможет. Сейчас многие Её иконы источают миро: это нам особый знак для того, чтобы мы опомнились. Крепче, видно, раньше у людей была вера, и без видимых знаков верили, а вот нам, более слабым, особая благодать, особое видение, *немоществующих нас врачующая.* Это проявление Её любви к нам, роду человеческому, где грех — туда на помощь спешит благодать Божья. Только грешить, конечно, не надо. Если эта милость иссякнет оттого, что нас ничем не проймешь, тогда совсем страшно будет.

Песнь Божьей Матери надо петь непрестанно, возносить к Ней горячие молитвы, и засветится наша жизнь, заиграет духовными красками, и радостен будет наш мир, потому что Она — Матерь нас всех, и живущих и ушедших, и тех, кто должен появиться на Божий свет, который мы, каждый в меру своей греховности, испортили и сделали таким неуютным. А Божья Матерь всё и всех преображает, поэтому и обращаемся мы к ней, и протягиваем руки: *Пресвятая Богородица, Заступница Ты Наша, спаси нас!*

***

Измайлово

Маленький мальчик в валеночках подходит ко мне и спрашивает:

— Батюшка, можно я буду приходить к вам?

— Конечно, можно.

— Только меня мама в храм не пускает, а я говорю ей, что иду в кино.

— Говори, но потом на исповеди в этом покайся.

Мальчика звали Сева. Сейчас он отец Всеволод, священник.

***

Отец Валериан Николаев одно время был настоятелем в храме святителя Николая в Хамовниках, а я был у него алтарником. Звал он меня очень ласково — Славушка.

Много лет спустя, служу я священником в Измайлове в храме Рождества Христова, и вдруг… вторым священником присылают отца Валериана. Заходит он в алтарь и не верит глазам своим, и я тоже не верю…

— Славушка, и ты здесь?

А я ему:

— Батюшка, отец Валериан, а Вы-то как здесь оказались?

Поник немножко головой:

— Смирил меня Господь, вот видишь, теперь я не настоятелем…

А он был настоятелем и у св. Пимена, и в храме Преображения, и в Успенском храме Новодевичьего монастыря, и на Даниловском кладбище, и в Хамовниках, и в храме Божией Матери «Нечаянная радость» в Марьиной роще. Прослужил он в Измайлове 14 лет. На мой день Ангела всегда дарил мне коробку конфет (говорил, чтобы жизнь была сладкая) и старинную книгу, им подписанную. Надеюсь, Господь упокоил его в селениях праведных, ведь «Бог гордым противится, а *смиренным* даёт благодать».

Эти слова очень любила моя матушка Тамара, они у нее были записаны отдельно на листочке, и всегда лежали на столе под маленькими иконочками преп. Серафима Саровского и благоверной царицы Тамары, и сейчас лежат. Отца Валериана она знала и очень уважала, хотя они никогда не встречались. Я верю, что они встретились. *Там***,** в вечной жизни, и, может быть, беседуя, вспомнят обо мне и назовут ласково, как называли на земле: Тамара — Славочкой, а отец Валериан — Славушкой. *Царство им Небесное и вечный покой!*

***

70-е годы. Один день из жизни московского священника

Служил я тогда в Измайлове, а жил — на другом конце Москвы, в Чертанове. А мама жила на улице Ефремова, между станциями метро «Фрунзенская» и «Парк Культуры». В ту субботу я ночевал у мамы, ранняя воскресная служба начиналась в 7 утра, в алтаре нужно было быть не позднее 6.30, иначе ничего не успеешь сделать и службу задержишь, что непозволительно. Вставал в половине пятого, если не раньше, шел по Комсомольскому проспекту в сторону метро «Парк Культуры». Если в это время встречалась машина, просил подвезти. Один раз ехал даже на огромном Камазе, сидел на сиденье, как на троне. Все это стоило тогда от 3 р.50 коп. до 5 рублей, как договоришься. Если удавалось подъехать на машине, то на службу приезжал к шести часам, а то и раньше. Рад бывал так, будто мне Нобелевскую премию присудили, уж очень хотелось службу вести не спеша, а если машины не было, тогда по-спринтерски добегал до метро и, как только открывали двери — бегом вниз по эскалатору, а там внизу должен успеть на поезд, если не будешь бежать, то он уйдет, и ты потеряешь целые 10 минут, которые утром так дороги. Шлепнешься, бывало, на сиденье и не веришь — неужели успел? Едешь до Курской, стоишь у дверей наготове, чуть приоткрылись — ты пулей вверх по лестнице, по переходу, чтобы и на Измайловской линии успеть в только что подошедший поезд. Успел, слава Богу… Сердце готово выпрыгнуть, то ли от радости, то ли от такого бега… Едешь… Вот и Измайлово… Поезд из тоннеля выскочил на улицу — справа лес, слева дома… Опять у двери первый — на старте и — бегом, сейчас должен подойти автобус, не успеешь — придется бежать, высунув язык, довольно большие четыре остановки. Этот отрезок часто бежим вдвоем с о. Петром, дьяконом, ноздря в ноздрю. А если едем на автобусе, то от остановки надо бежать между домами. Врываешься в храм — и наверх, по лестнице-«трапу» на колокольню, где батюшки переодевались. Простите, даже в туалет нельзя заскочить — потеряешь драгоценные минуты…. Подрясник, ряса, крест — и в алтарь вбегаешь… Возглас на «часы»: «Благословен Бог наш…» Да, «благословен», вот поэтому и бежал, спешил, несся как угорелый, чтобы произнести эти чудесные слова… А затем литургия, там уж «благословенно» Его Царство. Как же можно было не спешить, когда перед тобой Царство Божие, которое в то же время «внутри тебя»? Это «сказка» Божия на все времена и для всех народов, без которой никто из нас жить не может…

Ранняя литургия была моей любовью: в 8 часов утра идет молитва, помин о здравии и за упокой, предстояние перед Богом, перед Его Святым Престолом, полный храм народа, много причастников, молебен с водосвятием и заказные акафисты, пять-шесть и больше. В общей сложности два акафиста прочитаешь целиком, из каждого следующего читаешь хотя бы по два кондака и по два икоса, а потом бежишь крестить… Крестильня полна народа. Она небольшая, очень низкая, воздуху мало, свечи гаснут…

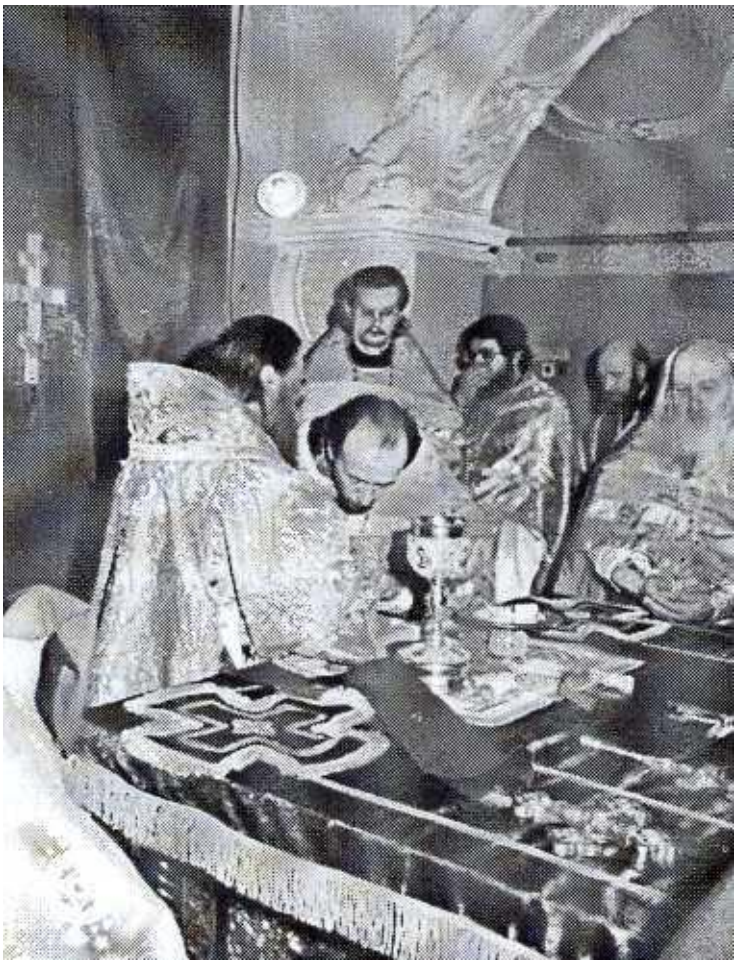
Летом крестишь в одном подряснике. Подрясники, мокрые от пота, меняешь — уборщица сушит их на могильных оградках: мокрый вешает, сухой надеваешь на себя — и за дело. Одна группа, вторая, третья, каждая человек по десять-тринадцать, и взрослых, и детей. Потом воцерковляешь, маленьких таскаешь на руках, мальчиков — в алтарь, девочек — к Царским вратам… Под собой ног не чуешь, в глазах темно, нет ни чая горячего, ни завтрака, ни обеда: еды не полагается — таково произволение настоятеля. А если и принесешь что с собой, термос и бутерброд, то нет ни минуты, чтобы это съесть. Один раз настоятель меня за едой застал: «Нечего здесь чаи распивать, работать надо». Вот так-то… Закончишь крестины, идешь отпевать или венчать, а время бежит….

Потом еду домой передохнуть. Прибегаю — быстро съедаю тарелку супа, котлеты, залпом выпиваю компот и — на диван…. Лежу и на часы смотрю, секунды отсчитываю, как на старте — сейчас выстрелит стартовый пистолет — и опять стремительный бег… Полежал минут пять, больше нельзя — опоздаешь. В 5 часов вечера начинается заказная заупокойная служба, идет она час, на ней даже поется «Великое славословие»… А в 6 часов — вечерня, в конце — акафист Божией Матери «Иерусалимская» с водосвятием, и опять бег в обратную сторону — в Чертаново. На следующий день утром надо рано вставать и опять служить Литургию, — и так всю неделю. И ничего, и мои домашние такую службу выдерживали, выдерживал и я — был моложе и посильнее…

Конечно, такой ритм служения труден и для священника, и для окружающих его людей. Недавно мне рассказали о молодом человеке, который хотел поговорить со священником, а у того не было времени для разговора. И тогда этот молодой человек… подался к мусульманам, пошел в мечеть, где мулла его очень хорошо принял и поговорил с ним, обласкал, после чего он принял мусульманство и стал молиться Аллаху… Господь-то у всех один и, думаю, Он его не оставит за его искренность и веру. А священником, у которого не было времени на разговоры с молодым человеком, вполне мог быть я — спортсмен-спринтер, марафонец. В такой спешке я служил полтора года, будни мало чем отличались от воскресных дней: одни требы на дому — причащения и соборования — поглощали уйму времени, не до разговоров было с прихожанами, жаждущими совета пастыря.

Помолитесь о нас, «бегунах», не ропщите и не бегите сразу в мечеть или синагогу. Господь дал нам православную веру, и за неё надо крепко держаться. А мне завтра утром опять вставать и бежать, не так быстро, как в молодости, но бежать всё равно надо — утром рано, как на Пасху, Царство Божие открывается для тех, кто рано встает и сломя голову бежит — пока врата не закрылись, надо в них проскочить, может, Господь и не выгонит, окажет Свою милость просто за один этот бег, а за какие ещё заслуги? *Бежать, бежать и бежать, сломя голову, к Богу — вот наш девиз…*

***



Литургия — центр всего, без нее жить нельзя, здесь всё — и небо и земля, и живое и мертвое, весь мир, вся вселенная, — все сосредоточено на Святом Престоле, в Святом Алтаре. Здесь «Твоя от Твоих Тебе приносяще за всех и за вся». А ты стоишь перед Престолом и всё это совершаешь. Я служу много лет и не могу даже представить себе жизнь без служб, при одной мысли об этом становится страшно. Иногда думаешь о болезнях, немощи, да и о приближающейся старости, из-за которых можешь остаться дома, не пойти на службу… Как будто очень просто, но что за этим стоит, «остался дома»… значит, что ты теперь больше не служишь, даже помыслить об этом страшно… Бежишь, летишь, ползешь, карабкаешься… потому что в храме тебя ждет литургия… Это похоже на влюбленность, когда ты влюблен и тебя ждет любимая, все препятствия сметешь, а к ней доберешься… И здесь тоже «любимая», любимая тобой литургия, без которой не можешь жить, дышать, и ходить по белу свету не можешь, она твоя возлюбленная служба… Ни с чем не сравнить тишину алтаря, раннюю, предрассветную… и ты в этой алтарной тишине, возлагаешь на себя священные одежды: подризник, епитрахиль, пояс, поручи, фелонь и направляешься к жертвеннику, где тебя ждут чаша, потир, просфоры, копие… целуешь их, произносишь священнейшие слова и вспоминаешь рождение Спасителя, Его Крестную Смерть… Поминаешь живших и ушедших: Господи, помяни, не остави их Своей милостью… У кого есть на земле ещё такая «должность», такая Господня «работа»? — только у батюшки. Весь мир перед тобой на этом святом жертвеннике, на святом дискосе, и ты, недостойный, перед

Господом, за этот мир молишься… Только имей «дух сокрушен», это будет твоя «жертва Богу». И ложатся частички из святых просфор на тарелочку-дискос… и вот их уже целая гора.

Хорошо утром в храме, всех Господь здесь покрывает Своей любовию, и батюшку, и живых, и усопших… загляните хоть на минуточку… и частичку этой любви захватите с собой на работу, в свои семьи, своим детишкам… *Любы Бога и Отца будет со всеми вами.*

***

Горят лампадочки, тишина и покой, тикают часы, и бежит время… Минута, вторая, что-то часы оттикивают, а что — попробуй их пойми, они тикают своё. Завели их — вот они и тикают: тик-так, тик-так… *Славка — дурак*… Они со мной разговаривают: тик-так, тик-так… Я их завожу, чтобы не проспать службу, чтобы они мне время показывали, и они исправно это делают — утром звенят на все голоса. У меня их трое — двое — Тамарины, одни — год назад подарили, — и все между собой дружат, не ругаются, знают — если поругаются, я могу проспать, а им будет стыдно. Люди придут на службу, а отца Вячеслава нет. Позор-то какой! А кто, скажут, виноват? — Часы. Со стыда сгоришь. Стараются не отставать и вперед не убегать. Мудрые часики, и славно так тикают: тик-так, тик-так, *отец Вячеслав служить мастак.* Ну, это, конечно, они меня перехвалили… Что ж, буду стараться оправдать их доверие. Милые часики, какие славные руки вас покупали! Сколько отмерено вам тикать, будить меня, радовать своим тиканьем? — Тик-так, тик-так, тик-так. Не убегайте от меня, не спешите и не отставайте, мне хорошо с вами — жизнь продолжается, потикайте подольше, чтобы я успел замолить и свои грехи, и помолиться о тех, кто просит. Часы улыбнулись и меня рассмешили. Тик-так, тик-так, *ну какой же отец Вячеслав чудак*…. Я на них не обижаюсь — родные они, а разве на родных обижаются? Так и живем: я и трое часов, и все тикаем, пока завод не кончится: тик-так, тик-так, тик-так….

***

Узкое.

Храм Божией Матери Казанской (тогда ещё закрытый) расположен в лесу, кругом озера, красиво и тихо. Маленькая девочка пяти-шести лет смотрит на купола храма, центральный купол блестит золотом…

— Дедушка, дедушка, а там Бог!

— Нет там никакого Бога, — дед резко хватает её за ручку, — пошли отсюда.

Интересно, куда повел дедушка свою внучку? Уж не в мавзолей ли?

***

1973 год

Опять с московских колоколен
В морозный сумрак льётся звон.
Опять зима и день Николин.
И лучезарен Орион.

Эти строки принадлежат замечательному русскому поэту Александру Солодовникову. Он жил на Гоголевском бульваре, где я его несколько раз причащал. Удивительно стойкий и красивый человек. Он прошел лагеря, и в то время, когда я его узнал, он уже почти не ходил. Ухаживала за ним его супруга Нина. Он поразил меня своей выдержанностью, своей верой и упованием на Бога, удивительно теплым расположением ко мне, молодому тогда священнику. Его стихи, сшитые в тетрадочку, проникали прямо в сердце, в душу, и призывали к стойкости и молитве. Особенно запомнилось мне его стихотворение, написанное об Успенском соборе:

Не спят святители, не спят
В кругу погашенных лампад.
И если хочешь укрепиться
У родника духовных сил —
Приди, чтоб ***тайно*** *помолиться*
Перед святыней их могил.

Он не дожил до того времени, когда стало возможным молиться **не тайно, а явно** у гробниц святителей, но сам он очень много сделал своими стихами и своей исповеднической жизнью для того, чтобы настали такие времена. И стихи его сейчас издаются.

***

1975 год

Я служил две недели в храме Ильи Обыденного, где моя мама пела по понедельникам акафист преподобному Серафиму Саровскому. Однажды в воскресенье настоятель отец Николай говорит мне: «Отец Вячеслав, сегодня одна пара должна венчаться, повенчайте их». Вышел я из алтаря и спрашиваю: «Где молодые?» А кто-то мне отвечает: «Батюшка, подождите немного, сейчас милиция придёт». Я не могу понять, при чем здесь милиция, что я, без милиции не могу повенчать, или кто-то из милиции венчается? Подходят через некоторое время и говорят: «Вот теперь можно начинать — Милица Андреевна пришла». Это была старенькая регентша, много лет прослужившая в храме. Видно, в храме некоторые её звали просто Милица. Она очень любила мою маму, а мама любила её и 34 года пела у нее акафист.

Вот так всё счастливо разрешилось! А храм этот удивителен ещё и тем, что одним из его прихожан был А. Солодовников. Он посвятил чудесные строчки этому храму и чудотворной иконе Божьей Матери «Нечаянная радость» , перенесенной туда из Кремля:

Когда мы радости не чаем,
В слепую скорбь погружены,
То тихий взор Её встречаем
И слышим голос: «Спасены…»
(…)
И все обыденное тайно
Необычайным предстает,
Все светит радостью нечаянной

И белой яблонькой цветёт.

***

Измайлово, 1975 год

Я часто причащаю Прасковью Васильевну Поздеевскую-Цвейтову. Её брат — новомученик Российский архиепископ Феодор Поздеевский, в прошлом — ректор Московской Духовной Академии и настоятель Данилова монастыря.

Рассказ Прасковьи Васильевны:

«Был у нас в деревне один блаженный… Как-то отец мой Василий служит, а этот блаженный заходит в храм во время службы и обращается к народу: "Что вы здесь стоите, идите на задки к бане — там архиерей родился…" Это родился мой брат Федор — будущий Архиепископ. В деревнях было принято женщинам рожать в банях».

Прасковья Васильевна подарила мне две переснятые фотографии владыки Феодора: на одной он, молодой и черноволосый, снят в чертогах Академии, а на второй — он в тюрьме, седой старец в очках.

***

Милая и славная старушка Прасковья Васильевна жила на 4-й Парковой улице в Измайлове, в двухкомнатной квартире, со своей дочерью Любой, страдавшей тяжелым психическим недугом.

Ухаживала за ними раба Божия Ариадна Шостьина, дочь профессора Московской Духовной академии Александра Павловича Шостьина, сотрудничавшего с архиепископом Феодором, в то время ректором Московской Духовной Академии.

Я причащал Прасковью Васильевну и её дочь в маленькой комнате, где на комоде стояла икона святой мученицы Параскевы Пятницы. Однажды Прасковья Васильевна показала мне фотографию, на который она была среди гимназисток. «Отец Вячеслав, посмотрите, может, найдете меня здесь», — а ей в это время было уже за восемьдесят. Я долго смотрел на фотографию, а потом указал на молодую и статную девушку — вот! «Да как же Вы меня узнали?» Очень уж она была рада, что я угадал.

Умерла Прасковья Васильевна 18 июля 1979 года. Отпевал её отец Виктор Продан в храме Рождества Христова. Я был в то время в отпуске, и они не смогли сообщить мне о её кончине. В 1980 году в психиатрической больнице умерла её дочь Люба.

Души их во благих водворятся, и память их в род и род.

***

Был такой в Даниловом монастыре иеромонах Иасон. Когда монастырь закрыли, а монахов разогнали, то приютила его мама моей матушки Тамары — Ефросиния. Ходил он по улице в рясе и был такой кругленький, толстенький, веселый, очень любил детишек и всегда раздавал им конфеты. В семье Тамары все называли его «отец Яссон». В то время арестовывали всех священников подряд и обвиняли в контрреволюционном заговоре. Однажды, ближе к ночи, в квартиру вошли трое и строго спросили: «Где Иасон?» Прошли в комнату, видят кто-то лежит, укрывшись одеялом (то был сам отец Иасон):

— А это кто у вас лежит?

— Племянник из деревни.

— А, племянник…

И ушли. Позднее Иасона все же где-то арестовали, он исчез, а через некоторое время появился, но ходил уже в костюме. Вскоре он умер. Рассказывали, у него на улице отказало сердце.

У этой истории оказалось неожиданное продолжение. Однажды Прасковья Васильевна Поздеевская подарила мне Евангелие с дарственной надписью: «Многоуважаемому дорогому батюшке отцу Вячеславу на добрую и молитвенную память о грешной Прасковье. 23/III-79 г.». Смотрю, а там ещё одна дарственная надпись: «На молитвенную и добрую память р.б. Димитрію Гервасиевичу в день его Ангела, от иеромонаха Иасона Смирнова 1921 года октября 26-го дня». (Евангелие ранее было подарено мужу Прасковьи Васильевны — Дмитрию Гервасиевичу Цвейтову).

Удивлению Тамариной мамы не было границ: «Неужели это тот самый Иасон? Да, да, припоминаю его фамилию — Смирнов». Так через много лет отец Иасон отблагодарил тех, кто поддержал его в роковые годы — приютил, накормил, не предал, — а он прислал им за это свое Евангелие. «*Голодный был, и вы накормили меня, в темницу хотели посадить, а вы защитили меня».*

Я молюсь о нем, как о родном человеке.

***

Троице-Сергиевая Лавра. Троицкий собор. Лето 1979 года

Я сразу его увидел, как только вошел в храм — это был Владимир Алексеевич Солоухин. Подошел к нему:

— Владимир Алексеевич, можно Вас поблагодарить за Ваши «Письма из русского музея», «Черные доски», стихи…

Он очень хорошо окает, настоящий русский писатель, очень русский человек, свой, родной и близкий…

— Моя мама за Вас молится…

— А где она? Пожал ей руку.

— И я за Вас молюсь, приезжайте ко мне в храм в Измайлово, у нас древний храм, много старинных икон…

— Спасибо, постараюсь приехать.

Опечален его кончиной и молюсь за него.

***

Измайлово. Храм Рождества Христова, начало 70-х

Подходит девочка, складывает ладошки и говорит:

— Благослови, батюшка.

Благословляю и спрашиваю:

— Как тебя зовут?

— Марина.

Меня это очень тронуло, и я подумал, что ради таких Марин и стоит служить и призывать людей к Богу. Это чудесно: дети и Христос, и «пустите их приходить ко Мне». А в те годы это не очень поощрялось.

Лет через десять подходит ко мне женщина, а с ней молодая девушка, которая просит моего благословения.

— Как зовут? — спрашиваю.

— Марина.

Вглядываюсь в лицо и вижу, что это и есть та самая Марина.

Посеянное взойдет!

***

Еду со своим другом Рубеном на его машине.

— Батюшка, я вот дачу строю, сруб, и хочу к дому небольшую пристройку сделать, часовенку, где можно было бы помолиться, чтобы не мешали. Как Вы на это смотрите, благословите?

— Рубен, дорогой, ну как батюшка может на это смотреть, конечно, положительно. Может, и я приеду когда-нибудь к тебе в гости и помолюсь.

Вот как меняются времена. Смотришь, и ещё кто-то такую пристройку сделает, и будет самая настоящая домашняя малая церковь. Помоги, Господь, Рубену и иже с ним.

***

Перевели меня служить в Антиохийское подворье. По всей России в то время регистрировали крестины. А здесь, как в старое доброе царское время, спокойно приходят принимать крещение взрослые, родители приносят и приводят крестить своих детей, — нет ни страха, ни боязни, что сообщат на работу, выгонят из института, вызовут на ковер, пропечатают в газете. Как будто попал в другую страну, где нет этих проклятых коммунистов (помню, в советской оперетте один из персонажей говорит: «Как хорошо, что нет у вас этих проклятых капиталистов!»). И как хорошо было крестить, молиться, поздравлять, и не верилось, что есть такое место в Советской стране, где нет страха! Не только со всей Москвы, изо всех уголков России, приезжали креститься в наш храм. Владыка Нифон (в те времена архимандрит), настоятель Антиохийского подворья, сумел в те тяжелые страшные годы не обмануть доверия людей и Церкви, не поддаться безбожникам.

***

Владыка Нифон — это музыкальный и духовный орган. У него просто нельзя не петь. Когда он ведёт службу, то, кажется, поёт весь храм, от алтаря до самых дверей, даже двор и прилегающие улицы. Произносит он перед чтением Апостола: «Мир всем», и, кажется, этот «Мир всем» слышен даже на Красной площади, и там должны наклонить головы. Молитва у него сливается с духовной музыкой, с музыкой небес, он даже весь мокрый становится от этого слияния, весь преображается, он весь там, он весь в горнем, и горе тому, кто ему в это время помешает. Я стою на страже и трепещу, лишь бы только все было в порядке, лишь бы никто не помешал неверным движением, неловким действием… но если такое произойдет, то не сдобровать виновному… Архиерей молится, и все должны иметь сердце и очи *горе.* **«**Гор**е** имеем сердца». Никому отвлекаться нельзя. И так всю службу. Мне кажется, что только так! Нужно отбросить все человеческое и видеть только священное, духовное… Господь перед нами, а мы Его служители, Его народ. А архиерей, изнемогая от духовной борьбы, ведёт нас в Царство Света, и так хочет, чтобы мы не оглядывались, не останавливались, шли прямо… Но мы упираемся, архиерей чуть ли не силой нас тащит, а мы никак не хотим, такие мы бестолковые…

Не кнутом же нас загонять в Царствие Небесное! Господи, помоги нам!

***

Служу литургию в храме Архангела Гавриила: разворачиваю антиминс — а он чистый и светлый, хотя был старенький и темный. Невольно мелькнула мысль, что, видно, кто-то постирал, или дьякон в химчистку отдал, хотя я знаю, что антиминсы сжигают или меняют у епископа. Смотрю на светлый антиминс, понимаю нелепость пришедшей мысли и, наконец, сознаю, что антиминс ***обновился***, о чем я и сообщил своим собратьям.

***

Как хорошо с Господом и как плохо без Него. Ради Господа и для того, чтобы быть с Ним, некоторые люди даже оставляют профессии, которым они посвятили свою жизнь. Многие годы к нам в храм ходила известная актриса: и службы выстаивала, и исповедывалась, и причащалась, но, наверное, настал такой момент, когда ей нужно было выбирать «или — или». Выбрала она Господа и храм.

Вспоминаются слова Алеши Карамазова: «…Сказано: “Раздай все и иди за мной”. Не могу я отдать вместо всего два рубля, а вместо “Иди за Мной” ходить лишь к обедне». Последнее время много публикаций о том, как какая-то актриса стала монахиней или даже игуменьей монастыря. Значит, есть ещё люди, для которых призыв Господа «Приидите ко Мне…» становится смыслом их жизни.

***

Немного о театре

Каждый из нас в своей жизни соприкоснулся с театром. Церковь говорит, что театр — это грех, а мы идем… Может просто хотим посмотреть на себя со стороны? Только в зеркале видишь свое отражение, а здесь, пожалуйста, два или три часа наблюдаешь свою жизнь. Где ещё такое увидишь? Только во сне. Вот и тянет: может, увижу что-то такое, что смогу исправить, может, чему-то научусь, чего во мне нет. По-другому на что-то взгляну. Вот и приходим, и сидим, и глаз отвести не может, смотрим на самих себя. Труднее актерам. Попробуй, войди в жизнь другого человека, покажи её во всей глубине, во всем многообразии самые высокие и самые низкие стороны, да чтобы сидящих в зале так захватило, что забыли бы, кто они и где находятся. В этом отношении театр, наверное, полезен.

Актеры… У них положение сложное: как бы не потерять себя, не забыть свое я, не жить и в реальной жизни жизнью своих героев. Тогда, наверное, надо уходить и «переквалифицироваться в управдомы». Так будет надежнее. Здесь уж точно будешь знать, кто ты, и зачем здесь, и куда идешь. Здесь не запутаешься, и ответ на Страшном Суде будешь давать за свое «я», а не за чужое, наигранное. Все-таки лучше этим не заниматься, нечего шутить с огнем, жизнь-то одна, и она проходит не на сцене, а потому надо быть самим собой и за себя отвечать перед Господом.

***

Как мы молились с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым

Как-то в храме великомученика Феодора Стратилата подошла ко мне женщина, представилась Верой Федоровной и попросила отслужить заочное отпевание. Мы с дьяконом Виктором собирались домой, да и хор уже ушел.

— А кого вы отпеваете? — поинтересовался я.

— А вон, видите, у кануна спиной стоит мужчина, это Дмитрий Сергеевич Лихачев, он хочет отпеть брата своего Михаила.

Гляжу: он сам к нам идет.

— Батюшка, благословите. И повторяет просьбу.

Я говорю:

— Сейчас скажу дьякону, и вместе помолимся.

Так, вчетвером, и проводили его брата в путь всея земли. Поговорили потом о Пастернаке, Цветаевой, Ахматовой. Я вспомнил свою беседу с отцом Игоря Моисеева. Что-то неуловимое их объединяло, какая-то деликатность, бережное обращение со

словом, и, наверное, интеллигентность давно ушедшего царского времени. С такими людьми даже не знаешь, как себя вести, остается одно — *слушать, слушать и слушать… и не пропустить ничего из сказанного ими*. И тогда начинаешь понимать, какие ценности мы потеряли и каких людей лишились из-за этой «великой октябрьской социалистической». Уйдут они, и только какой-нибудь гениальный актер, вроде Михаила Чехова, даст нам почувствовать то неповторимое время, сыграв тех людей, на которых, как на твердом основании, зиждилась когда-то Православная Русь.

А Валентина Федоровна подарила мне книгу о Дмитрии Сергеевиче и его фотографию, где он сидит за столом в своём кабинете…

***

Прочитал в газете о пожаре в Алексеевской больнице (Кащенко) и увидел фото корпуса, который пострадал. Расстроился, представил этих бабушек и дедушек, которые и так доживали там последние дни и стал за них просить Господа. Ведь Господь там, где страшно, Господь там, где болезнь, Господь там, где особенно тяжело, это мы знаем из Евангелия. Он везде, но здесь в особенности…. Вот Евангельский святой: отверз ему Господь глаза, и он увидел не только белый свет, но и Господа, и поклонился Ему. Был бы он зрячим, так бы и прошел мимо Господа, и никогда бы не было в нашей Церкви «Недели о слепом». Вот чем могут обернуться нам наши печали и болезни — обретением Господа. А в наших земных радостях мы можем Его и не увидеть, и примеров тому множество.

Был человек заключен в тюрьму, сидел в одиночке, и так сильно почувствовал присутствие Господа, что стал молиться: «Господи, пускай я здесь ещё пробуду долго-долго, только не отходи от меня…» И в болезни Господь рядом, только подними свои глаза… и увидишь Его, стоящего у твоего одра, и, может, тоже скажешь: пускай я ещё поболею, только не уходи, побудь со мной.

Ехал я в метро и увидел слепого мальчика: помог ему сесть в поезд и узнал от него, что ослеп он недавно, а до этого посещал воскресную школу в Даниловом монастыре. Не унывает, улыбается…

А кто ему в метро помог? — Батюшка. А кто такой батюшка? — Это же Сам Спаситель, вот и опять встреча с Господом этого слепого мальчика…

Мы все слепы, поэтому Господь и посылает нам болезни, чтобы мы прозрели, когда он посещает нас… и падши поклонились бы ему. Встретив исцеленного слепого, Господь сказал ему: «Ты веруешь ли в Сына Божия?» — «А кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?» Иисус сказал ему: «И видел ты Его, и Он говорит с тобой». Он же сказал: «Верую, Господи!» И поклонился Ему.

***

Иду от могилки моей мамы к могилке моей матушки… Часа четыре дня, людей на кладбище мало, смотрю: к храму движется небольшая группа людей: посредине юноша лет восемнадцати-двадцати, а по бокам два подростка и девочка. Юноша улыбается, веселый такой, посмотришь на него и сам заулыбаешься, такое от него исходит… я бы сказал *духовное веселие.* По крайней мере я его именно так увидел, дай-то Бог ему предстать таким пред всеми, кто его встретит. И те, что рядом с ним идут, тоже какие-то светлые, приветливые, с такими людьми чувствуешь себя хорошо и уютно. Встретил я их около Духовского храма и как будто Дух Господень парил над нами.

Волосы у юноши длинные, улыбка такая хорошая… Но нет у него двух ног, а привязаны к голеням его две деревяшечки…, и нет… правой руки… но сам он такой радостный, будто уже пребывает в Царстве Небесном.

Дал я девочке, что из кармана потянулось, — она оглянулась на меня, улыбнулась, отдала юноше, и он в мою сторону посмотрел… и пошли в храм.

Что можно написать в конце этой истории, я и сам не знаю. Наверное, все очень просто: побывал я несколько минут в… Царствии Небесном.

***

Ты кто, а я — водитель кобылы

Милая и славная Наташа. «Садись, — говорит, батюшка и поехали, куда тебе нужно, с ветерком отвезу». Едем по загруженным улицам, ничего я с ней не боюсь, а она, наверно, со мной ничего не боится, с батюшкой едет. Завозит меня на кладбище… Въезжаем в ворота, где висит запрещающий знак, я говорю: поезжай, не бойся, здесь «каждая паршивая собака знает мою легкую походку». И не только собаки, но и смотрители, и могильщики, и нищие, — все знают. Идем мы на могилки, украшаем их цветами, молимся, и мне веселее, нет такой грусти, потому что не один я сегодня. Потом мой водитель везет меня домой. Я думаю, почему я совсем не устал и даже ложиться не хочу. А во всем в этом виновата Наташа, моя духовная дочка. Много у меня детей, а вот такой другой нет. Водитель, тпрррруу… приехали!

***

Есть ещё на нашей земле добрые люди, а среди них самый дорогой для меня — Миша. На него вся моя надежда — и по смерти, верю, не оставит он меня. Ему бы не зарисовку, а целую книгу посвятить: он — мой помощник и радость моя. Сейчас позвоню и все это ему скажу. А он рассмеется в ответ. Мишка, Мишка, живи подольше, на радость своей семье и для меня, грешного, и пусть «прядут дни свою былую пряжу», а я буду прясть свои зарисовки о добрых и хороших людях для того, чтобы их было ещё больше.

***

У нас на подворье новый дьякон — отец Леонид (Каюров), бывший артист МХАТа и киноактер. Читают Апостола: мы с Владыкой, нашим настоятелем, сидим, а отец Леонид совершает каждение. Вдруг Владыко говорит с улыбкой: «Отец Вячеслав, я вчера смотрел фильм по телевизору, а там наш отец Леонид бегает с ножом и кричит: «Сейчас зарррэжу!». С ним надо быть поосторожнее». Сам улыбается и меня рассмешил. Кто знает Владыку, тот может себя представить, с какой непередаваемой интонацией он произнес эти слова.

***

Был и такой курьезный случай: служу я литургию, а дьякон читает Евангелие о Закхее. Хорошо читает, но вдруг слышу: «*… и предитек, возлезе на ягодицу, да видит, яко хотяше мимо ея пройти».*

Приходит дьякон в алтарь, я его спрашиваю: «Это ты на какую такую ягодицу взобрался?» Смеется: «Простите».

В славянском тексте говорится: «*возлезе на ягодичину*», т.е., по-русски, «*на смоковницу*».

***

Церковный ларек в подземном переходе метро. За стеклом висит поясок с молитвой на церковнославянском языке, рядом указана стоимость пояска и название молитвы по её начальным словам: «Живые помочи». Остановился я и думаю: подожду, сейчас, наверное, появятся пассажиры очередного поезда, в особенности женщины, и начнут раскупать столь чудесные *помочи* для своих мужей, ведь это отличный подарок на день рождения — *живые помочи,* не простые, а живые. Но что-то все проходят мимо и не обращают внимания на сие чудо, никому оказались не нужны «живые помочи».

Подошла одна молодая женщина и купила чудесную молитву, ограждающую нас от всякого зла и хранящую в пути — молитву, начертанную по-церковнославянски на этом пояске: «Живый в помощи Вышнего в крове Бога Небесного водворится». Это 90-й псалом, который по-русски звучит так: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится».

Наверное, что-то требует в наших молитвах перевода на русский язык. Тогда не будут торговать в наших церковных ларьках «живыми помочами». Сегодня, к примеру, на панихиде читаю записку, написанную довольно грамотным почерком: «*усохших* Марии, Константина, Наталии», вместо *усопших.* Надо, видимо, почаще ходить в церковь и молиться за своих близких — усопших, уснувших, которые при звуках Архангельской трубы, возвещающей о Страшном Суде, проснутся и дадут ответ за свою жизнь Своему Господу. А усохшие, они так и останутся усохшими, чего им просыпаться, можно и ещё немного поспать…

***

Чудо от иконы Божией Матери «Нечаянная Радость»

Прихожу сегодня служить, а начинать службу не с кем — хора нет. Правда, хор у нас в будни состоит … из одного человека, но и этот «хор» не пришел. Первое сентября, народа нет, но вдруг храм начинает заполняться: один, два, три человека, десять…. Спрашиваю, есть ли исповедники. Подходит молодой бородатый мужчина: «Батюшка, мы исповедовались у отца Владимира на Сивцевом Вражке около Телеграфа, нас человек тридцать». Я говорю: «Хорошо, причащайтесь». А хора нет. Время начинать службу. Спрашиваю этого мужчину: «У вас никто петь не умеет?» — «Не беспокойтесь, батюшка, есть, кому петь». — «А читать кто-нибудь может?» — «Да,» — и показывает на молодого человека. И служба пошла…

Начало Литургии, возглас «Благословенно Царство» — и весь храм, человек сорок-пятьдесят, подхватывает: «Аминь»… Так началась эта необыкновенная чудесная литургия. Пели так, как не поёт ни правый, ни левый хор…. Пел *народ Божий*…. На все возгласы отвечал *народ*, а не *хор, изображающий народ*. А потом все причащались. В записках часто поминалось имя тяжко болящего иерея Георгия, и я понял, кто стоял в храме и кто так пел, и кто их так петь научил, и какой гигантский труд вложил отец Георгий, чтобы так пели и так предстояли пред Богом, и не только предстояли, а и молились. Передо мной были «кочетковцы». Не пришел наш «хор», состоявший из одного человека, и Божия Матерь прислала *Свой хор*, не позволила, чтобы служба не состоялась, ведь у нас прихожане петь не умеют, у нас нет запрещённого отца Георгия…

Трудно плыть против течения: в сторону уносит и назад может отбросить. Но если приплывешь, несмотря на сопротивление, и достигнешь цели, то сколько радости и сколько радостных лиц засияет вокруг! Доплыл! Значит, верил, крепко верил, что доплывёшь. Нам бы такую веру и так бы трудиться. Нас в этот день просто не оставила наша Божия Матерь Нечаянная Радость, и после службы я это всем находящимся в храме сказал. Вы бы посмотрели, как светились их лица, и какие были улыбки, какие радостные они из храма уходили!

А в заупокойных записках упоминался убиенный отец Александр Мень. Земная Церковь соединилась с Церковью Небесной, — и два священника предстали пред Престолом Божиим один на земле, другой на небе. Себя я в расчет не беру, я — грешник, за меня совершал службу Сам Господь. Я как бы был в стороне. Но всё равно, как хорошо было, и какая чудесная была служба… *Благодарение Божией Матери, и спасибо «кочетковцам», которых Она в этот день призвала!*

***

1998 год. Навечерие Богоявления

Вхожу в храм великомученика Феодора Стратилата и смотрю: «за ящиком» Таня и человек шесть детишек, мальчиков и девочек, юных продавцов. Выбегают, подходят ко мне под благословение, все радостные, улыбаются… Что это? Сон? Ведь совсем недавно этого и представить нельзя было. Исчез тот страх, который прежде опутывал всех. Не оставил Господь Россию, и, наконец, пустили детей приходить ко Христу. Вот и за нашим «ящиком» идет детская игра.

***

Я раньше очень любил ранние службы и с большим удовольствием их служил, а теперь полюбил поздние, так как много приходит детей, поют красиво и больше торжественности. Собор Архангела Гавриила располагает к торжественной службе: много прислуживающих, много глаз к тебе обращено, люди ждут службы, слова, молитвы. Для меня главное в службе — это проскомидия, евхаристический канон и помин. Упадешь на колени и шепчешь: помилуй, Господи, Тамару, маму, Глеба, игуменью Анну, послушницу Ирину, Лидию, Ираиду, Машеньку, Лену, Михаила, Наташу, Екатерину, Наташу, иерея Андрея, младенца Ванечку, Вадима, Валю…. Поднимешься с колен, и как будто ты такую работу сделал, важней которой нет на земле. А хор поёт «Тебе поем…» и «Молимтися Боже наш…», на Престоле Сам Господь Своим Телом и Кровью и ты, простершийся пред Ним, и Божью Матерь здесь вспоминаешь: «Изрядно о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней…»

Как хорошо, что мы все собраны здесь вместе и слово, которым хочешь зажечь людей, и причащение детей. С какой открытостью они подходят причащаться, и как много их стало в храме… А после службы молебен и молитва перед Божьей Матерью, окропишь всех водой и идешь в воскресную школу. Что ещё человеку надо: отдохнуть дома немного, посидеть, пописать и лечь спать с именем Господа на устах… Проснуться и все начинать сначала.

***

Самое большое достижение последних лет — это воскресные школы. Все государственные школы, вузы, академии, вместе взятые, не могут дать того, что дают

воскресные школы — основ нравственности, так как нравственность основана только на Боге. А в большинстве учебных заведений Бога нет. Он оттуда изгнан. И это изгнание, *отделение школы от Бога,* началось не сейчас.

1907 год, съезд учителей и деятелей по народному образованию. Они начинали, а потом уже пошло-поехало. Вот цитаты из речей этих «учителей» и «деятелей»:

«Сам я лично стою за то, чтобы религия была исключена из школы».

«Считаю необходимым исключить Закон Божий из числа предметов школьного преподавания».

«Религиозному воспитанию в школе не место».

В дореволюционной Думе обсуждается вопрос о религиозном образовании в школе. Выступает епископ Могилевский Митрофан: «…Русский народ в вере Христовой искал основ для направления, и для своей жизни, и для школьного образования. Школа для него поистине являлась *училищем благочестия,* и всякое обучение, которое не говорило или мало говорило ему о Боге, о спасении, оно для него, верующего, являлось *пустым, ничтожным делом».*

Христос стоит и стучит в школьные двери, откуда был изгнан. Давайте впустим его.

***

Еду на автобусе мимо храма в Узком и вдруг слышу: «Мама, это где нас обливали… священник ходил и обливал»… Сбоку от меня молодая мама и мальчик лет пяти… Как все изменилось, Господь посетил наших детей, — и для них уже нет попов, а есть священники… А утром был в Хамовниках: прикладываюсь к иконам, смотрю, мне кто-то мешает: ребятишки так и снуют, выныривают около меня, целуют Преподобного Сергия… один, второй, третий, и к другим иконам бегут…. А взрослые всё недовольны жизнью, всё-то нам не так, да не эдак… А ведь детей пустили ко Христу, и посмотрите на них, какие они счастливые, если даже дома что-то не доедят, то «докушают» в храме пищи духовной, — и сыты будут… Не единым же хлебом жив человек… А в храме как с ними хорошо, раньше были одни бабушки, а теперь веселей в храме стало молиться, радостней.

***

В 1989 году владыка Нифон первым в Москве открыл Воскресную школу для детей. 27 октября 1999 нашей школе при Антиохийском подворье исполняется 10 лет. До каких хороших времен мы дожили. Обычно в храмах трапеза устраивалась только для духовенства, а с открытием воскресных школ многое изменилось. По крайней мере в нашем храме это сразу очень почувствовалось. Поначалу у воскресной школы не было своего помещения, и занятия шли прямо в храме. А по торжественным дням в храме устанавливался длинный стол, приглашался настоятель и устраивалось общее чаепитие. Я думаю, что прекраснее этого ничего не может быть: кругом иконы, иконостас, паникадило, с нами Божья Матерь «Нечаянная радость»… Уже от одного этого радость. Во главе стола сидит архиерей… Как будто мы все на званой вечери или на браке в Кане Галилейской, и с нами Сам Господь. Воистину Трапеза Господня!

***

6 февраля 1998 года

Радуйся, воскресная школа! Наша бывшая ученица Лия вышла замуж, и сегодня, в день блаженной Ксении Петербуржской, у нее родилась девочка Ксения. Вечером пришел её муж Виталий и сообщил эту радостную весть. Как только девочка немного подрастет, мы пригласим маму с дочкой в школу. Дай-то Бог всем девочкам, будущим мамам, и всем мальчикам, будущим папам, такого счастья. Сколько же радости Господь нам посылает. Давайте будем достойными тех милостей, которые Господь нам даёт. Да здравствует наша воскресная школа!

***

март 1998 г.

Вечером, перед чтением канона Андрея Критского, в алтарь вошел Владыка. Мы подходили под благословение, и кто-то назвал по имени нашего главного иподьякона из воскресной школы — Гошу. Владыка спрашивает:

— Гоша — это какое имя?

Отвечаю ему:

— Георгий.

Владыка обращается к нашему протодьякону Георгию:

— Значит, Вы тоже Гоша.

Тот в большом смущении:

— Нет, нет, я — не Гоша, я — Георгий.

Все смеются, смеется и Владыко. Я говорю протодьякону:

— Все, теперь не отвертишься, будем все называть тебя — отец Гоша.

Выходим на чтение Великого канона, и я подумал, что мы все перед Господом «гоши», все очень маленькие и незначительные, все Его дети, и даже наш столь уважаемый и величественный Владыка.

***

Как-то я был в гостях у Гоши. Он пошел меня провожать, и во дворе я услышал, как его младшая сестренка Сашенька говорит друзьям, показывая в мою сторону: «А это мой батюшка». У меня чуть сердце не остановилось от радости, и я подумал: «*Ради этого стоит жить и служить*».

***

Очень внимательна ко мне Маша, девочка из нашей воскресной школы: и сумочку понесет, и в метро посадит, и за локоток поддержит. Я её очень люблю и молюсь за нее. Ей Бог дал хороший голос и слух, и она поёт в правом хоре в храме Архангела Гавриила, в котором певчие стоят высоко-высоко, как на колокольне Ивана Великого. В воскресной школе Маша запевает молитвы перед учением и по окончании урока. Очень много света и тепла от таких, как Маша, и от других наших учеников. На душе становится светлее, уходят и грусть, и тоска.

Дай-то Бог, чтобы они через всю жизнь пронесли все то хорошее и светлое, чем их наградил Господь, и ничего не растеряли на своём пути!

***

У Маши есть собака Джон. *Дай, Джон, на счастье лапу мне,* — даёт и из-под косматых бровей радостно смотрит. Рад, что все мы свои, Божьи создания, и

разлучаться нам негоже, вместе надо проходить земной путь. Мы, человеки, хвалим Бога, и «всякое дыхание (и Джон тоже) хвалит Господа», — каждый по-своему, мы — пением и словом, Джон — лаем «заливисто-ошалелым». Каждый воздает хвалу Творцу, все сотворенное Богом радуется, что живет, существует, греется на солнышке, бегает по улице и славит Того, Кто подарил эту радость. В Раю были животные, которые мирно уживались с Адамом и Евой, и если мы попадем в Рай, то там встретим и Джона, и Джима, и всех тех, с кем здесь дружим, и будем уже вечно неразлучны. А пока… *Ну не лай ты, не лай, не лай. Хочешь, пес, я тебя поцелую, за пробуженный в сердце Рай…*

***

1999 год.

Сегодня в Иверскую часовню вошло много детей. Их сопровождала женщина. Они прикладывались к иконе Божией Матери, а затем ко мне подходили к Кресту. Часовня, икона, горящие свечи, народ и батюшка с крестом естественно вошли в их жизнь. Им и представить трудно, что этого когда-то не было. А мне трудно поверить, что я даю детям целовать крест, улыбаюсь им, треплю по головке. Да за одно это надо упасть всем нам перед Её образом, забыть все наши неудачи (а мне кажется — не было беды страшней, чем дети, не знающего своего Бога) и благодарить Её, взывая: Божия Матерь, прости, *не то* мы всю жизнь искали, а Ты нам дала то, что нужно, — верующее подрастающее поколение, эти головки детишек, с такой доверчивостью взирающих на Тебя, на Твоего Сына и на батюшку. Дала то, что мы не искали по своему неразумию, дала из любви к нам и из милости, может, от того, что Сама сидишь с Младенцем на руках, поэтому так и любишь наших детей и покрываешь их Материнской лаской. Как всем нам хорошо с ними, и с Тобой, нашей Матерью и Матерью нашего Бога…

Ушли детишки… Семья это была или детдомовские — кто знает? Устанут они к вечеру, а там и сон придёт, и приснится им во сне Царица Небесная, и будет хранить их покой и сон. Пусть Она и нам приснится, и скажет: «Дети мои», и вздрогнем мы от этих слов. Раз «дети», значит, открыт нам путь в Царство Её Сына. Так давайте будем как дети…

«Радуйся, обрадованная, двери Царские верным отверзающая», т.е. всем детям от конца и до конца Вселенной!

***

1998 год

Звонок в дверь. В глазок вижу мужчину и женщину. Открываю дверь и слышу:

— Мы с Вами хотим поговорить о Боге.

— Спасибо, — говорю, — но я вам посоветую пойти в другие квартиры, где о Боге ничего не знают, где живут неверующие люди.

— Мы Вам хотим дать литературу.

— Спасибо, у меня очень много литературы.

— Простите, спасибо, всего Вам доброго, до свидания.

По их голосам я понял, что им мой ответ очень понравился. Наверное, это были свидетели Иеговы или баптисты.

***

Блаженны не увидевшие и уверовавшие

Эти слова сказаны о России. Русские люди не видели Христа во время Его земного пути, но крестилась Россия, уверовала и стала счастливой, то есть блаженной, с Богом стала жить, со Христом. Что же мы сделали со страной, именно тогда, когда счастье остаться навсегда с Богом было так близко. Ведь мы были даже счастливее тех, кто жил в Его времена, видел Его, ходил с Ним, ел печеную рыбу и вкушал мед от сот, видел Его исцеления… Все мы потеряли и топчемся на месте, как слепые котята. Сколько трудов теперь нужно понести, чтобы обрести прежнее наше состояние, сколько вынести, какое принести покаяние. Хорошо, что Спаситель приходит к нам через закрытые двери нашего сердца и приносит нам Свой мир, а значит ещё любит и надеется, значит, не потеряна для Него Россия, и наше неверие Фомы может обернуться верой в Него.

Блаженны не увидевшие, но уверовавшие… Жалко, что мы потеряли столько времени, чтобы понять это, да и понимаем ли до конца теперь. «Господь мой и Бог мой», — остается нам сказать вместе с Фомой, — «дай нам веру в Тебя и помоги нашему неверию!»

***

В храме ко мне подходит женщина: «Батюшка, может быть, Вы скажете несколько слов перед камерой. Настоятель Казанского собора на Красной площади отец Аркадий отмечает свое семидесятилетие, а свое служение он начинал на Антиохийском подворье». Я встал перед камерой, представился, поздравил отца Аркадия и вспомнил, как мы стояли в Тропареве на остановке автобуса с матушкой Тамарой, и к нам подошел отец Аркадий. Мы поздоровались и спрашиваем:

— Отец Аркадий, куда путь держите?

— П*о*йду, п*охо*жу по базару, п*о*ищу к*ой*-как*ого т*овару…, и все этак на «*О*».

Рассказал я все это перед камерой, — мужчина, что снимал, и две женщины весело рассмеялись, видно, что им понравилось, тем более, что снимали они, по их словам, для домашнего показа. Дай-то Бог здоровья отцу Аркадию и многих лет служения.

***

1998 год

Отошла ко Господу Галина Уланова… Вспоминаю наш храм Великомученика Феодора Стратилата. Канун. Две женщины ставят свечи. Одна из них — она, известная балерина. Подхожу: «Здравствуйте, Вы пришли крестить?» — «Да, вот девочка»… Обычные крестины, только крестная необычная, притягиваешься к ней взглядом, и думаешь: а молится ли? Молится, как и все простые люди, крестится и идет за мной с девочкой вокруг купели, в руке зажженная свеча, блестят колечки, милая, добрая, старенькая, и вместе с тем молодая старушка с приветливым и ласковым лицом. Все делает, что я скажу: мнет воск с волосиками и бросает в купель, целует крест, все естественно и просто. Хорошо-то как, вот и помолились, вот и приобщились к благодати Христовой, вот и радостно, и ликует сердце, а про себя думаю: от такой крестной никто не откажется. Дарю ей «Записи» священника Александра Ельчанинова.

— Спасибо, до свидания.

— Заходите к нам в храм, всего Вам доброго.

И вот зашла. Не знаю в какой, где этот последний храм её жизни. А там её ждет храм небесный, в котором места хватит всем, и простым, и непростым, известным и неизвестным, *где ни Царь, ни раб, ни свободь, но вся и во всех Христос.*

***

Почему мы порой не слышим слов проповеди? Не оттого, что туги на ухо, и даже не оттого, что невнимательны. А часто потому, что не доверяем проповеднику. «Что ты, мол, нам тут рассказываешь, как нужно жить, а сам-то ты хорош, сам-то как поступаешь… Не нужны мне твои призывы к праведной жизни, раз ты сам им не следуешь. И слушать тебя не хочу, буду лучше стоять и думать о своём, и, вообще, побыстрее бы ты закончил свою проповедь…» Может и такой голос в нас прозвучать, и тогда мы не услышим слова Божия, которое было обращено *лично* к каждому из нас. Сам Господь хотел тронуть наши сердца… Сам Господь обратился к тебе, ко мне, к нему со Своим Словом, Сам Господь остался неуслышанным.

Но разве мы сами совершенны? Несовершенный человек-проповедник обращается к нам — несовершенным слушателям Слова Божия! Только и всего. Мы без сомнений, с полным доверием, относимся к словам апостола Павла — сейчас он перед нами святой — а ведь он был человек, со своими грехами, оступался и поднимался. Давайте доверять и обычному проповеднику, потому что Сам Господь выбрал этого человека для возвещения нам Слова Божия. Ведь не сам же он взял на себя такую дерзость, Господь его поставил, а мы его не слушаем. Если и простого собеседника мы из деликатности слушаем, чтобы не обидеть его, то здесь собеседник — Сам Господь. Будем внимательны к Его Слову, обращенному к нам.

Митрополит Антоний Сурожский (Блум) как-то сказал: «Зная свое несовершенство, я бы и одного слова не посмел произнести, но если моё слово хотя бы одного приведет к Богу, ради этого я должен проповедовать». Хорошо сказал ещё один батюшка, к словам которого я присоединяюсь: «*Слова мои слушайте и по ним живите, а по делам моим не поступайте!»*

***

Притча о сеятеле….

Какие мы сеятели и что мы сеем? Раньше про учителей говорили, что они «сеют разумное, доброе, вечное». Но вечное — это же Божие. В зависимости от того, как мы его посеем, оно возрастет или заглохнет. И вы сеятели, и я сеятель, не только Сам Господь! Как мы слушаем Слово Божие, как мы это Слово передаем другим, как мы его *сеем?*

Меня спрашивают: «Батюшка, а можно мне другим говорить о Христе, на работе, дома, на улице?» Конечно, можно, но все зависит от того, как сказать и что сказать конкретному человеку. Отец Александр Мень может служить добрым примером тому, как сеять Слово Божие. Скольких людей он обратил ко Господу. Однажды приехал к нему в церковь Александр Галич и среди прочих подошел ко Кресту, а отец Александр ему говорит: «А я вас, Александр Аркадьевич, давно жду». Он произнес, возможно, единственно правильные и возможные в данном случае слова, за которыми стояло очень многое.

«Я тебя здесь давно жду…» Господь тебя здесь давно ждет, — вот, что стояло за этими словами. Это пример настоящего сеятеля, с которым поступают так, как поступили со Христом: не признали, убили и оклеветали.

Сеять — это не просто бросать зерна. Нужно знать, как бросать, и знание это необходимо каждому из нас….

***

О неизгладимости священства

С тех пор, как я только стал задумываться о том, чтобы стать священником, я понимал, что возврата к мирянину, к светскому уже никогда не будет. Ты перешел рубеж, грань, отделяющую тебя от, если можно так сказать, простого смертного. Я мысли не мог допустить о том, что кто-то может с меня снять сан. Если ты становишься священником, то это навечно, навсегда, и не мучения, ничто и никто не должны тебя устрашить на этом пути. Такое отношение к священству было и у моей мамы.

Я даже думаю, что если священник отрекся от Бога (в шестидесятые годы такие случаи были: Осипов, Дарманский, Чертков), то на том свете, представ пред Богом, он все равно будет давать ответ как священник. По рукоположению новому иерею вручается дискос с частицей Святого Агнца со словами: «Приими залог сей, о нем же истязан имаши быти в день Страшного Пришествия Господа нашего Иисуса Христа». Как же он, отрекшийся от Бога, будет *истязан*, если своим отречением лишил себя сана?

Священство неизгладимо… С таким чувством человек его принимает и с таким чувством уходит из этого мира. Я никогда не могу понять, как же могут с кого-то за что-то снять сан или как сам священник может написать прошение о снятии сана. Я молюсь за этих людей, как за священников, особенно за тех, кого я хорошо знаю. Передо мной книга архимандрита Киприана Керна «Православное пастырское служение» (Париж, 1957 г.), в которой я читаю: «Выбран ли священник или назначен единоличной властью своего Архиерея, но он в известный момент своей жизни становится перед **таинственным и страшным часом посвящения.** Если говорить о символике, то можно провести такие параллели: выбор паствы есть некое сватовство, а хиротония — венчание иерея с паствой. Эта символика подкрепляется чинопоследованиями, общими в таинствах венчания и рукоположения: обхождения вокруг аналоя или престола, пение тех же песнопений (но в обратном порядке) — «Исаия ликуй», «Святие мученицы». Отсюда можно сделать следующий вывод: **брак священника с его паствой есть нерасторжимый союз, как нерасторжим в принципе и сам брак.** Посему перемещения священника с одного места на другое в принципе быть не должно, равно как не должно быть и **передвижений архиереев** с кафедры на кафедру. **В принципе священник несменяем.**

Есть и другая, более существенная черта в таинстве рукоположения: священство — неизгладимо, учат римо-католики. Того же мнения придерживаются и **греческие богословы**. (…) По существу говоря, **благодать, низведенная архиереем в таинственном священнодействии во время литургии, не может быть снята никакой властью на земле.** Считать, что консисториальный акт может лишить человека благодати Святого Духа, является богословской непоследовательностью. **Ни крещение, ни священство неотъемлемы и неизгладимы.** Даже **грех отступничества** не смывает благодати крещения, поэтому возвращающегося из апостазии не перекрещивают. Точно также и самый страшный грех, совершенный священником и доведший его до осуждения на «лишение сана» не может сам по себе (как не может и консисториальный акт) **лишить священника благодати.** В случае какой-либо судебной ошибки такого расстриженного священника (который бы оказался невиновным) пришлось бы снова перерукополагать? Такого, конечно, не дерзнет сказать и самый строгий ригорист. (…)

Греки знают лишь **пожизненное запрещение священнослужения,** но никак не «лишение сана». Католики развили, как известно, целое учение о так называемом характере таинства, которое говорит о неизгладимой печати двух таинств — крещения и священства. (…)

В своей будущей деятельности кандидат священства никогда не должен забывать об этой неизгладимости дара священнического служения**.** Хиротония есть тот таинственный акт, который отделяет простого мирянина от благодатного предстоятеля алтаря. От тайносовершителя, от теурга, посредствующего между Богом и миром и ведущего по благодати Святого Духа свою паству к духовному совершенствованию, к обожению. После хиротонии он уже больше не просто человек, но священнослужитель. Он не только избранник своей паствы, если таковое избрание имело место, а носитель благодати. (…) Теперь это уже не простой мирянин, а теург и тайносовершитель. Это уже не некто с именем-отчеством, а отец такой-то. (…) С этого момента начинается не жизнь, а житие, не деятельность, а служение, не разговоры, а проповедь, не немощь долголетнего расслабленного, а дерзание друга Христова, и «забвение заднего и простирание вперед» (Флп. 3, 13), царство благодати, вечности и распятий Христу».

Для меня очень важны эти мысли архимандрита Киприана о неизгладимости священства. В самом желании принять священство, заложена истина о его неизгладимости, о том, что священство дается навечно, навсегда, до Страшного Суда и после него, и здесь, и там, в вечной жизни оно вечно. Разве ты волен это решать: Господь дал, и кроме Него никто отнять не может. Богом дано, а не человеком. Разве так можно говорить: я тебя раскрещу, я тебя рассвященствую за то-то и за то-то… С такими вещами, как сан, не играют. А то ведь что может получиться: кто-нибудь из нас возьмет и скажет, что он теперь не священник, а какой-нибудь Василий Иванович, и отвечать перед Богом будет только за самого себя. Э, нет, мы, священники, будем давать ответ по всей строгости перед Богом, не только за себя, но и за тех, кого нам Господь вручил, за наших пасомых.

***

Прочитал в дореволюционной книжке вопрос, заданный одному священнику: «Почему говорят, что встреча со священником — к неудаче?» А он ответил: «Бесы при встрече со Спасителем тоже испытывали такое чувство».

МОЛИТВА

***

Идёт по улице старый больной человек, а другой поддерживает его под локоть, помогает пройти по скользкому месту, чтобы старик не оступился и не упал. Так люди могут физически помочь друг другу. А в духовной жизни поддерживает молитва. Если плохо одному человеку, овладевает им уныние, отчаяние, а другой в это время за него молится, предстоит перед Божией Матерью и просит: «Заступница наша, помоги рабу Божьему Сергию, худо ему, не оставь его своей помощью», — смотришь, человек повеселеет, воспрянет духом и придёт в себя. А затем тоже начнет молиться за какого-нибудь отчаявшегося Ивана…

Так мы и идем к Богу, поддерживая друг друга силой молитвы. Самое главное — молиться за другого, и тогда помощь Божья придёт к тебе самому, потому что за тебя в это время тоже кто-то молится. Не оставляй молитвы!

***

Кроток дух монастырского жителя,
Тихо слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.

Есенин просит за него помолиться свою маму Татьяну…. Ему плохо, тяжко, грехи давят, а к кому же, как не к маме, обратиться с мольбой: «Помолись за мою погибшую душу». Все мы через свои грехи — погибшие. Самое главное, было бы к кому обратиться за молитвой. У скольких сыновей и дочерей мамы некрещеные или неверующие, через это разрушено самое святое — материнская молитва о чадах. Дети стенают, плачут, погибают, а мамы поют, гуляют, смотрят телевизор… и не слышат стонов своих погибающих детей. В семье нарушается самое святое — молитва, а ведь семья — это домашняя церковь. А раз нет молитвы, то какая же это церковь? Разрушить можно, а что потом?

Я всю жизнь держался на плаву только молитвой моей мамы. Знаю, и там, у Господа, она за меня молится, поэтому и служу, и хожу по этой земле. Молилась она за меня в своей комнате перед иконами, молится и сейчас, в той комнатке, где ей быть Господь определил. Кто-то ведь сказал, что «смерть — это переход из одной комнаты в другую».

Моей парализованной и слепой бабушке Арише приснился сон: видит она темный грязный чулан, весь в паутине, и голос ей говорит: «Вот, где тебе надлежало бы быть. Молись, не ропщи на Бога, и будешь здесь», — и перед ней: светлая горница, одна из стен которой вся в иконах. Какую мы там комнату заслужили — темную или светлую?

Молитва матери из ада вытащит. Дети, почитайте матерей, тонуть будете, и не утонете, погибать будете, и не погибнете — такова сила материнской молитвы, она и со дна моря достает.

Любил Есенин свою маму, а она на его любовь отвечала молитвой за него. Послушайте, какой теплотой проникнуты его строки, обращенные к ней:

Каждый вечер, как даль затуманится,
Как погаснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница
Поклониться любви и кресту.

Она и сейчас, видно, **там** ходит и молится за своего Сережу (и я верю, что вымолит), поэтому так его и любят на этой грешной земле.

***

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь,
Я вспомнил тебя, дорогую,
Моя одряхлевшая мать.

Все мы, на какое-то время, забываем своих дорогих мам. А потом вспоминаем, особенно когда нам плохо. И выплывает образ мамы, так и стоит перед глазами, то укоряет, когда не так живем, то подбадривает, чтобы не падали духом. Мама, она и есть мама, она всю жизнь для нас мама — до седых волос. А уж если мама молящаяся, то это, я думаю, предел желаний всех сыновей и дочерей. Кажется, есть памятник «Матери скорбящей» — это хорошо. Вот бы кто-нибудь (например, Вячеслав Клыков) создал памятник «Матери молящейся». Всем мамам был бы урок и назидание. Не молишься, а тем более, если не молишься за своих детей, то какая же ты мама! И стояла бы эта мама из бронзы или камня, и, кажется мне, что не холод бы исходил от камня, а тепло… потому что, хоть и бронзовая, хотя и каменная, а ведь все равно мама, да ещё в молитве!

На краю деревни старая избушка,
В ней перед иконой молится старушка,
Молится старушка, сына поминает,
Сын в краю далеком Родину спасает.

***

Ссоры в семье… Они неизбежны и, в основном, они возникают по пустякам. Каждый из нас может рассказать их бесчисленное количество, а по сути ничего не сказать, потому что часто они возникают на пустом месте. Как их избежать? И чего только ни предлагают мудрецы всех времен и народов — и притчи, и басни, и песни, и сказки — чтобы в семье был мир и покой. А мы все равно ссоримся, ругаемся, деремся, оскорбляем друг друга, и самое страшное — расходимся и становимся чужими. Мир и покой в семье создает молитва. Попробуй крепко поругаться, если вы только что стояли на молитве, в едином порыве просили что-нибудь у Господа, молились о болящем сыне или дочке, и оба отошли от своего святого уголка умиротворенные и утешенные Господом, Его Пречистой Матерью. И захочешь поругаться, да ничего не получится. Потому что Христос посреди вас, а не ссора. А если вы пошли в храм, поисповедовались и причастились, приняли в себя Христа, и уже втроем пришли в свой дом, то как же можно ругаться, не вовлекая в это Христа, раз Он в нас и мы в Нем. А вечером опять молитва, не телевизор, а молитва всей семьей, со своими детишками, молитва перед

обедом, завтраком, ужином, даже по дороге на работу… Да когда же здесь ругаться, когда везде со всеми нами Христос. При нем стыдно делать что-либо непотребное. Порой мы стыдимся делать дурное просто при добром человеке: что он о нас подумает, что скажет…

Одним словом, если мы молимся, то Христос посреди нас. Есть и будет. И ссора убежит на своих тоненьких ножках и спрячется в крапиве, пускай ей там будет место, а не в наших домах, сердцах и душах.

***

Мой муж — арбуз,
А я — его дыня.
Он вчера меня побил,
А я его — ныня.

Это — рязанское, Есениным сказано. Мужья и жены приходят к нам в храм, приходят и невесты с женихами. А в семье, как мы знаем, всякое бывает. На исповеди бывают признания и в семейных драках. Но самое главное, чтобы злобы не было, ожесточения, даже если что-то и произошло. Частушка эта для нас благой пример: здесь не только злобы не ощущается, а даже проглядывает любовь. Ну что с того, что он меня побил, а я его, — сидим мирно у самовара и чай пьем, как «я и моя Маша». Тепло и уютно. Частушку эту я полюбил, нет-нет, да тихонечко её мурлычу и поминаю добрым словом того, кто её написал. Все это родное, русское, немного забытое, но по крайней мере лучше того грохота, который мы невольно слышим с экранов наших телевизоров.

***

Люблю рано вставать: день впереди большой-большой. Проснулся как-то в пять утра, приоткрыл глаза, вижу — луна, а свет от нее глаза режет. Подошел к окну: двор, крыши домов, — все залито ярким лунным светом, и на лунном диске видны силуэты: брат на брата топором замахивается, хочет зарубить… Так рассказывала мне бабушка, я в детстве присматривался к луне и сейчас их увидел. Каин и Авель навеки отпечатались, чтобы каждый из нас помнил, как это страшно, когда человек поднимает руку на человека. Нам всем нужно молиться, чтобы этот топор никогда не опустился, а навеки застыл в руках Каина, не то появится печать Каина на лбу, как печать Антихриста, и не будет убийце никогда покоя… Лучше даже не замахиваться, отогнать от себя это бесовское наваждение и поднять свой взор к Небу, к Богу, тогда наваждение пройдет. Говорят про «холодный свет луны», а я в ту ночь холода не почувствовал, мне лунный свет показался теплым и согревающим. На кухне было светло, как днем. Вспомнил: *Ах у луны такое светит, хоть кинься в воду… я не хочу покоя в синюю эту погоду*.

Помолился, позавтракал, на дворе стало темно, луна, наверное, спать завалилась. Всю ночь светила, работала, и устала. Светить ведь очень трудно… Оделся я потеплей и поехал на могилки: руки зябнут, зажег свечечки, горят хорошо, ярко, поклонился и поехал домой. Придёт ли в гости и в эту ночь ко мне Луна, встретимся ли мы, не проспать бы, не разминуться бы с ней, уж больно хороша — полная, яркая и совсем не холодная! Ах у луны такое светит!

***

Закат солнца, закат жизни… Солнце закатывается, чтобы утром вновь появиться, а человеческая жизнь закатывается, чтобы человеку вновь обрести жизнь — другую, более значительную, которой нет конца, которой нет заката, она просто вечная. Верим мы в нее и знаем, что она есть, а живем часто так, будто её нет. Что с нами? Почему так? Нет ни сил, ни воли перестроиться, почему так слабы? Видно плохо молимся… Все зависит от нашей молитвы, а ей-то мы уделяем очень мало времени: все заботы, заботы, они-то для нас вечны, как вечна жизнь, а они должны быть важны только постольку, поскольку позволяют нам продолжать жить… Главное другое — наш Господь, наша молитва и наша Божья Матерь, которая покрывает нас своим заступничеством перед Господом. Она наша защита, надежда и спасение. У меня иногда вырывается при обращении к Ней: «Милая Божья Матушка!»; после этого немного стушуюсь, думаю: как же я так её назвал? А потом думаю: к маме мы порой так обращаемся, если любим: милая мамка, родная, дорогая, значит, в моем обращении ничего плохого нет — если любишь, то можно и так назвать. Дана ей власть от Её Божественного Сына за всех заступаться и за всех просить, и из века в век несется к Ней вопль: Матушка Заступница, помоги! И так будет до скончания века. Аминь.

***

К нам на подворье довольно часто захаживают молодые католические монахини… Выстаивают литургию, подходят к Кресту, к елеопомазыванию… Я им Крест даю целовать и елеем мажу, и всегда они улыбаются, со смирением и пониманием принимают мой отказ в их причащении. Но уж очень они тянутся к нам, и их очень жалко. Душа, видно, рвётся, рвётся к Богу Православному, хотя Бог, конечно, у нас один. Одна из этих монахинь была у нас вечером в храме на чине прощения, смотрю: с улыбкой движется в нашу сторону, подходит к Владыке, поравнялась со мной, делает поклон: «Отец Вячеслав, я прошу прощения за нашу Церковь, причинившую вам такие раны». Отошла, слышу, как она говорит и отцу Николаю: «…Прошу прощения за нашу Церковь, причинившую вам такие раны».

По-разному можно отнестись к этим искренним словам, но любить этих смиренных монахинь нужно, и не отталкивать, они ведь тоже своей молитвой помогают нам, священникам, в нашей службе, и, несмотря на все наши противоречия, молитвы наши сливаются и идут к Престолу Господню, — там никто не может поставить для них препоны, нет такой силы, это уже не на земле…

***

У нас в Воскресной школе установился хороший обычай молиться о тех учениках, кто болен. А началось это, когда наша ученица Лия попала в автомобильную катастрофу. Я, когда услышал об этом от её сестренки Оли, так разволновался, что все слова застряли в горле, стою и молчу. А потом пришла спасительная мысль: молитва, молитва, вот что нужно… Собрал я всех учеников и родителей, что были в храме, и мы все стали на коленочки перед иконой «Нечаянная радость». Я начал молиться, а голос дрожит, прерывается. Когда видишь детишек здоровыми, то радуешься, а когда они заболевают, то переживаешь такое сокрушение сердечное, и так их жалко, что и не знаю, что бы сделать, лишь бы помочь. В такие моменты особенно остро чувствуешь,

как хорошо, что ты батюшка: молись и других призывай к молитве — смотришь, Господь и поможет…

И пришла к нам Лия здоровенькая и веселенькая…, а теперь уж она мама, со своей маленькой дочкой Ксюшенькой, как и Божия Матерь — с младенцем. Такова сила молитвы.

Недавно в нашей школе Антон заболел, Ангелина ручку повредила, Машенька приболела. За всех мы молились, и они пришли к нам радостные и здоровые. Сейчас молимся о нашем Ване, он уже стал взрослым и школу не посещает, но с ним случилось что-то страшное, избили так, что он попал в реанимацию. Его бабушка пришла в храм такая расстроенная, что и говорить не могла. Я её поцеловал и пообещал, что все в школе вместе помолимся, а детская молитва самая сильная…. «Пустите детей приходить ко Мне», — сказал Спаситель, а значит, молитва детей тоже к Богу идет как бы без очереди, и молитва взрослых должна посторониться и пропустить детскую молитву ко Господу!

Я детишкам посоветовал не ограничиваться молитвой в нашей школе, но и дома вспомнить о Ване и вздохнуть за него перед Господом! А я пою акафист перед Божьею Матерью «Споручница грешных» и первым поминаю его из болящих: «Господи, Лию воздвиг, воздвигни от одра болезни и Ваню». Милостив Господь, на Него надеемся и просим Его Маму, Которую Он тоже слушается и просьбы Её о нас выполняет. «Ты Мати Моя, и Я Тебя должен чтить», — поем мы в нашем акафисте «Нечаянной радости».

Вернули наши молитвы Ваню к жизни. И всем вам от него, детишки, благодарность. Никогда не оставляйте молитвы, знайте, что тому, за кого вы молитесь, может, ваши молитвы так необходимы, как человеку-альпинисту, сорвавшемуся с горы и летящему в пропасть, когда ему уже ничто не может помочь, ни люди, ни веревка, только молитва может это падение прервать, и человек может уцелеть. У молитвы есть крылья: она подхватывает человека и выносит его из бездны, для молитвы нет преград. Знайте это и молитесь, и кого-то спасете, и сами будете спасены молитвами о вас.

***

Мы говорим: Бог — наш Отец. Значит: весь мир — одна семья. В наших домашних семьях мы любим друг друга, ухаживаем друг за другом, скучаем, если долго не видимся, а если нечаянно обидели, то просим прощения, молимся друг за друга. А вот вышли за порог — и нас окружают «чужие», не «родные» лица, и нам до них нет никакого дела. При этом мы непрестанно говорим и поем, что Бог — наш Отец, а мы Его дети… Получается, что дети не хотят знать друг друга, бегут каждый в свою сторону и не замечают своих братьев и сестер, чужие, чужие, чужие… А Господь скажет: «Не признаете друг друга за братьев и сестер, так что же ко мне обращаетесь “Отче наш”? Тогда и я вам не Отец…» Смеем ли мы так обращаться к Богу, если не замечаем родных, данных нам Господом?

Отче наш, Ты всех соединяешь, соедини и нас в общей молитве к Тебе, в общем делании, дай нам почувствовать нашу связь с Тобой, нашим Отцом, и помоги нам не только называть друг друга братьями и сестрами, но и быть ими!

***

В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок моет лапкой рот…

В тихий час так хочется посидеть и подумать о Боге, о своей жизни, о молитве, о чудесном Божьем мире, который тебя окружает и о своём месте в этом мире. Нашел ли ты свое место или ещё ищешь, не блуждаешь ли, как человек, потерявший в лесу дорогу? Тогда, может, лучше остановиться, призвать Бога на помощь и постараться выбрать правильное направление. Я думаю, что многие из нас могут твердо сказать: «Да, я на своём месте». Но если кто-то чувствует, что не на своём, нужно помолиться, попросить у Бога поддержки, и Он, либо даст тебе силы укрепиться в твоем делании, либо пошлет что-то иное, что тебе самим Господом предназначено. Просите и дастся вам. Стучите и откроется. Главное, не зарывай таланты, что тебе даны Господом, трудись и молись, и увидишь, что все получится, потому что Господь будет с тобой.

А заря на крыше — это призыв к молитве. Встань перед божницей, отряхнись от сна, положи на себя крест Христов и скажи: «Господи, радость-то какая, опять Ты послал мне день, опять дал радость видеть Тебя, предстоять пред Тобой, обращаться к Тебе». И для котеночка радость: увидел зарю, умывающуюся в речке, и сам решил умыться, а потом и помолиться… да, да…, а вы что думаете, только люди молятся? Всякое дыхание (и котеночка) да хвалит Господа. Нужно только приглядеться, прислушаться, и к твоей молитве присоединится молитва всякого дыхания, все можно увидеть… молитва даст такое зрение — видеть тайное, невидимое.

В тихий час, когда заря на крыше, Как котенок моет лапкой рот… встань и помолись за всякую душу, за всякое дыхание, вздохни за все и за вся, и тогда весь день Господь будет с Тобой, до самого вечера, и в нощи сохранит, а там утро и опять встреча с зарей Господней и со всяким дыханием…

***

Два человека, самые близкие для меня на земле, ушли ко Господу. Я знаю, что Господь со мной, Божья Матерь, святые угодники не оставляют меня, посылают мне хороших и добрых людей. Я благодарен Господу за это, но порой бывает очень тяжело. И здесь очень помогают молитвы, обращение к Господу за помощью, и помощь приходит. Очень любит нас Господь, но хочет, чтобы и мы Его помнили, Он же наш Отец, а Божья Матерь — наша Мама. Плохо тебе — подойди и попроси, и Отец и Мама пожалеют, и святые угодники не оставят, только нужно не забывать, что Они у нас есть и готовы всегда прийти на помощь. А наши родные, если здесь на земле заботились о нас, то и там, в вечной жизни, в заботах, просят Господа о помощи нам, оставшимся на земле, и ждут нас к себе, и самых родных и просто знакомых, мы ведь единый род человеческий, единое целое, и друг без друга как не можем быть здесь, так не можем быть и там. И как Господом все устроено: здесь все вместе и там все вместе, как одна семья, и самое главное, никто нас не разлучит от любви Божией, ни скорбь, ни теснота, ни гонения, а все и во всем Христос.

***

Последнее время у меня стало меньше телефонных разговоров, меньше поездок, я все чаще остаюсь дома, наедине со своими мыслями и с Богом: отслужил, пришел домой, отдохнул, подумал о службе, о молитве, о проповеди, о людях, окружающих меня и ушедших, помолился и с молитвой заснул. Иногда знакомые мои говорят, что я редко им звоню и редко о них вспоминаю, а я отвечаю, что всегда помню и молюсь о них на

литургии, дома, на улице, что имена их обступают меня со всех сторон и просят: молись за нас, болящих, страждущих и скорбящих… Так что звоню я редко, а помню всегда. Господь меня поставил молитвой помогать людям, а уж что из этого получается, не мне судить, а Господу и людям. Моё же дело стоять и молиться, радоваться и печалиться вместе с вами. Услышал я однажды призыв Господа и пошел за ним, как некогда апостолы. Только апостолы не были такими грешными, как я, они оставили свои сети, а я попробовал оставить свои грехи, но не очень у меня это получилось. А потому прошу ваших молитв: помогите, помолитесь обо мне, может, по вашим молитвами и продлит Господь моё служение для того, чтобы ещё что-то сделать на этой земле и исправить свою греховную жизнь.

***

Какая радость каждый день приходит от мысли, что Господь даёт нам ещё один день жизни. «Я дал вам жизнь для того, чтобы вы радовались и прославляли Меня, вашего Творца». Все на земле радость, нет ни печали, ни грусти, это мы сами их себе придумали, может, для того, чтобы не захлебнуться этой радостью. Давайте радоваться каждому Божьему дню, каждой веточке, птичке, встречам и разлукам, ясным и ненастным дням, рождениям и смертям. Все же очень просто: Господь дал, Господь и взял. А для того, чтобы радость наша никогда не прерывалась, Господь дал нам молитву. Молитва — это сплошная радость. День и ночь можно беседовать с Богом. Везде Господь и его любовь: и в кваканье лягушек, и в стрекотании кузнечиков… Мир полон чудесной Божьей любви и неиссякаемой радости. Давайте радоваться утром и вечером, ночью и днем, на закате солнца и на восходе, потому что Господь есть радость, а мы Его радостники.

***

Кто заложил в молитву такую силу? Встаньте перед иконой и обратитесь к Богу с тем, что у вас на душе, в сердце, что вас волнует, тревожит. Обратитесь так, как разговариваете с близкими, и вы почувствуете Господа и Его участие, и через такую доверительную молитву приоткроется вечность и Сам Господь. Вся наша жизнь — молитва. Чтобы мы ни делали, куда бы ни спешили, с кем бы ни разговаривали, — всё это обращено к Нему, нашему Господу. Всем этим мы Его ищем, к Нему стремимся, все направлено к Нему, вся наша жизнь, все наши помыслы и дела. Он дал нам эту жизнь, и она должна к нему возвратиться. Надо уметь это чувствовать, чтобы во всем и везде с нами был Господь. Я уверен, что любой неверующий (или так себя называющий), сделав хотя бы легкое, незаметное сердечное движение к Богу (в Которого он как бы не верит), сразу Его обретет, сразу найдет, и не нужно будет никаких доказательств такому человеку, чтобы удостовериться в Его бытии. Для того и послал нам Господь молитву и открылся через неё нам…

Моли, моли Господа непрестанно, умоляй Его… Слышите, как льется молитва, журчит и ручейком устремляется к Его Престолу, а затем возвращается и проливается Его милостью и любовью на нас. Так происходит в храме, дома и даже на улице: мы Ему посылаем молитву, а Он нам Свою любовь и помощь. А те, кто Его потерял, всю жизнь ищут, потому что без Него жить не могут, вот и идут в храм к батюшке с простыми, житейскими вопросами, в поисках Бога, которого они потеряли. Помоги, Господи, им

Тебя обрести, а батюшке пошли для этого нужные слова и молитву за ищущих Тебя. Когда же обретут они Бога, сколько будет радости на небе и на земле!

***

Красный угол

Угол с иконами в избе на Руси издревле называется красным. С иконами тепло, уютно и хорошо, они же призывают нас к молитве: подойди, преклони свои упрямые колени, свою несгибаемую выю и побудь так хотя бы мгновенье. Мы же вечно куда-то торопимся, не сознавая, что это мгновенье может изменить всю нашу жизнь, — такая благодать и сила заключается в святынях, которые мы называем иконами. Смотрят они на нас в доме, в храме и напоминают о Боге, о вечности, влекут к себе всех, от мала до велика, такая в них заключена духовная мощь. Входит человек с улицы домой раздраженный, злой, а в уголке Спаситель, Божья Матерь, Николай, лампадка теплится, вот и потеплеет у человека на сердце, потому что Господь и Пречистая Богородица, и святитель Николай уже с Ним. Дал нам Господь жилища, которые должны быть не только нашими, но и Божьими. В них всегда должен быть выделен уголок для Христа, нашего Спасителя, для Его Пречистой Матери и святых угодников Божиих, а нам будет выделен Господом уголок в его Небесном Царстве.

***

Когда читаешь Евангелие о Хананеянке, то щемит сердце, душу раздирает её крик. Ученики, апостолы не могли вынести её крика ко Господу. Вы представляете, когда человек кричит: когда так больно, такое отчаяние, так плохо человеку, что только крик может заглушить эту боль. Хананеянка кричала за свою больную дочку: насмотрелась на нее, исстрадалось её сердце болезнью дочери. «Господи, Сыне Давидов, дочка моя жестоко беснуется, помилуй меня…» Даже не за дочку просит, а «меня помилуй» — вот какая это была материнская боль, и все это вылилось в крик. «Кричала…» Апостолы не выдержали, а Господь шел, не отвечая ни слова… Приступили к Иисусу: «Отпусти её…» — её крик потряс их. И услышали из уст Господа суровый ответ, «бездушный»: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (хананеянка была язычницей). А женщина уже совсем близко подошла к Нему, кланялась и говорила: «Господи, помоги мне!» Даже суровый ответ Господа не остановил её, так была велика её скорбь и так была сильна вера в Него… Значит, много слышала о Нем и Его милосердии. А Он опять отвечает ей с такой суровостью и беспощадностью, от которой в глазах может потемнеть: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам…» Страшные слова она услышала от Господа, но Господь — сердцеведец, знал Он её веру, знал, что такой верой, как у этой женщины, горы можно двигать… Поэтому так и испытывал Он её, чтобы нам был дан величайший образец, как нужно верить и как просить. И что же ответила эта женщина, как самоуничижилась, и всё ради больной своей дочки! «Так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их…» Видите, она не обиделась на Него, не пришла в отчаяние от Его слов, не ожесточилась, не ушла, не сказала грубого слова. И какие великие слова произнес Господь! Если бы они были обращены не только к ней, но и к нам, когда мы просим у Господа за своих болящих… да только это совсем нереально… «О, женщина! Велика вера твоя, да будет тебе по желанию твоему». И исцелилась дочь её в тот час…

Посмотрим на себя: мы просим и отступаем. Своей мольбой мы должны подражать хананеянке. Он ей отказывает, а она опять за свое… Чувствовала она своим материнским сердцем, что Его отказ — не отказ, сокрыта в Его словах такая любовь к ней и её дочери, которую ничем измерить нельзя, а только можно в неё поверить, и что за этим суровыми словами стоит такая Любовь, которая сметает всё на своём пути, только верь в неё до конца, верь несмотря ни на что, и обязательно получишь просимое. «И исцелилась дочь её в тот час…» Испытывай нас, Господи, и дай такую веру, потому что без Тебя мы ничего творить не можем. Дай нам, Твоим последователям-христианам, хоть крохи той веры, что была у этой язычницы. Брось нам крошечки с того стола!…

***

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я —
Нас не забудет Русь.

Для того, чтобы Русь нас не забыла, можно оставить после себя картину, книгу, дворец, церковь, а можно… просто за кого-то помолиться. Тогда твоя молитва вольется в молитву всей Руси, и полетит к Господу, — и вся страна будет тебя помнить, потому что без твоей молитвы не устоять русскому граду, не выстоять Руси. Русь должна наполняться молитвой, жить и дышать ею, наши молитвенные прошения Ей необходимы. Молись, и никогда тебя Русь не забудет. Пройдут годы, тысячелетия, а твоя молитва, как кирпичик, заложенный в основание здания «с названьем кратким Русь», будет опорой родному дому. Перефразируя поэта, можно сказать:

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Молитвы наши —
Не забудет Русь!

КРЕСТИНЫ

Пришел креститься юноша, а крестным у него его товарищ. Оба ничего не знают ни о Боге, ни о Церкви. В конце крещения говорю: «Ребята, а не поступить ли вам в Духовную Семинарию?» Стали приходить в храм, прислуживать в алтаре. Сейчас один — иеромонах отец Зосима, а другой — священник отец Виктор. Оба закончили Московскую Духовную Академию.

***

Вышел крестить, вижу: стоят два мальчика лет по десять. Решил спросить их, знают ли они молитвы. Говорят, что знают наизусть «Отче наш», «Царю Небесный», «Богородицу». Спрашиваю, знают ли Символ веры. «Знаем, — отвечают. — Но не весь, он очень большой». Затем поворачиваюсь к родителям и крестным: «А вы молитвы знаете?». Вижу, что старшие и понятия о молитвах не имеют. Удивленно спрашиваю: «Ребята, откуда же вы молитвы знаете?» — «А нас, — говорят, — в школе научили».

Дай-то Бог, чтобы дети научили своих пап, мам и крестных.

***

Пришла креститься молодая мама, а с ней пять ребятишек разных возрастов. Семья бедная, и, видно, денег для всех на крестины не хватает. Я говорю: «Пускай кто-нибудь сходит к владыке Нифону, объяснит ситуацию, нельзя же с такой большой семьи брать

полную сумму». Пришли от него и сказали, что владыка благословил заплатить за одни крестины, а крестить всех. Обрадовались… «Становитесь, — говорю, — сначала окропим маму…» А когда стал крестить маленьких, то тут-то и началось… Поставлю одного в тазик, а пока иду за вторым, первого уже и след простыл. Пока ловлю первого, другой убегает аж к алтарю. То же и при миропомазании: не пойму, кого я уже миропомазал, а кого ещё нет. Рассыпаются, как горох, такие бедовые ребята: кто в трусиках, кто без трусиков, бегают по храму… Сколько лет крещу, но такого у меня ещё не было. Наверное, расшалились с радости, что крестятся.

Мама бегает за ними, пытается поймать, а сама тоже не совсем одетая… За ящиком Мария стоит, смеется.

Главное — радости было много. Мама эта, оказывается, приехала издалека, где и храмов-то в то время не было. А к нам пришла, видно, потому, что у нас крестины не регистрировали, и можно было ничего не бояться. Теперь эти детишки, должно быть, большие и сейчас, наверное, сами смеются и другим рассказывают, как они бегали от батюшки по храму, когда он их крестил. Дай-то Бог им здоровья душевного и телесного, и побольше радости в жизни.

***

Измайлово

Крестил несколько человек. Во время воцерковления произношу: «Воцерковляется раб Божий младенец Пётр». Рядом стоят родители, и мама удивленно спрашивает папу:

— Как Пётр? Он же был Максим?! Папа молчит. Я говорю:

— Что же вы между собой не договорились, как сына назвать?

Иду за советом к нашему старому 93-летнему священнику, отцу Валериану Николаеву. Он советует мне поступить так, как в таких случаях поступал митрополит Филарет (Дроздов), ныне святитель.

«Совершая первое причащение младенца, назвать его тем именем, каким следует». Папа, наконец, соглашается с мамой:

— Да, Максим.

Говорю им:

— Сейчас всё исправим.

Выношу Чашу.

— Причащается раб Божий младенец Максим.

Все довольны, и я в том числе.

***

Подходит мужчина с длинной бородой и длинными волосами и говорит:

— Отец Вячеслав, Вы меня когда-то крестили.

— Очень хорошо, — говорю, — я многих крестил. Чем вы сейчас занимаетесь?.

— Я иеромонах, зовут Иосаф.

— А чем до этого занимались?

— Был спортсменом, тренером по каратэ, телохранителем…

Как Господь выравнивает пути человеческие!

***

Пришел креститься мужчина лет сорока. Говорит, что живет где-то далеко.

— Почему в нашем храме решили креститься?

— Детей своих здесь крестил.

— С верой пришли креститься?

— Постольку-поскольку.

— Как это постольку-поскольку? А вера-то есть? Если нет, то я тебя крестить не буду. Давай сядем поговорим.

Стал ему говорить о Боге, о Церкви, о причащении, о молитве. А он мне и говорит:

— Вы что, хотите мне доказать, что Бог есть? Я не так воспитан, мне этого ничего не нужно… ни Бога , ни Церкви.

— А зачем же ты пришел?

— Я пришел исполнить обряд.

С ним была его жена, которая, видно, и уговорила его пойти креститься. Я посоветовал ему подумать и пока никуда больше не ходить: не обманывать себя, Бога и священника.

***

Антиохийское подворье

Крестил женщину по имени Галина, 1937 года рождения. Рассказывает, что уже много лет ходит в храм, знает молитвы и верит в Бога. С удивлением спрашиваю её:

— Что же Вы так долго не принимали таинства крещения?

— Да как-то неловко и стыдно в таком возрасте креститься, и не знала, можно ли… А как тяжело быть некрещеной…

— Да я крестил и 85- летнего.

Во время крещения все делала с верой, а на следующий день, как я ей сказал, пришла причаститься. Когда после литургии я вышел с крестом, то увидел её и почувствовал, как ей важно сейчас, чтобы я обратил на нее внимание. Когда она подошла к кресту, я её спросил:

— Вы причастились?

— Да.

А лицо такое чистое и радостное…

Вот и ещё одна душа обрела Господа…

***

Крестилась молодая девушка по имени Ольга. Читала Евангелие, знакома с молитвами, пришла с верой. Смотрит на меня и улыбается. Оказалось, на то была особая причина: весь её род, из поколения в поколение, был родом священников. После 1917 многие были расстреляны в Санкт-Петербурге. И семья сломалась, кто-то из семьи ушел от Бога, а сейчас началось возвращение…

Самое удивительное, что она крестится, делает поклоны, прикладывается к иконам так, как будто всю свою жизнь это делала, и сейчас пришла в храм не креститься, а просто помолиться. Я ей сказал об этом впечатлении, в ответ — милая улыбка. Рядом стоит её мама и тоже улыбается.

— Батюшка, можно у Вас поцеловать руку?

Я смеюсь.

— Христу целуете руку, не мою.

— Батюшка, а я тоже недавно крестилась.

Ну, думаю, может, и батюшка скоро в семье появится, и начнется новое поколение священников, уже московских. Есть притча о возвращении блудного сына, а здесь возвращение целой блудной семьи! Буди, буди!

***

Крестились две еврейки, мать и дочь, 1924 и 1948 года рождения. Знают молитвы, до крещения долго ходили в храм, посещали лекции отца Артемия Владимирова, а перед самым крещением посетили Святую Землю в Иерусалиме и, будучи ещё некрещеными, поклонились святым местам, и привезли оттуда крестики, которые я им надел при крещении. У обеих очень хороший духовный настрой: настоящие православные христиане, очень любят друг друга и друг за другом ухаживают.

*****

Крестилась девочка Аня, ей всего один год. Когда подходил к ней и мазал елеем или миром, то она улыбалась, почти смеялась. Я её все время за это трепал по головке. С ней крестить было весело и легко.

Прошло несколько дней, и опять крестины: трехмесячные Кирилл и Ольга все крестины улыбались. Раз детишки пошли такие веселые, значит, не пропадём!

***

Снова выплыли годы из мрака

Наша прихожанка Назария привела крестить свою подругу Валентину, 1937 года рождения. Начинаю с ней разговаривать:

— Москвичка? Что же столько лет была некрещеной?

— Отец военный.

— А где жила?

— На улице Льва Толстого рядом с храмом.

Что-то ёкнуло у меня в груди.

— А дом какой?

— Да семиэтажный, прямо вначале улицы.

— А Фадееву там знала?

— А как же, четвертый этаж, и двое детей: мальчик и девочка.

— А Фурта знала?

— А как же, генерал, на первом этаже жил, и сын такой беленький.

— А генерала Петрова, главного дирижера всех военно-образцовых оркестров страны?

— Конечно, знала, на седьмом этаже жил, у него двое чудесных детишек.

Говорю ей:

— С Фадеевой моя мама работала в Хамовнических казармах, а я с её сыном учился в одном классе. Фурт — тоже мой одноклассник. Тогда только появились телевизоры, я к нему заходил смотреть кино. А генерал-майор Петров, один из больших начальников в казармах, как-то попросил маму посидеть с его детишками. Мама и детишкам понравилась, и ему, и его жене. Мама вспоминала, как он ей говорил: «Ты, Лена, все кушай, что у нас есть, не стесняйся, и, если нужно, домой бери для мамы и своего сыночка». Мама очень полюбила эту семью, и как-то генерал признался ей, что он человек верующий, а по тем временам, такого и вообразить было нельзя… Я видел в

Парке им. Горького , как он дирижировал военным оркестром: очень видный и красивый генерал… Потом его лишили звания, и ходили слухи, что пострадал он за веру… мама о нем очень переживала.

Вот такие дела. Через полвека встретил человека… из такого далека… и наплыло на меня то, что ушло… И вспомнил маму… как бы я сейчас рассказал ей про все это…

А Назария говорит:

— Она и так все знает и слышит.

В свидетельстве о крещении я записал себя крестным Валентины и подписался:

Протоиерей Вячеслав Винников, земляк из Хамовников…

Снова всплыли годы из мрака
И цветут как ромашковый луг…

Этот луг Хамовнический так и стоит перед глазами, а на лугу все эти люди, мама и я, пацан хамовнический.

***

Я крещу маленькую девочку и никак не могу понять, отчего мне так знакомо лицо её крестного. И уже под конец крестин вспоминаю… Ба, да это Олег Табаков! Поздравил всех с крестинами, сказал несколько напутственных слов и признался, что узнал крестного отца. Я подарил им просфору и сказал, чтобы они не забывали храм и заходили сюда почаще.

Прошло довольно много времени… Приходит его родственница и говорит: «Мы бы хотели, чтобы Вы окрестили Олега Табакова…»

Я в замешательстве: как же так, он ведь был крестным, а некрещёный не имеет на это права. «Ну, — говорю, — ладно, пусть приходит». Спустя довольно долгое время она опять пришла от имени Олега Табакова , на этот раз договориться насчет крещения его маленького сына. Пришел он сам с молодой супругой, сына нарекли Павлом. После крещения говорю: «Олег Павлович, как же Вы были у девочки крестным, будучи сам некрещеным?». Улыбается: «Зато я теперь крещёный».

В скором времени служу литургию, причащаю и вижу, как он с благоговением подходит и принимает Святое Причастие. Кстати, и когда он крестил своего сына, тоже молился, а не просто изображал молящегося. И за поздней литургией, когда он причащался, то молился усердно.

***

Крестил очень старого еврея, которого в храм привел его сын. Через некоторое время приходит сын и говорит:

«Отец Вячеслав, папа умер, радость-то какая».

Я с удивлением спрашиваю: «Чего же ты радуешься?».

«Радуюсь, что папа умер крещёным. Теперь можно отпеть».

***

Многие из тех, кто приходит креститься, крепкой веры не имеют, у них много сомнений и неразрешенных вопросов, но они чувствуют, что креститься надо и быть некрещеным нельзя. Я думаю, что их нельзя отталкивать. К ним хорошо подходят

слова: «Верую, Господи, помоги моему неверию». Ведь Господь не оттолкнул того человека, который первым произнес эти слова. Наверное, миллионы людей, идущих к Господу, этих слов не произносят и не знают, но именно эти слова выражают их состояние, — и Господь принимает их через своих служителей.

Мне же хочется сказать: «Верую Господи, но помоги моему неверию в этих людей».

***

Сегодня крестил высоченного парня, под два метра, этакого богатыря, 1961 года рождения, по имени Геннадий. Он рассказал мне, что долгое время находился в Иерусалиме, на лечении, немного знаком с Евангелием, с молитвами. Крестным у него — молодой человек, Виктор, который ни молитв не знает, видно, что и в храм не ходит, и довольно смело на меня смотрит, с улыбочкой. Когда стали молиться, то крестный немного посерьезнел, смотрю, он тоже молится и крестится. Говорю ему: «Вот ты, крестный, а сам ничего не знаешь и от Церкви далек, а ведь ты — крещеный. Отец Дмитрий Дудко пишет в одной из своих книг, что если крестный неверующий, то он должен отойти в сторону. Я-то тебя не прогоню, но ведь тебе, должно быть, очень трудно так жить: ты себя и неверующим не признаешь, и верующим не считаешь, не холоден ты и не горяч, не рыба и не мясо, ну разве так можно жить?» Молчит… Я продолжаю: «Тебе ведь Господь в твоей жизни посылал людей, которые тебе о Боге говорили и о Церкви, не может быть, чтобы таких людей не было… Все мы не вечны, уйдешь отсюда. А Господь тебе там скажет: «Батюшка Вячеслав тебе обо Мне говорил, а ты плюнул и пошел…» Рассмеялся, но смотрю, слушать стал внимательнее, крестится и кланяется совсем по-другому, да и крестник его весь как-то подобрался… После крещения Геннадий каким-то светлым стал, добродушным, улыбчивым. Во время крестин в отдалении стояли мужчина и женщина, внимательно прислушиваясь ко всему, что происходило в храме. Оказалось, что это его родители пришли на крестины, молились и почувствовали, что все происходит не формально, а Господь здесь, рядом с нами. Мама Геннадия подарила мне пучок свечей из Иерусалима от Благодатного Огня, землю и маслице. Такие были чудесные крестины… Как Господь нас друг другу посылает. Как он нас всех любит, а мы должны этой любовью делиться друг с другом, молиться друг за друга, и тогда мы на этой земле не пропадём!

ИСПОВЕДЬ

***

Вот как я выхожу на исповедь: беру с престола Евангелие, Крест, внутренне содрогаюсь и спрашиваю благословения у Божьей Матери. Целую икону: «Божья Матерь, помоги, Господи, благослови». И выхожу к аналою. Если есть детишки, то они подходят первыми. Слава Богу, что они есть (и порой очень много). Но сейчас разговор пойдет о взрослых. Надо очень хорошо *стать*, не в физическом плане, а в духовном, чтобы всё услышать, пропустить через себя, впитать, *ощутить себя тем человеком, который перед тобой стоит, чтобы был общий покаянный вопль к Богу*. Ни в коем случае нельзя отделять себя от стоящего перед тобою: *ты* плачешь, *ты* каешься, *ты* вопиешь: Господи, прости.

Иначе может получиться, что ты слушаешь какой-то рассказ, затем накрываешь епитрахилью и прочитываешь молитву. Если себя отделишь от исповедника, то между вами возникает пропасть, которую ничем не заполнишь: постояли, поговорили и разошлись. *Исповедники разные, а грехи у всех нас одинаковые*, каждый раз такое чувство, что слушаешь самого себя, прислушиваешься, не забыл ли чего, и каешься. И разрешительную молитву сам над собой читаешь. Открывает тебе человек грехи, а ты в них открываешь свои. И никогда не будет противен кающийся, с чем бы он ни пришел, потому что это ты сам. Если даже и появится чувство отвращения, то противен будешь сам себе. Может, исправишься и жить будешь по-другому. На исповеди трудно отделить священника от кающегося и понять, кто кому кается — просто мы вместе каемся Богу. Помоги нам, Божья Матерь, поплакать о своих грехах и вместе понести покаяние, ведь Сам Христос невидимо стоит здесь и принимает нас, окаянных.

***

Веду исповедь в храме Архангела Гавриила. Подходит мальчик лет десяти:
— Можно у Вас спросить?
— Спрашивай.
— Почему, когда я захожу в храм — Бог есть, а когда выхожу — Бога нет?
— Откуда ты такой взялся?
— Я в молочную кухню хожу и всегда захожу в храм.
Не мешало бы и взрослым неверующим ***прийти и увидеть, что Бог есть!***

***

Мальчик восьми лет первый раз пришел на исповедь. Спрашиваю его:
— Ты в Бога веришь?
— Нет.
— Почему не веришь?
— Если бы Бог был, Он бы меня наказал, когда я делаю что-то плохое.
— Он тебя не наказывает, потому что любит тебя.
— *Теперь верю — Бог есть.*
— Раз так, то надо молиться: за папу, за маму, за себя. Будешь это делать?
— Да, буду.

— Наклони голову.

И я прочитал над ним молитву.

— Целуй Евангелие и крест.

Поцеловал и спрашивает:

— А почему внизу креста череп?

— Потому что Христа распяли на том самом месте, где был похоронен Адам, первый человек.

— А почему по углам этой книги четыре изображения?

— Это люди, которые жили с Христом, ходили с Ним по улицам: апостолы Матфей, Марк, Лука и Иоанн. Они оставили нам свои воспоминания — вот эту книгу, что лежит перед тобой, Евангелие, а на ней изображение воскресшего Христа. Злые люди Его распяли, а Он на третий день воскрес. Это наш праздник Пасха, знаешь?

— Да.

— А крестик на тебе есть?

— Нет.

— Почему?

— Цепочка порвалась.

— Это дело поправимое. Ну приходи ко мне ещё. Придёшь?

— Постараюсь.

***

После этой исповеди вспомнился мне случай в санатории в Дорохове, где я лечился в 1966 году.

Сидим как-то вечером на скамеечке у корпуса и разговариваем. Беседа коснулась существования Бога. Я слушал невнимательно, погруженный в свои мысли, но вижу вдруг: молодой парень, еврей, воздевает свои руки к небу и с каким-то надрывом кричит: «Если Ты есть, то покарай меня, слышишь, эй, Ты? Что же Ты молчишь?».

Это было какое-то безумие. Меня оторопь взяла — так я за него испугался. А небо такое красивое, все в звездах… Кругом стояли сосны, и воздух был напоен хвоей. Я тогда, по молодости, не понял, почему с тем парнем не произошло ничего страшного. Хотя страшно было уже то, с каким вызовом он кричал.

А сегодня, после исповеди этого мальчика, еду и думаю: Бог, наверное, услышал этого кричащего парня и сказал: «Эх, глупый ты, глупый, я ведь люблю тебя, поэтому и не наказываю, а ты, чудак, этого не понимаешь. Подожду ещё немного, может, поумнеешь и оценишь мою любовь. Ведь ты из народа моего избранного».

Как же Господь нас всех любит, даже в богоборчестве нашем и неверии. И ждёт…

***

Исповедуется молодая девушка:

— Отец Вячеслав, я иногда думаю: вот я, грешная, нехорошая, и злая бываю, а почему меня так Бог любит, за что?

И на глазах её слезы. Я ей отвечаю:

— И я, милая, грешный, нехороший и никудышный, и тоже думаю, за что меня так Господь любит?

И на глазах у меня тоже слезы. И так хорошо и благодатно, и Господь посреди нас.

Видно, любовь Божья сильнее всякого греха, любовь сильнее смерти! И во грехах наших Господь любит нас и не оставляет.

***

Мать и сын пришли исповедоваться первый раз в жизни. Очень хорошо исповедовалась мама, а сын ещё лучше. Мальчику лет десять, и видно, что он очень толковый. Я пригласил его в нашу воскресную школу.

Подходит он к причастию, а впереди его стоят бабушки. Помня слова Спасителя «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне», я подзываю мальчика пройти вперед и причаститься первым, но вдруг слышу голос протодьякона: «Ты что этого сатаниста выделяешь. У него же серьга в ушах». Хорошо, что мальчик не услышал этих слов.

Мне кажется, если человек, служащий в церкви, любит своё дело, то он будет любить и людей, пришедших в храм, а особенно станет привечать наших маленьких прихожан. Может быть, благодаря нашему вниманию к детям, Господь и нас, старых и дурных, не оставит, а посмотрит на нас и скажет: «*Тянутся к детям — и то слава Богу, может, и станут как дети, и войдут в Мое Царствие Небесное».*

Мальчик тот в воскресную школу все-таки пришел…

***

Был у меня духовный сын: и храм посещал, и исповедовался, и причащался, а когда подрос, то стал в алтаре прислуживать и собирался поступать в семинарию. Вдруг я узнаю, что он потерял веру в Бога. Ко мне всё же пришел, и я с ним долго разговаривал, но вижу, что слов моих он не принимает, а стоит, набычившись, и молчит. Тогда я ему говорю:

«Знаешь что, вот ты жил с Богом, ***попробуй теперь пожить без Бога***, и посмотрим, что получится. Иди, а я за тебя молиться буду».

Нагнул голову и ушел. И хорошо ещё жив остался. Столько в своей жизни дров наломал, что хватило бы не на одну жизнь. И опять пришел ко мне: глаза прячет, улыбается… Исповедовался, причастился, стал ходить на службы, женился на верующей девушке, венчался, сын у него родился…

Без Бога жить, все будет кувырком. Без Бога и страна развалится, и семья разлетится, и человек в чучело гороховое превратится! Спасение только в Боге, а Господь всегда с нами! А если с нами Бог, то кто же на ны!

***

Пришел один молодой человек и сокрушается, что ничего у него с духовной жизнью не получается. Я понял так, что его все время нужно как бы за ручку вести, а если отпустишь, то он упадет. Я говорю: «Вы крестились, получили направление, получили благодать в крещении и миропомазании, которая Вам должна помочь в духовной жизни. Давайте, с помощью Божьей работайте над собой. А надеяться только на кого-то другого нельзя, Вы не в монастыре, где каждый шаг согласовывается с игуменом, да и там ты в келье один, на послушании один, сам что-то делаешь. Знаете, как дядья Сергея Есенина учили его плавать? Заплывали на лодке на середину реки и бросали в воду… и ведь выплывал. Вы всё получили, плывите теперь сами, а поддержка

будет. Я не думаю, что если бы Есенин стал захлебываться, его родные не помогли бы ему…»

***

Пришел исповедоваться мужчина лет сорока. Спрашиваю его:

— Когда Вы крестились?

— Пять лет назад.

— Исповедовались, причащались?

— Нет.

— А что же, священник, который Вас крестил, не беседовал с Вами, не говорил, что нужно исповедоваться и причащаться?

— Нет, он поставил нас пять человек и стал крестить…

После исповеди и причастия этот мужчина (звали его Степан) стал ходить в церковь почти каждый день, а потом исчез: кажется, куда-то уехал.

***

Ещё раз понял, как важно слово священника перед крещением, исповедью, венчанием. У человека тогда на все глаза открываются: если он прежде не молился, то здесь молится, если никогда не крестился, то крестится. После слов священника лица у людей меняются, в них появляется больше света, доброты, искренности.

После слов пастыря молитва идет по-другому, она становится более осмысленной, живой, действенной. Новому человеку в храме трудно вникнуть в слова молитвы, а *слово священника помогает,* задает определенный настрой. *Помоги Господи в этом каждому священнику.*

***

Подходит ко мне человек на исповедь и говорит: «Батюшка, мне другой священник сказал, что я ничего не исполняю, что положено христианину: не молюсь, как должно, не пощусь и что живу я не по-христиански, и поэтому отказал мне в причастии». Стоит передо мной человек и плачет навзрыд. Я ему говорю: «Успокойся, приходи ко мне в субботу, и если со мной ничего не случится (иногда я очень плохо себя чувствую), то я тебя поисповедую и причащу», — и крепко пожал ему руку. *Не праведников Господь пришел спасти, а грешников…* Всё очень просто: грешный батюшка не оттолкнул другого грешника. Господь безгрешный, и то никого не отталкивает. У каждого батюшки свой подход, и каждый подход верный. А почему так, подумайте сами…

***

Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники желтую грусть…

Читаешь и думаешь: а на Руси ли это? Без Бога, без креста, без молитвы… А что остается делать, если в душе нет Бога, а на груди — спасающего тебя Креста? Внешне порой всё у людей выглядит достойно: прилично одеты, звания, заработки, машины, дачи, жена и дети, а внутри без Бога всё плачет, все нутро кричит от боли — напиться бы! — и напиваются… на душе, на сердце тогда ложится есенинская *желтая грусть*, подобная пожухшим листьям. И *кто же сердце порадует, кто его успокоит, мой друг?*

Друг — это Господь, повернись к Нему лицом, Он успокоит тебя, и не будешь рваться и метаться, не будешь пить, скандалить, драться, а возьмешь да споёшь: «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя». Чудо может Господь сотворить с человеком, только вспомни Его, обратись к Нему, воззови, и вопль твой будет услышан!

***

Ну кто из нас не падал…
(Письмо к женщине)

Падение приходит незаметно… Ты просто не замечаешь, когда оно начинается. Все кажется таким обычным, что даже трудно догадаться, что ты падаешь, что под тобой — бездна. Наверное, это происходит оттого, что на какое-то время от тебя ушли молитвы и отошел Господь, а навалилось нечто, чего без молитвы и без Господа не преодолеешь: соблазн, искушение, грех завладели всем твоим существом, — и ты уже не чувствуешь и не видишь Бога. Ты остался один на один со своим грехом, он тебя свалил на землю, а кто-то стоит, как над поверженным боксером, и отсчитывает: один, два, три…. В таком положение важно суметь подняться, не дожидаясь счета «девять» и, услышав команду «бокс», снова драться, драться, яростно защищаться и не поддаваться одолевающему тебя греху. Вести такую борьбу можно только молитвой, обращением к спасительному и сладчайшему имени Спасителя….. А кто из нас не падал…. *Их мало с опытной душой, кто крепким …. оставался*. Им мы теперь молимся, обращаем к ним свои взоры, просим защиты: у преподобных, мучеников, святых.

Трудно выстоять, но не трудней, чем падать. Это только кажется, что катиться вниз легко… Падая, ты затрачиваешь огромный труд, чтобы идти против воли Божьей, противостоять своему Творцу. К чему такие колоссальные усилия, не лучше ли потрудиться до кровавого пота и не поддаться греху, найти в себе силы и из противника Бога, превратится в Его помощника. Как легко станет тогда на сердце и на душе, и западут в тебя Его слова: «Иго Моё благо, и бремя Моё легко есть»…. Господь пошлет эту легкость, легкость ангелов, парящих над землей….. Падал, падал, разрывалась и терзалась душа, предавал и Бога и людей…. Нестерпимо больно за свои падения… и стыдно, как было стыдно нашим прародителям в раю…. Нечем прикрыть свою наготу, нет даже тех листьев, которые были в раю. Пока только выросли маленькие листочки покаяния, которые чуть-чуть прикрывают тебя, но, может быть, благодаря твоей молитве, вырастут и листья. Вот и трудись для этого непрестанной молитвой, призывая на помощь Бога, плачь и кайся, кайся и плачь… *Симоне Ионин, любишь ли ты Мя… — Да, люблю, Господи, Ты знаешь, как я люблю Тя….*

Дай, Господи, силы любить Тебя и следовать за Тобой… и прости мне мои отречения!

ПРИЧАСТИЕ

***

Вспоминаю, с какими трудностями приходилось сталкиваться в шестидесятые годы, чтобы причастить человека в больнице. Однажды мой хороший знакомый Павел Федорович Маринин, с которым мы когда-то вместе работали алтарниками в Николо-Хамовническом храме, оказался в больнице в тяжелом состоянии. Было ясно, что администрация больницы не даст официального разрешения на причастие, а потому я просто поехал в больницу, вошел в вестибюль, пригляделся и вижу, что студенты мединститута раздеваются в гардеробной и надевают белые халаты, которые тут же висят на вешалках… План созрел быстро. Я тогда был молодой и вполне мог сойти за студента-медика. Подхожу к вешалке, снимаю халат, надеваю и бегу на третий этаж. Под пиджаком костюма у меня подвернут подрясник, на груди — маленькая, почти незаметная дароносица со Святыми Дарами.

Нахожу нужный номер палаты, вхожу… Павел Федорович, по всему видно, очень плох, но меня увидел, узнал и очень обрадовался. В палате есть ещё один больной, но он может ходить, и я прошу его на время выйти из комнаты. Только я разложил дароносицу на тумбочке у кровати и приготовил все для причастия, как с шумом открывается дверь, и на пороге появляется мужчина в белом халате, а с ним ещё человек пять врачей . «Как вы сюда прошли?! Уходите немедленно, не то мы вызовем милицию!» (Были неприемные часы, и посетителей в палаты не пускали).

Я быстро говорю Павлу Федоровичу: «Кайся» и накрываю его голову епитрахилью. В это время я оглядываюсь и вижу, что вся эта возмущенная компания медленно надвигается на меня. Мне стало страшно: ведь на тумбочке лежат Святые Дары…, я должен их защитить, и мои руки невольно поднимаются вверх, чтобы отстранить надвигающуюся опасность.

«Не подходить! — очень твердо, с отчаянной решимостью, говорю я, — пока я все не сделаю, я отсюда не уйду!!»

Причащаю Павла Федоровича, собираю дароносицу, подбираю полы подрясника под пиджак и иду прямо на них…, палата маленькая, и они расступаются…

Вера и смелость, если они вместе, города берут, а уж эту кучку медицинских работников в белоснежных халатах, но с черными и немилосердными душами, — и подавно. *Если Бог с нами, то кто же на ны!*

***

1995 г.

Крестилась молодая еврейка. Знает молитвы, много читала религиозной литературы, крещение принимала с глубокой верой. Я долго с ней беседовал: хорошо подготовлена. Сказал, чтобы завтра пришла причастилась. Пришла, стояла всю службу, подошла к Чаше, на лице улыбка, радость… «Что ты у Чаши смеёшься?» — это грубый окрик нашего протодьякона. Растерялась, улыбка исчезла, в глазах слезы… Во время молебна увидел её, стоит, плачет… Подошел, сказал: «Успокойтесь, надо привыкать, у нас так бывает…» — «Отец Вячеслав, к этому трудно привыкнуть, трудно привыкнуть к хамству», — ответила она. Больше я её не видел…

***

Я иду причащать на дому на 9-й Парковой улице. Поднимаюсь на этаж, звоню, дверь открывает молодой человек без одной ноги, на костылях.

— Здравствуйте, можно пройти?

— Проходите. Захожу.

— На столике можно расположиться ?

— Да.

Раскладываю плат, открываю дароносицу, достаю маленькую Чашу, лжицу… Спрашиваю:

— Вы причащаетесь?

— Что?

— А у Вас какая-нибудь бабушка здесь жила?

— Да, но она уже месяца три как уехала в деревню.

— Слушайте, а зачем Вы меня пропустили в комнату?

— Да Вы так смело заходите…

Все собираю и ухожу. Меня смутило, что он без ноги и на костылях, я и подумал, что он сам причащается. Нехорошая в Измайлове была практика: оставляли записки с адресами, а сами уходили. Вот и приключилась такая история. Плохо и то, что никто не пришел и не извинился за свой ложный вызов. Ведь Причастие — это великое святое таинство, и относиться к нему нужно очень серьезно.

***

Однажды служил я в Измайлове в Великую среду как помогающий священник и обнаружил в алтаре, в Типиконе, тринадцать адресов (их туда просто вкладывали): десять причащений на дому и три соборования. В этот день приехал в храм к 6 часам утра: стоит женщина (единственная, которая пришла сама, а не просто оставила адрес).

— Батюшка, у меня причащение больной на Соколиной горе. Поедемте, я Вам буду помогать. Собирайтесь, сейчас пойду за такси, а то один Вы просто замотаетесь.

Подвела такси и, где я только ни причащал, они с таксистом меня ждали, а потом мы ехали дальше. Там, где я соборовал, она отпускала такси, а к концу соборования ловила новую машину…. и так на протяжении многих часов. Последним был её адрес на Соколиной горе… На такси она отвезла меня обратно в храм.

— Теперь, — говорю я ей, — мне надо с Вами рассчитаться, ведь Вы везде платили, а я только садился и выходил, да делал своё дело. Сколько Вы истратили?

— Батюшка, я Вас очень прошу, никаких мне денег не надо. Все было так хорошо, везде Вы успели, всё сделали, я только Богу благодарна за то, что Вам помогала. Слава Богу за всё!

А сама улыбается. Зовут эту женщину Клавдия. Однажды я её увидел в храме вмч. Феодора Стратилата, она подходила ко мне под елеопомазание. Я, наверное, никому так не улыбался. Как её увидел, вспомнил тот трудный день и ещё раз от всей души поблагодарил её… Вот так, и, не работая в храме, можно делать дело Господне! На таких простых и незаметных женщинах, на таких клавдиях, и держится наша Церковь.

ВЕНЧАНИЕ

***

Когда наш владыка Нифон венчает — это всегда праздник. Сегодня на венчании иностранной пары было человек семьдесят гостей, мужчины во фраках и с бабочками, подтянутые и стройные, женщины в длинных ниспадающих платьях, ничего лишнего, все строго, как будто из другого времени. У всех милые улыбки и радость в глазах. Невеста с женихом улыбнулись мне, поклонились; я надеваю обручальные кольца, из Царских врат выходит сияющий своей мантией, митрой и омофором Владыка. Все красно-голубое, все молитвы произносятся по-английски, Владыка берет в каждую руку по венцу и вздымает над головами молодых, высоко вверху руки с венцами перекрещивает и возлагает на их головы, затем снимает и отдает шаферу. Вначале по-арабски, а потом два раза по-русски велиим гласом произносит: «Господи, славою и честью венчай я (*т. е. их*)» Я соединяю их руки, возлагаю сверху епитрахиль и веду вокруг аналоя «Святии мученицы добре подвизавшиеся», трижды обходим аналой, многолетие, речь Владыки. Все как в радостной и светлой сказке. Умеет Владыка создать радость и молитву, а это в венчании самое главное.

***

Сегодня венчал молодых — Андрея и Ирину. Стал их поздравлять и вспомнил, что в деревнях раньше спрашивали о том, жалеет ли муж жену? Старые, умудренные опытом люди считали жалость самым важным чувством в семейной жизни. Об этом я молодым сказал. Посмотрел я на жениха и понял, что Андрюша принял мои слова. Слава Богу, значит через мою молитву Господь коснулся его сердца, и эти слова запали в его душу.

Любовь в семье не то, что может уйти, но она как-то за бытом растворяется, становится не очень заметной, тем более для постороннего взгляда, а вот жалость друг к другу… Если её не будет, то можно сказать — семьи нет. Нельзя будет заболеть, нельзя будет заплакать, нельзя будет рассказать что-то сокровенное, душевное, сердечное — не поймет рядом стоящий, не пожалеет, и так будет холодно на душе, как будто ты в пустыне…. У меня жалость к Тамаре появилась, как только я её увидел, и это чувство мне помогло перенести её болезни, муки, всю её с ног до головы я жалел, и жалости моей не было предела. Она это чувствовала и тянулась ко мне в своей немощи, обнимала меня, в глаза заглядывала, и видела, что я не обманываю её, и от этого ей становилось легче… «Славочка, Славочка, ты со мной…» — и я думал — это не я с тобой, а Господь, Он меня посетил и наградил этой жалостью. Все в жизни было — на то она и жизнь, а вот сознание того, что я её жалел, успокаивает меня сейчас и не дает впасть в уныние и отчаяние. Сейчас эта жалость влечет меня на её могилу: Тамара, милая, я около тебя, лежи спокойно, не волнуйся. Даже тяжело больной иду, ползу, лежу около нее на лавочке, держусь за могильную ограду двумя руками, чтобы не свалиться. Жалость до гробовой доски…. Сильнее смерти эта жалость. Вот чем наградил меня Господь, и сам не знаю за что, тоже, наверное, из жалости ко мне. Так давайте жалеть своих любимых, и тогда разлуки для нас никогда не будет…

Жалости молодым Андрею и Ирине друг к другу, и любви…

***

В браке соединяются души, сердца, улыбки, взгляды…. Иногда супруги даже становятся похожими друг на друга. Я верю и верую, что Господь Сам соединяет пары, как Он соединил самых первых людей на земле. Разлук между супругами не должно быть ни в этой жизни, ни в будущей. Не оставляйте друг друга, иначе заплачет ваша душа, и дети оставленные будут сниться вам по ночам. Часто передо мной на исповеди стоит ребенок, у которого нет папы…. При этом папа жив, но живет где-то в другом месте или с другой семьей. Боль такого ребенка пронзает меня с ног до головы: никто не осушит его слезы….

Венчанный ли брак или невенчанный — все равно «браки совершаются на небесах» и отвечать придется перед Тем, Кто их совершает. Нет иного пути, как только быть вместе до смерти, красивей и лучше не найдешь, чем та, что тебе дал Сам Бог…. Он для тебя выбрал, а ты все кого-то ищешь и ищешь. Не ищи, а то все потеряешь, и Богом данную жену и саму жизнь, и будешь терзаться не только здесь, но и в вечной жизни…

Что Бог соединил, человек да не разлучит!

ПРАЗДНИКИ

***

Праздник Казанской Божьей Матери

Обычно в этот день мы с мамой выходили из дома, шли лесом, перебирались через ручей, — и перед нами открывалось Узкое собором Казанской Божьей Матери, который тогда был закрыт. Мы подходили к церкви, молились, делали три земных поклона, а Казанская сверху смотрела на нас и радовалась. Тогда казалось, что храм был закрыт навечно, но вечное бывает только у Бога, а у тех, кто закрывал храм, вечность закончилась раньше, чем они предполагали. Божья Матерь радовалась нашему приходу и нашим молитвам, но было грустно и печально, потому что никого около храма больше не было, а в самом храме был книжный склад. Однажды я поставил внизу, у дверей храма открытку, на которой был изображен букет ярких цветов. Я её принес с таким чувством, будто это был букет живых цветов для Божьей Матери. Так и получилось: вверху Богоматерь, а внизу чудные цветы. Ласково принимала нас Божья Матерь в Узком, а мама часто Ей молилась и клала поклоны в сторону храма из своей комнаты. Когда все ложились спасть, я на кухне, в темноте, молился Казанской Божьей Матери, и мне казалось, что она была прямо передо мной, будто ни леса не было между нами, ни расстояния…. Сразу становилось теплее на кухне, светлее…. Однажды произошло чудо и открыли храм, — мы с мамой пришли туда и услышали, как поют, служат, увидели батюшку, народ, горящие свечи. Хор из девочек и мальчиков…. Спасла Божья Матерь Свой храм, отстояла его, и теперь всем улыбается, ласково глядя на людей сверху. А в храме люди славят Её. Да и как же Её не славить, раз послала Она нам все во благо. Я очень хорошо чувствую, как Она меня не оставляет, всегда и во всем мне помогает: посылает мне молитву, радости и печали… От Нее все надо принимать, тогда и печали радостями оборачиваются.

Радуйся, Радосте наша, радуйся Заступница наша, радуйся наша Споручнице, радуйся любящая нас и никогда Своей помощью нас не оставляющая.

***

25 октября. День Иерусалимской Божьей Матери

Занятие в Воскресной школе было веселым, уютным и оживленным, как никогда. Я говорил больше всех, наверное, оттого, что старше всех в школе. А все сидели и слушали: маленькие, подростки и взрослые вместе… Интересно, есть ли ещё где-нибудь такие школы, где все сидят вместе и смотрят понимающими глазами на батюшку. В Воскресной школе происходит что-то замечательное, достигается некое единство… Наверное, потому, что «где собраны двое или трое во имя Мое, там Я посреди их». В Воскресной школе и мудрствовать не надо: там легко, светло и радостно сидеть и смотреть друг на друга, слушая те слова, которые говорят нам о Боге, о Его мире, о нас… Сколько в этом радости, счастья, духовного восторга…

***

1 августа, День Преподобного Серафима Саровского

Золотистые зеленые облачения в этот день напоминают лес, солнце, речку, «камешек», на котором стоял старец. Преподобного Серафима ни с кем не спутаешь, он запечатлен в наших сердцах стоящим на камне с воздетыми к Богу руками. Дал нам его Господь, послал молитвенника за Русь и за нас — и мы держимся его стоянием и предстоянием… Его подвиг переплетается с подвигом Царственных Мучеников. От старца к Царю Николаю и Царице пришла весточка, и открылось нечто страшное Царю и Царице о судьбе России и их собственной судьбе. Мы не знаем точно, о чем писал старец, можем только догадываться, но знаем, что покорно, со смирением, принял Царь, что определено было ему самим Богом, и мученически закончил свой земной путь вместе с семьей и ближними своими. Но успел Царь открыть и прославить великого старца, великого духом и подвигом своим, успел нам дать молитвенника и сам ему молился. Икона Преподобного была найдена в Ипатьевском доме после той страшной для всей России расстрельной ночи. Пламенный Преподобный Серафим стоит на камешке Неопалимой Русской Купиной, никогда не погаснет пламя его веры и других он подвигнет к молитвенному подвигу.

***

Прощай, лазурь Преображенская
И золото второго Спаса

Каждый раз на Преображение я кладу на могилки своих родных по яблочку, будто приношу и передаю яблоки из рук в руки, передавая им своё тепло и тепло храма, и ту молитву, которая читалась на освящении плодов, и сердце своё, и свою любовь. И вспоминается тогда стихотворение Пастернака — кладбищенское, но в то же время светлое и радостное, Преображенское:

Вы шли толпою врозь и парами,
Вдруг кто-то вспомнил, что сегодня
Шестое августа по старому,
Преображение Господне.
Обыкновенно свет без пламени
Исходит в этот день с Фавора
И осень ясная, как знаменье,
К себе приковывает взоры…

Осенние плоды: яблоки, рябина, груши, виноград, слива… Осень нашей жизни: какие плоды мы принесем, и сколько яблок нам ещё осталось съесть: одно, два, три… Кто сможет «смягчить горечь рокового часа»? — Молитвы близких, тех, кто будет рядом, на кого мы надеемся. Дай Бог, чтобы не обманули, не подвели….

Как обещало, не обманывая,
Проснулось солнце утром рано,
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана

С Праздником Преображения и ушедших и живущих.

***

День Апостолов Петра и Павла

Какие мощные были люди, с такими же слабостями, как у всех нас, с болезнями и немощами, а как любили Господа. Всё слабое, немощное куда-то уходило, а оставалась любовь, которая преодолевала всё: и неприязнь, и гонение, и тюрьму, и побои и даже саму смерть. «Симон Ионин, любишь ли Меня?» — от этих слов всегда хочется плакать. Люблю, Господи, только слабый я и понести за тебя ничего не могу, а любить, очень люблю, как же без любви к Тебе жить можно, когда Ты Сам — Любовь. «Ты Сын Бога Живого», — вот слова Петра, которые мы произносим перед Святой Чашей. Апостол Петр навечно нам оставил своё *исповедание*.

А Апостол Павел, Савл, переживший по дороге в Дамаск ослепление и прозрение, всю оставшуюся жизнь был верен Богу до смерти крестной, и ничто его не смогло «разлучить от любви Божией»: ни тягота, ни теснота, ни узы, ни побивание камнями.

Какой силой духа обладали эти люди, первыми пошедшие за Христом, все оставили, и родных и близких, а приобрели весь мир. Весь мир стал Христов, а для кого ещё не стал, у того все впереди, и призыв Спасителя «иди за Мной», и предостережение «что ты гонишь Меня», только это надо услышать, и тогда слова эти приведут к Тому, без Кого нет ни жизни, ни движения, и без Которого мы все, живущие на земле, «ничего не можем»!

***

Мысли накануне 7 ноября

Мама очень любила песню «Жило двенадцать разбойников». Это песня про наши грехи, ведь если мы грешим, то мы и есть разбойники. А в 1917 году многие превратились в разбойников, пострашней того Кудеяра: разбойник из песни «много пролил крови честных христиан», а сколько её было пролито советскими разбойниками за годы советской власти. Морили нас сотнями, тысячами, миллионами, куда там Кудеяру со товарищи. А теперь многие с умилением вспоминают те годы разбоя: жили-то, как у Ленина и Сталина за пазухой, тепло, светло и мухи не кусают. Хочется им вновь подняться на пирамиду мавзолея, стоять наверху, улыбаться, махать руками, приветствуя улыбки проходящих мимо колонн… Мечтают вернуть те семьдесят лет, как потерянный рай…

Может, все-таки, следует нам задуматься всерьез о том, какой рай мы действительно потеряли, и о чём стоит слезы проливать, чтобы дети наших детей не строили больше на земле «рай» вместе с разбойниками, а искали бы Рая Небесного.

***

День Ангела

Еду в маршрутке накануне дня моего Ангела и молюсь… Вдруг, словно звенящая стрела, пронзают меня слова молитвы: «С*подоби доброе положити начало и совершити служение* ***сие ужасное и приими от мене жертву сию о всех живых и умерших требующих Твоея милости».*** Раз прочитал, два прочитал и весь затрепетал… Еду и ни о чем другом думать не могу… Кто я, чтобы стоять между престолом, на котором Сам Господь, и народом… Ужас меня объял… Кто я, чтобы приносить *эту жертву за всех* живых и умерших*.* «Выйди от меня, Господи, ибо я человек грешный». Понял Пётр, Кто с

ним в лодке, и ужаснулся… Понял и я, с кем я в лодке… и ужас меня объял. Я же не ангел, а обыкновенный смертный человек… а совершаю то, что ни ангелы, ни херувимы совершать не могут, за что Господь наградил меня таким служением? Ведь никакой заслуги моей в этом нет. Почему Он меня выбрал? Я стою перед Ним и трепещу и должен так стоять до последнего издыхания… и приносить эту жертву о *всех* живых и умерших, то есть ушедших с самого сотворения мира… и всех живущих… Да какую же власть и какое дерзновение дал Господь мне, простому смертному.

Не было у меня ещё такого дня Ангела, чтобы столько приоткрылось мне о моём священстве… и то, что я выразил этими скучными словами, ни в коей мере не выражает того, что я чувствую… Тот ужас, который объял меня, когда я понял, Кто «со мной в лодке», и только слова Петровы могут как-то объяснить мое состояние. Других слов у меня нет… *Выйди от меня, Господи, ибо я человек грешный.*

Петр затем плакал и рыдал, когда Господь *вышел от него,* потому что Петр предал Его, как и мы предаем… и от нас выходит Господь, а без Него мы не можем… Так и плаваем всю жизнь, и Господь нас не гонит, а дает власть «вязать и решать».

Сколько надежды, сколько глаз смотрят на тебя и ждут твоей молитвы за всех ушедших и живущих… Стой и служи, потому что сила Божия в немощах совершается, а здесь уж такая немощь…. Но в этой-то немощи, может быть, и вся сила. Поэтому стою и служу… и не испепеляет меня Господь ради тех, кто пришел помолиться, и верю, — раз не покинул Господь Петра, то не покинет и меня и даст силы для служения.

Помолитесь в этот день за меня, предстоящего у Святого Престола, простите мне мои грехи… В той лодке, где Кормчий — Сам Господь, всем места хватит… И как бы мы ни просили: «*Выйди от меня, я человек грешный*», — Господь никогда не оставит лодку и тех, кто в ней, потому что любит!

***

Памяти святого благоверного князя Вячеслава Чешского

Какими словами выразить те чувства, который испытывает каждый из нас в день Ангела своего святого?! Здесь и благоговейное почитание памяти святого, и горячая к нему молитва, и умиление от чтения его Жития, и духовный восторг от всей службы Божией, совершаемой в этот день. Душу переполняет радость от того, что у тебя есть Ангел Хранитель, данный тебе Богом, радость от духовного общения со своим святым, от благоговейной молитвы к нему, укрепляющей немощь духа, радость от соединения с Господом. Каждый старается в этот день стать причастником Тела и Крови Христовых, чтобы соделаться причастником Вечной Жизни.

Имя святого, которое ты носишь, особенно близко тебе, ты часто призываешь его в молитвах. Начиная со времен Ярослава Мудрого, который дал имя Вячеслав одному из своих сыновей, русские люди стали давать это имя своим детям. Благоверный князь Вячеслав очень любил духовенство, заботился о священниках, о храмах, сам пек просфоры, сам отжимал вино и с восходом солнца спешил на службу…

Кротостью и смирением, несмотря на высокое происхождение, была отмечена жизнь благоверного князя Чешского Вячеслава: «он не только знал книги, но и исполнял заповеди, всем убогим делал доброе, бедных кормил и одевал, по евангельскому учению больных рабов питал, вдов не давал обидеть, всех людей, убогих и богатых, миловал, все храмы украсил золотом, веровал в Бога всем сердцем, делал все благое в своей жизни».

Благоверный князь претерпел мученическую кончину: он был зарублен, когда шел к заутрене, на пороге церковном, по заговору своего брата Болеслава. Три дня и три ночи кровь его не уходила в землю на месте мученической кончины. Она, как и кровь Авеля, вопияла к Богу об отмщении.

Я всегда старался узнать как можно больше о своем святом покровителе, собирал книги и отрывочные сведения о нем, где только мог, а иконы благоверного князя Вячеслава обычно сами приходили в мой дом… На одной из икон князь Вячеслав изображен с виноградной кистью в руке. Ночью, тайно, он со слугой наполнял корзины виноградом своего виноградника и сам отжимал из него вино для службы Божией. Благоверный князь Вячеслав принял мученическую кончину очень молодым (по некоторым сведениям ему не было и 20 лет), но интересно, что на некоторых иконах он изображен маститым старцем, как бы умащенным благочестивой мудростью несмотря на свой юный возраст.

Ныне весело ликует Прага, твой славный город, почитая твою память и светло озаряясь твоими чудесами. Благоверный княже Вячеславе, моли Бога о нас!

***

Лазарева суббота

Лазарь воскрес! Эти слова как бы предваряют пасхальное приветствие «Христос Воскресе!» Воскресение Лазаря какое-то действительно лазоревое, напоминающее драгоценный камень лазурит, и слёзы Спасителя бирюсинками катятся по щекам… Господь нам пример показал, как мы должны плакать о наших «четвородневных», а потому и нам должно в этот день пойти на могилки к нашим близким и друзьям, как Господь пришёл на могилу к другу Своему Лазарю, и поплакать о них благодатными слезами. Мы говорим «Господь терпел и нам велел», а ведь можно сказать и так: «Господь плакал и нам велел плакать о своих близких», принести им самое драгоценное, что у нас есть — слезы, а остальное Господь донесет в День Страшного Суда, когда скажет всем усопшим: «Лазарь, гряди вон!»

***

1998 год. 12 апреля. Вход Господень в Иерусалим

Завтра мой день рождения, 60 лет. Почему-то никогда не думал, что доживу до этих лет, просто невероятно, какая-то огромная цифра, не пойму, мне ли шестьдесят или кому-то другому? И сегодня только в воскресной школе понял — мне. Когда была ещё жива мама, она мне говорила: сынок, смотри, скоро тебе будет шестьдесят. И вот это время настало. Дома меня некому поздравлять: нет ни мамы, ни Тамары. А в воскресную школу не успел войти, как многолетие мне такому-сякому пропели, чудесный деревянный иконостас подарили, иконы: Божьей Матери «Нерушимая стена» с воздетыми руками и преподобного Серафима Саровского, благословляющего всех нас и нашу школу, и меня грешного, лампадочку какую-то особую, чудесную, маленькую-маленькую керосиновую лампочку, напоминающую о войне, благоухающие цветы. А самые красивые — это те, кто дарил: ребятишки и их мамы. Наверное, когда будет очень плохо, вспомню этот день, и потеплеет на сердце, и если будет что-то тяжелое, то отойдет, уж очень хорошо сегодня было.

И я кое-что вспомнил из своей жизни: и папу, уходящего на войну, и бабушку и маму, его провожающих, и себя маленького, ведь что-то я запомнил из того времени,

что-то отложилось в моей тогда ещё маленькой головенке. Ребятки сидели, слушали, спасибо им за это. Вот так проходит всякая человеческая жизнь, и только если в ней присутствует Господь, Божья Матерь, святые угодники, то можно сказать, что она прожита не зря, потому что они помогают жить и строить жизнь. С Господом тепло и благодатно, и того, кто тебе Господа в сердце вложил, всю жизнь благодарить надо и молиться о нем. Спасибо ребятишкам, мамам и семьям за поздравления, теперь бы только помог Господь провести страстную седмицу и всем нам в радости встретить Светлое Христово Воскресение. Как чудесно, что существует воскресная школа и такие чудесные ребята, будущее нашей Православной Руси, её опора и поддержка.

***

Я подумал, что икона Божией Матери «Нерушимая стена», которую ученики Воскресной школы подарили мне на шестидесятилетие — это как бы итог всех моих обращений к Ней, Пресвятой Богородице. Молился ты Ей, просил защиты за себя и за других, шли эти молитвы к Ней, и стала Она, Божья Матерь, нерушимой стеной за всех тех, о ком я молился. Эта икона теперь у меня дома, и я чувствую себя за ней, как за каменной стеной — тепло, уютно, спокойно.

Названия икон Божьей Матери говорят нам о многом. «Погиб, погиб, — стенает человек, — всё, пропал, нет мне прощения». Такого натворил, что и глаз к небу поднять не смеет. Пришел в храм, не имея никакой надежды на спасение, а перед ним — Она, Божья Матерь «*Взыскание погибших*», которая его и найдёт, взыскует с самого дна, откуда, казалось, и нет возврата, вселит надежду в отчаявшееся сердце, поднимет человека из бездны греха.

Если ожесточилось твоё сердце, плохо тебе со всеми, злоба на сердце и никого не хочется видеть, то вспомнишь, что есть икона «*Умягчение злых сердец*» — смягчится твоё сердце и потеплеют сердца твоих близких…

Одолеет человека скорбь, и опять бежит он к Ней — припадает к иконе «Всех скорбящих Радости». *Скорбны будете в мире…* Но у нас есть утешение в скорбях, болезнях, напастях — стоит Она в окружении этих скорбящих, а они все, как малые дети, вокруг неё: и холодные, и голодные, и раздетые, и разутые, и нагие… Если Она — с нами, со скорбящими и несчастными, то в наши сердца начинает проникать надежда и вера на помощь…..

Икона «*Утоли моя печали»* говорит нам о том, что в вечной жизни не будет ни печали, ни воздыханий, а в этой земной жизни Сама Божья Матерь утоляет наши печали, как мы утоляем жажду прохладной ключевой водой в жаркий день.

Наткнулись в жизни на жестокость и бессердечие и со слезами кинулись в храм, а перед нами «*Милостивая»: «*Не бойтесь, я окажу вам милость, я вас пожалею и не дам в обиду». И отходим от Неё с радостью, с верой в то, что пошлет милость и смягчит сердце злых людей.

Отправляемся в путь, и если возьмем с собой образ её «*Одигитрия*», Путеводительница, то радостно будем путешествовать и возвращаться, потому что Она будет с нами.

«Неопалимая Купина» хранит нас от огня внешнего, хранит и от огня, пожирающего наш внутренний мир, который может просто сгореть от грехов, переполняющих нас и чашу терпения Господня. Вот-вот запылаем и сгорим — а рядом Она, Защитница,

говорит нам: и гореть будешь, а не сгоришь, потому что Христос с тобою, твоя Неопалимая Купина.

Другой так согрешил, что не знает, простит ли его Господь, а входит в храм и видит перед собой «*Споручницу грешных*», припадает к Ней и слышит: «Поручусь я за тебя, раб Божий, перед моим Сыном, только смотри не подведи меня. И опять надежда проснулась в сердце грешника, и другим вышел человек из храма.

«Нечаянная радость»… Сколько у нас нечаянных радостей благодаря Божьей Матери, что не перечислишь, просто их нужно уметь видеть. Для того, чтобы их увидеть, надо обратиться к Божьей Матери с молитвой. Не перечислить всех Её даров к нам, грешным, из которых самый главный дар — Её Покров над нами, который всех покрывает Своей Милостью, всех защищает, всем дает отраду и утешение, всех ограждает от зла!

***

«*Друг… ты откуда?»*
«Шел за тобой…»
«Кто ты?» — «Иуда», —
Шамкнул прибой.

Страстная седмица, мне кажется, ни с чем не сравнима. Особенно трогает чтение Евангелия. Чувствуется приближение страданий Господа. Становится тревожно, сердце и душа трепещет, где-то рядом с Господом предающий — не я ли это. Не я ли предаю своего Спасителя, вчера и сегодня, и не живёт ли Иудин грех в каждом из нас, не «лобзанием ли предаеши Сына Человеческого»? Перед нами икона Спасителя нашего, и мы, грешные, целуем Его, целуем Его Пресветлый Лик и Пречистые стопы… А грехов у нас тьма и бездна… Не лобзанием ли предаем Его, нашего Искупителя? Как страшно целовать! В то же время мы не можем жить без того, чтобы ни прикоснуться, ни припасть, ни получить помощь через предательское лобзание; знаем, что, если не припадем, не поцелуем, то и не спасемся. Вот почему с плачем, с рыданием, бия себя в грудь подобно евангельскому мытарю, идём к Нему, нашему Избавителю и Искупителю. Иуды мы, раз грешим и не исправляемся, и распинаем Его своими грехами, и целование наше — это Его милость к нам, Его любовь к Нам. Знаем, что не оттолкнет, помилует, видит нашу немощь, видит нашу скорбь и со Креста сострадает нам, за нас с вами распялся, наши грехи на Нем, и «язвами Его мы исцелехом».

Мы в нашем целовании Его язв ищем помощи, поддержки, силы противостоять греху, а Иуда просто предал и получил деньги: «тогда Иуда злочестивый, сребролюбием недуговав омрачашеся». Целование его и наше все-таки разное. Так прикоснемся к Нему, Спасителю нашему, целованием «не яко иуды» и получим исцеление нашим страждущим душам.

***

Канун Праздника Споручницы грешных
19 марта 1999 г.

Я исповедовал сегодня в храме, когда ко мне подошел в подряснике молодой человек: «Батюшка, я из Никольского монастыря из-под Курска, у нас есть там два иеромонаха, они вас знают, вы когда-то принимали участие в их судьбе. А ещё вам

благословение и поклон от старца Архимандрита с Афона (и назвал имя, которое я не запомнил, потому что был сосредоточен на исповеди), он передал вам эту иконку Божьей Матери». Я его спрашиваю: «Как тебя зовут?». Он отвечает: «Отец Вячеслав». Я ему говорю: «И я — отец Вячеслав». Он удивленно отвечает: «Надо же!» Я на минутку отвернулся, а когда снова обратился к нему, его и след простыл.

Я вошел в алтарь и только тогда опомнился: да как же так, передает мне поклон и иконочку, а сам не знает, как меня зовут. И тут взяла меня какая-то духовная робость. Дело в том, что я всегда молюсь Божьей Матери, а особенно Споручнице грешных, чей праздник будет отмечаться завтра. Утром я прочитал Ей акафист, а когда ехал на службу, то что-то меня давило, как-то неуютно было на сердце… Появление удивительного дьякона Вячеслава вывело меня из этого состояния. Он, словно ангел, с улыбкой передал мне икону «Достойно есть» и с улыбкой же тотчас исчез. Если бы не икона в руках, я бы мог подумать, что все это мне приснилось….

Сегодня же мне подарили фотографию митрополита Антония Блюма. На обороте Владыка написал всего два слова: «о. Вячеславу — М. Антоній». Я видел Владыку только один раз, в чертогах Академии, в Троице-Сергиевой Лавре, окруженного студентами. А недавно мои духовные чада, Наталия и Димитрий, ездили в Англию, и я передал с ними митрополиту Антонию небольшое письмо, где в очень простых словах выразил ему признательность за всё то, что он делает для Церкви, и напомнил ему об одном небольшом эпизоде, который, конечно, он и помнить не мог. Много лет назад моя мама подошла к его машине во дворе Николо-Хамовнического храма и попросила у него благословения. Владыка вышел к ней, а мама удивилась и обрадовалась тому, что он не стал благословлять её через стекло, а вышел из машины для того, чтобы благословить незнакомую старушку. Я написал ему также, что молюсь за него. Наташа рассказывает, что в храме не было фотографии Владыки, и ей единственное фото нашла женщина, которая торговала свечами. Я сижу, смотрю на него: очень добрый и открытый взгляд, и кажется, что улыбается он именно мне и никому другому, во всем его облике есть что-то родное и дорогое… Я бы не удивился, если бы он написал не отцу Вячеславу, а Славе… Какая у него замечательная панагия, простая круглая икона, почти на иерейской цепочке, безо всяких украшений, такие иногда носят миряне, только у них иконы поменьше размером. Наташа привезла также просфоры и свечи из лондонского Русского кафедрального собора, открытки и расписание богослужений. А я-то когда туда соберусь? Всё занят, дела, да дела… Чудесно то, что Владыка сам ко мне в гости пришел, поставлю его фотографию в рамочке на столе, сядем мы и чайку вместе попьем. Всем приходящим ко мне буду о нем рассказывать, потому что я люблю его и молюсь за него, а его «благословение и любовь» будут всегда со мной.

Так Божья Матерь и Владыка Антоний посетили меня под праздник Споручницы грешных и сделали его для меня радостным и чудесным. Видно Владыке тоже захотелось побывать в Москве в праздник Споручницы, вот он и «прилетел» ко мне. *С Праздником Вас, дорогой Владыко!*

С бесконечной к Вам любовью,
грешный батюшка отец Вячеслав

***

Почему мы о скоропреходящем думаем, как о вечном, а о вечном совсем не думаем или думаем очень мало? Как будто вечна наша работа, вечна семья, вечен наш дом,

друзья, вечен наш жизненный путь… Конечно, без серьезного отношения к временной жизни было бы трудно создавать семью, работать. О том, что все это преходяще, напоминает храм, молитва. За всем этим *невечным,* что нас окружает, кроется *вечное*, с которым *невечное* так крепко связано, что порой кажется *вечным.* Раз мы за все свои земные дела должны будем держать ответ, значит и то, как мы живем, как мыслим, имеет непосредственное отношение к вечности и входит в нее. А, значит, живя здесь, нельзя обижать людей, лгать, убивать, ненавидеть, — ведь за этой земной «вечностью» проглядывает вечность вечная.

***

Мысли накануне Нового года

До Нового года осталось три часа… Завтра мне служить: как хорошо и промыслительно начинать Новый год с литургии — за всех можно помолиться новогодней молитвой. У меня нет дома ни елочки, ни Деда Мороза, ни гирлянды, никакого сверкания-блистания, — одна новогодняя молитва, *за всех и за вся.* Ко мне праздник пришел в молитвенной радости, освещенной небесной рождественской звездочкой, она уже в пути, показывает всем, где найти Христа-Богомладенца.

Если все празднуют Новый год и радуются, то и я, пастырь, должен быть со своими овцами, не оставлять их. Завтра буду молиться за всех, и, особенно, в эту ночь новогоднюю, чтобы не грешили, а больше было бы радости, любви и доверия друг к другу, чтобы они смогли увидеть за наряженной елочкой Самого Христа Младенца, лежащего в яслях, и поклонились бы Ему. А елочка превратилась бы в рождественскую, ведь новогодняя ночь приносит много чудесного…

Самая главная радость — в подготовке к Новому году. Прежде надо было найти елочку (это сейчас они на каждом шагу), выстоять в длинной очереди, а то и всю ночь у костра прождать…. С продуктами было плохо: все доставалось с большим трудом, с переплатой или по знакомству. Затем украшали елку игрушками и огнями, пекли пироги. Но наступал Новый год: зажигалась елка, гас свет, включался телевизор, поднимались бокалы и все вставали со счастливыми лицами, поздравляли и целовали друг друга, желали счастья, и звон хрустальных бокалов наполнял комнату. Потом садились и ели…. И вдруг… все становилось каким-то пустым и скучным, было неясно, что делать дальше: петь, плясать, радоваться, а чему? — Ведь Христос ещё не родился, радость от Рождества Христова ещё не пришла в мир. Все свои взоры устремляли в телевизор, вот он нас теперь рассмешит, наполнит радостью, которой у нас нет, — и до трех-четырех утра все «радовались» так, что глаза слипались, хотелось спать, но спать было нельзя, потому что надо было «веселиться», что поделаешь, Новый год…

За предновогодними хлопотами многие христиане забывали прийти накануне в храм на благодарственный новогодний молебен, совсем забывали о посте… А надо бы и в храме помолиться, и стол сделать поскромнее, чтобы не тяжелела душа от избытка пищи, а искрились глаза и радовался бы человек в предчувствии скорого Рождества. Рассказывали бы друг другу новогодние рождественские истории и обошлись бы без телевизора, чей шум и грохот совсем ни к чему в тихую новогоднюю ночь…

Смотрю за окно: у многих зажглись елочки, мигают и подмигивают мне, поздравляют с Новым годам. Десять часов вечера — пора спать. Завтра рано утром мне идти на службу. Днем сегодня я был на могилках, принес еловых веточек и поздравил своих с наступающим Новым годом, как и раньше всегда это делал… Вспомнил рассказ

Достоевского «Мальчик у Христа на елке» и подумал, что если там, в вечной жизни, Христос устраивает елку для детей, то, может, Он и взрослых не забывает, и для них елочку на Рождество готовит… Кто знает… Уйдем ко Господу и, может быть, увидим такую елку, какую мы никогда в этой жизни не видели: сияющую в вышине райскими огнями, а под ней все жители земли хороводы водят и поют: «Христос рождается, славите…»

Господи, не остави меня без этой рождественской елки, не оставлял на земле, не остави и в Твоём Царствии Небесном!

***

Званые на пир

Пиры бывают разные. Обычно, когда нас зовут в гости на пир или мы зовем гостей, то отказать бывает очень трудно. Идем, чтобы не обидеть родню, знакомых, сослуживцев. Чтение Евангелия о Званых на пир приурочено к Новому году. К празднованию Нового года люди привыкли, привыкли собирать застолья и собираться вместе. Праздник довольно безобидный, только в него надо привнести что-то христианское так, чтобы в нем присутствовал Иисус Христос, ожидаемый в течение всего Рождественского поста. Тогда теплее станет в наших домах и сердцах. Отказаться же от него мы пока не сумеем, люди привыкли… Но давайте не отказываться от того брачного пира, на который зовет нас всех родившийся Христос. Рождество близко, и ни это ли брачный пир Им уготованный для нас. Где Христос, там ведь всегда пир и торжество: стол Мой ломится от яств, не отказывайтесь от Моего пира. Есть ещё у вас время подумать, все взвесить и в путь дорогу собраться. Надевайте все самое лучшее, пусть радостью наполнятся ваши сердца оттого, что зовет вас Хозяин вселенной, а то ведь Он может обидеться и перестанет звать, тогда в удел вам останутся только пиры земные.

***

Позвал нас всех Господь на Свой брачный пир… а с чем мы пришли? С чем и в чем мы приходим на пиры земные… с утра бежим за цветами, стараемся получше одеться, причешемся, украшения на себя нацепим, подарки захватим, постараемся не опоздать, иногда месяцами будем об этом мечтать, мол, когда же этот торжественный для нас момент.

А сегодня… Сам Господь — виновник нашего торжества! Как мы одеты? Да во что попало. Кто в чем был, в том и пришел: на ком грязный комбинезон, на ком засаленная телогрейка, на ком грязные сапожища, на которых по пуду грязи, непричесанные, немытые и небритые, даже зубы не почистили. А в руках у нас какие подарки, какие цветы? Или ничего нет, или есть то, что и подарками назвать нельзя, просто схватили, что под руку попалось и пошли. Пришли и сели… расселись и ждем, мол, радуйся, Господи… Хоть пришли, а то могли бы и не прийти… Сидим и ждем, вот, мол, сейчас пир начнется, угощение подадут, а угощения-то, все нет и нет… И вот входит Господь, посмотрел на нас и печально, больно Ему стало за нас и стыдно. Звал, мол, звал, предупреждал, времени дал достаточно, чтобы подготовились, а они… Нельзя же у Царя Царей в таком виде сидеть. К знакомым-то шли — готовились, а ко Мне — нет… Позвал слуг, да и выгнал всех вон, во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов… И велел слугам позвать бродяг, нищих, калек, не пропадать же столу с яствами. И вот эти убогие

и загнанные люди, услышав, что их приглашает Сам Царь, хоть как, но привели себя в порядок, одели хоть недорогое, а все чистое и какие-никакие подарки с собой захватили, и наполнился пир возлежащими, и радостно стало Господу-Царю, что хоть в них не обманулся. А нам всем дал ещё срок для подготовки, сжалился над нами: ещё, мол, потерплю и не произнесу над ними Своего последнего Суда. Теперь нам время терять нельзя, а надо готовиться и думать, и мечтать только об этом, а то если ещё раз нас выгонят, тогда уже всё — навсегда и навечно кромешная тьма, где нет ни пира, ни Господа! Пронеси, Господи, это мимо нас и помилуй!

***

Прощеное Воскресенье

В Прощеное Воскресенье у всего народа надо просить прощенье. Встать бы на площади, поцеловать землю, поклониться на все четыре стороны и сказать: «Простите, перед всеми виноват, не только перед людьми, но и перед кошками и собаками, перед всякой тварью, перед каждой былиночкой и травиночкой, каждым камушком и цветочком. Простите и помолитесь за меня, страшно я жил, страшно грешил, страшно, что не каялся и не прощал, никчемный я человек…» Может, и отзовется земля, может, и откликнутся на твой покаянный вопль люди. Коснулось ли тебя Прощеное Воскресенье? Понял ли ты, что такое просить прощения у всех и вся и прощать всех? Головы от земли не поднимай, ведь ты такой грешник, каких не было от сотворения мира, а потому не ищи в другом человека грешнее тебя… Стой так до Второго Пришествия, может, и простит тебя Господь по Своей милости.

ПАМЯТЬ ИХ В РОД И РОД…

****

Мы все уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Прекрасно сказал Есенин. А какие у нас пожитки? Только добрые дела, ничего больше мы с собой не возьмем. Уходят мои товарищи по Семинарии: отец Прокопий Харитошкин, отец Стефан Ткач, отец Александр Мещеряков. Недавно ушел отец Владимир Рожков, с которым мы вместе учились, дружили. Я храню о нем очень хорошие воспоминания. Все, с кем я учился, потихонечку приближаются к той черте, за которой — вечная жизнь. Что нас там ждет, пастырей Церкви? Как примет нас Господь, облеченных властью прощать и разрешать? Простит ли и разрешит нас? Выделил Он нас в этой жизни земной, выделит ли там? А вдруг все наши пасомые в райских кущах будут обитать, а мы — в котлах кипящих! Вдруг нас ждет такая печальная участь? Страшно впасть в руки Бога Живаго! Только на милость Божию можно надеяться и молиться. ***Милость Божия да пребывай с ушедшими!***

Милые березовые чащи!
Ты земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

***

Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.
Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Придет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Журавли, должно быть, не жалеют, что они летят к Господу, Который их сотворил. У них нет грехов. А мы на земле жалеем — жалеем ушедших, а особенно своих близких. Дороги они нам, вся наша земная жизнь связана с ними. И если здесь, на земле, расставание с ними причиняет нам такую боль, что же тогда говорить о возможной разлуке в жизни вечной? Как же нам надо здесь жить и молиться, чтобы там быть вместе? А мы себя к этому не готовим. Что если Господь пошлет нам там встречу с нашими любимыми, а потом сразу же разведет врозь? «Ты иди сюда, а ты иди туда!» И кинем мы последний взгляд на милые лица, и зарыдаем: «Господи, что хочешь с нами

делай, только не разлучай!» Может, за этот крик души, за нашу любовь и помилует Он нас, так как больше не за что.

И если время, ветром разметая,
Сгребет всех нас в один ненужный ком…
Мы скажем так… что роща золотая
Отговорила милым языком.

***

Мне меньше полувека — сорок с лишним,
Я жив тобой и Господом храним,
Мне есть, что спеть, представ перед Всевышним,
Мне есть, чем оправдаться перед ним…

А у меня нет ничего, только слезы. Высоцкий, может, не понимая того, тянулся к Богу. Во всех его песнях боль за нас, боль за страну, боль о том, что у нас все не так, как у людей, все перевернуто. Он это очень остро понимал и чувствовал. Он чувствовал, что и с церковью не все в порядке: «Нет и в Церкви все не так…» Певец, он себя и в вечной жизни представляет поющим. Я помню, как и священники слушали песни Высоцкого и этим тоже отводили душу. Его песни действовали на всех, они могли пробудить и веру: ведь если здесь все не так, то значит, где-то есть и высшая правда, есть где-то место, где все *так* — Царство Божие; и есть Тот, перед Кем мы все дадим ответ за то, что все у нас здесь *не так.*

Думаю, не я один плачу над стихами и песнями Высоцкого… «*Может, кто-то когда-то поставит свечу*…», — это его обращение к нам, живущим. Давайте поставим свечу за упокой раба Божия Владимира , чтобы ему там было потеплей и посветлей.

***

Дверь в храме… сколько человек входило в нее, а потом … а на чьих-то руках их уносили… в вечность. Дверь приотворена, она не закрывается, ждет других: меня, тебя, всех нас… И «как сплавляют по реке плоты, столетия плывут из темноты»… за дверью — другая дверь, она тоже приоткрыта, там — Царство Небесное, через нее нас пронесут ангелы, если будем достойны… Дверь из одной комнаты в другую, из мира грешного — в мир, сияющий Божьей славой. И хотя бы в щелочку посмотрю: как там нашим близким, хорошо ли, уютно ли? Не усилить ли нам о них своей молитвы?

Двери… нас окружают двери… и все куда-то ведут: одни скрипят, другие хлопают, третьи с трудом открываются, и только та дверь, через которую мы уйдем в вечность, всегда приоткрыта…. О ней мы должны помнить, нас там ждут Господь, Божья Матерь, угодники Божии, наши близкие. Только не хлопай дверью, уходи тихо-тихо, под пение «*Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй Нас!*»

***

Измайлово

Я совершаю отпевания, в том числе и заочные. После отпевания, когда я раздавал землю и «разрешительные молитвы», подходит ко мне бабушка и говорит:

— Батюшка, я заказывала заочно Иоанна.

— Да здесь такого нет.

— Ну, как же, ведь я заказывала.

— Здесь вот Анна есть, а Иоанна нет.

-—Анна — это я.

Видно, при оформлении её спросили, как зовут того, кого будут отпевать, а она решила, что спрашивают её имя, и сказала «Анна». Стоит она передо мной растерянная и печальная. Я взял разрешительную молитву, прочитал, назвал громко «Иоанн», а ей сказал:

— Иди, не расстраивайся, Иоанна мы будем поминать, а ты проживёшь долго-долго. Повеселела она, взяла землю и ушла.

***

Размышления под родительскую субботу 1998 года

Сейчас много пишут о том, что связано с почитанием умерших — о крестах, о памятниках на могилах… И часто авторы, сами не замечая того, больно ранят людей своими «истинными и верными» поучениями, усугубляя их печаль по усопшим. Крест, мол, должен быть только деревянным, а начертанный на мраморных плитах не признается; тяжесть мраморной плиты давит на усопшего, и ему от этого плохо и неуютно; нельзя ставить свечу, если нет креста… (тогда получается, что нельзя и молиться), нельзя помещать иконы и фотографии на памятниках и т.д. Чего действительно нельзя делать, так это обижать людей. Люди *в горе*, делают все *от чистого сердца*, верующие и неверующие (в горе человек бывает самим собой, здесь он не притворяется, что бывает очень редко в нашей жизни). Прочитает человек такое (а ему и без того плохо) и всю жизнь будет мучиться, потому что многое уже не исправишь.

Мне кажется, что самое главное — это помолиться на могилке своего ближнего, вздохнуть за него, поставить свечу (разве нельзя свечу поставить, например, в чистом поле и молиться?). Огонь свечи означает нашу горячую молитву за усопшего — только это и ничего другого. А тяжелые массивные надгробия стоят на могилках и священников, и архиереев, и на могилках новомучеников российских. Тяжело ли им от них? Если бы они могли ответить, то улыбнулись бы и сказали: «Не занимайтесь чепухой, молитесь о нас, это для нас самое главное…»

Батюшкам, сочиняющим такие «сказки», нужно очень серьезно подумать, так как они имеют дело с душами и сердцами людей, которых, прежде всего, нужно любить, особенно тех, кто в горе….

***

На маминой могилке деревянный крест, а на кресте икона Божией Матери «Споручница грешных». Поплачу, помолюсь, а если есть время, то акафист пропою этой чудотворной иконе. На могилке матушки стоит мраморная плита с крестиком. И у мамы, и у матушки зажигаю свечечки, — и на душе теплеет, и печаль уходит, благодатно и хорошо…. Иду к отцу Павлу, который меня крестил, он всю жизнь был священником, и у него в мраморный крест вставлена икона Божией Матери «Споручница грешных». Иду дальше — ректор Духовной Академии протоиерей Смирнов. У него в мраморное основание для креста вделана его большая фотография. Около алтаря храма похоронен отец Михаил Голунов, настоятель храма всех Святых,

что на Соколе. На его могилке фотография, изображающая отца Михаила в полный рост, с крестом. Я, когда провожал матушку и маму в путь «всея земли», то в руки им вложил по образу Божией Матери «Споручница грешных», чтобы и там они чувствовали, что Она с ними и не оставляет их своей материнской заботой и теплом.

Всем ушедшим — вечный покой с Господом!

***

Часто посещая могилки мамы и Тамары, я задумался о тех, кто провожает усопших в последний путь. Кто они? Близкие люди, родственники, священники и… могильщики. Так, к примеру, их может быть всего трое: жена, провожающая мужа, священник и тот, кто погребает ушедшего в землю. Вот такая непростая миссия у работников кладбища… И, конечно, лучше бы им не пить, не курить и не ругаться. Хотя, когда они заняты своей печальной работой, то ведут себя достойно, честь и хвала им за это.

Почти все могильщики на Даниловском кладбище со мной здороваются, бывает и за руку, многих я даже по именам знаю. С каким благоговением нужно работать на кладбище! Это почти то же самое, что работать в Церкви. Кладбище — это Церковь, которая продолжается в вечности. Церковь раньше окружал погост: внутри стоят и молятся живые, а вокруг церкви лежат усопшие и тоже молятся в ожидании Страшного Суда.

Иду я как-то по кладбищу и вижу, как молодой парень роет могилу. Он всегда со мной здоровается, говорю: «Бог в помощь!» и останавливаюсь возле него. Он рассказывает мне, как был в роддоме, и на вопрос «Сань, где ты работаешь, чем занимаешься?» ответил: «Вы встречаете того, кто приходит в мир, а я провожаю». — «Как это так?» — «Не понимаешь? Работник я кладбища, такие вот дела у меня на земле». Он, оказывается, после десятилетки занимается таким «необычным» делом и не курит, не пьет, не ругается (я-то это вижу). Глядишь, заслужит и себе хорошие проводы и хорошую встречу от тех, кого всю жизнь провожал, да и Господь за это не отринет его и окажет свою милость.

***

Всё-таки очень много дает посещение могилок, особенно если ты там молишься. Это особое чувство, отличное от всех других, таинство, где погружаешься в особенную духовность. Здесь особый покой, особое место, и все житейское отходит… Хотя и в храме «оставим всякое житейское попечение», но здесь, на могилках, всё по-другому, здесь какая-то неизъяснимая радость и печаль сошлись вместе… благостно, тихо и спокойно… Как же много теряют те, кто забыл могилки своих близких, как они обкрадывают себя. Говорят: чтобы не расстраиваться, меньше надо ходить в эти печальные мечта. Господь нам дал эти места, и Сам Он здесь, и Божья Матерь, и святые угодники здесь пребывают, их присутствием освящена эта печальная земля… придешь, и как будто в Божью семью попал, где все вместе, и усопшие, и живые, и понятными становятся слова «Бог не есть Бог мертвых, а Бог живых». Когда мы все вместе здесь собираемся, то оказываемся в преддверии вечной жизни с Господом, здесь, на могилках, нам чуть-чуть приоткрываются врата в Царствие Небесное, и потому так не хочется уходить отсюда, что Царствие Божие близ…

Попробуйте, милые мои, прийти, принести им, усопшим, свою любовь, память, молитву, своё любящее сердце. И услышите, как они отзовутся и как им будет хорошо, и

как хорошо будет нам, пришедшим к ним на могилки. Радуница — радость о Господе, радость о том, что с ними и с нами Господь, что мы все вместе.

***

Хорошо приходить на кладбище либо рано утром, либо ближе к вечеру. Рано, когда ты только встал, проснулся, а на кладбище тихо-тихо, усопшие спят, и ты боишься разбудить их громким словом, сидишь и тихо-тихо разговариваешь с ними. Хорошо бы и ко мне приходили на могилку рано утром и вечером, когда никого нет вокруг и можно спокойно помолиться, пропеть литию или акафист, прочитать молитвы об усопших…. Сегодня я зажег свечи на могилках, пропел Пасху: «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!» и слышал, как мама и Тамара мне подпевают, и гул идет по кладбищу. Радость Воскресения пришла к «сущим во гробех»!

***

8 октября 1998 г.

Такого со мной ещё никогда не было, сколько живу и сколько себя помню. Мамка, Тамара, простите… был у вас и с праздником не поздравил… я ли это, я ли? Отче Сергие, прости, твой день… твой праздник, что мне мешало тебя вспомнить, помолиться, обратиться к тебе и попросить о заступничестве… Правда, я каждый день к тебе обращаюсь, и в этот день не забыл, но забыл, что сегодня — твой, Сергиев, день, прости и каюсь, каждый год я был в этот день в Лавре… только последние годы оставил этот святой обычай: болезнь Тамары, старенькая мама, теперь болею сам. Вечером взял календарь в руки… 8-е октября, Сергиев день, и руки опустились, и головой поник… никудышный я стал, никудышный… Вот сейчас облачусь, возьму в руки акафист… вспомню своих и вместе споем, простит меня Преподобный… и благословит, поможет в служении и на эти дни даст здоровья.

Преподобный Отче наш Сергие, моли Бога о нас!

***

На кладбище подходит ко мне мужчина лет 70-и и начинает разговор:

— Я вот жену здесь недавно похоронил, у нее сейчас был.

— И я тоже. А ты в храм-то ходишь, молишься?

— В храм не хожу, а Бога призываю.

Крестится и смотрит на меня вопросительно. Вначале руку кладет на живот, потом на левое плечо, на лоб и на правое плечо (или опять на живот) и произносит: «Пусть земля ей будет пухом». Это, надо понимать, его молитва о жене. Я ему говорю:

— Да так только неверующие молятся. Что же ты дожил до таких годов, а ни в храм не ходишь, ни молитв не знаешь, креститься даже не умеешь. Молись за жену, в храм ходи, причащайся. Что же ты ждешь, когда тебя туда вперед ногами принесут?

Смотрит на меня с опасением и отходит в сторону. Я ему вдогонку:

— Я батюшка, священник…

— Вот оно что…

Ещё раз оглядывается и уходит. Вот такой советский мужичок, с молитвой, которой его научила советская власть: вместо «Упокой Господи жену мою» — «Пусть земля ей будет пухом»… Пропел я «Со духи праведных скончавшихся» и пошел домой…

***

Есть одна хорошая песня о соловушке,
Песня панихидная о моей головушке.

Как хорошо сказал Сергей Есенин, вернее пропел — «панихидная песня». Как бы мы провожали близких, если бы не было православной панихиды? Что бы мы пели? Какие бы произносили слова? Самые распространенные слова у неверующих: «Пусть земля ему будет пухом». Лучше ничего придумать не смогли. А какие у нас в Церкви напевы: «Покой Спасе наш с праведными рабы Твоя», «Со святыми упокой души усопших раб Твоих»… И это при всем несовершенстве нашей жизни на этой земле… Поем «с праведниками, со святыми» — и на душе становится легче. Как к нам милостив Господь! Лежит человек грешник, а Церковь ему поёт «с праведниками, со святыми…». И провожающие в последний путь как-то успокаиваются и начинают верить словам молитвы, и ещё усиленнее молиться за своих близких. Значит, и нас не оставит Господь, значит, и нам так будут петь, и нас так будут провожать в последний путь всея земли, хорошо-то как, и умирать не страшно… Так нас любит Господь! Но пока мы на этой земле, давайте хоть на самую малость станем лучше, чтобы заслужить хотя бы на йоту это чудесное «Со святыми упокой»!

***

В пряже солнечных дней время выткало нить…
Мимо окон тебя понесли хоронить.
И под плач панихид, под кадильный канон,
Все мне чудится тихий раскованный звон.

Этот звон, тихий и раскованный, чудится, наверное, всем, кто когда-либо провожал в путь всея земли своих близких: и погребальный канон под кадильный дым, и панихидный плач «плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижу во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту», и печаль, что неотлучна от нас, когда мимо окон несут наших близких и «кая житейская сладость пребывает печали непричастна». Как не увидеть в этой «пряже солнечных дней» нитей вытканных наших дней… Сколько нам их ещё осталось, один Господь весть. Плачем, рыдаем мы об усопшем и себя вместе с ними оплакиваем: и нам уходить, и нас понесут мимо окон, и по нам будет звучать этот чудный звон. Чудесные погребальные песни и чудесное христианское прощание: «приидите, последнее целование дадим братие умершему, (за все) благодаряще Бога…» А так здесь на земле «все суета сует и томление духа», и ничего-то мы с собой не возьмем… «Вся суета человеческая, елика не пребывают по смерти: не пребывает богатство, не сшествует слава: пришедшей бо смерти, сия вся потребишася…»

Панихидная и небесная эта песнь так и звучит в ушах и не дает покоя, разносится по лицу всея земли, будит нас от житейского сна, расковывает наши сердца, чтобы пробудились мы от греховного сна, ведь мы ещё живы, обратили свой взор ко Господу… Жизнь торжествует, она вечна, и вечная жизнь зовет нас, напоминает о себе чудными панихидными песнями. *Так обратим свой взор ко «Христу безсмертному и возопиим:*

преставленных от нас упокой, идеже всех есть веселящихся жилище…». Веселящихся о Господе здесь и там…

***

Похороны мотоциклиста

Хоронили мы родственника, который был профессиональным гонщиком. В мотоциклах души не чаял, всю жизнь работал шофером и участвовал в гонках. Когда похоронная процессия подъехала к воротам Хованского кладбища, то выяснилось, что до могилы нужно везти гроб ещё километра два по кладбищенским аллеям, а автобус неожиданно сломался и не может ехать дальше. К нам подходят рабочие кладбища и предлагают поставить гроб на *мотоцикл* с коляской. Вышли мы все из автобуса: я в епитрахили, с кадилом в руках, иду впереди всех, рядом со мной идет жена покойного Олега Васильевича, а его самого в последний путь везет любимая машина — мотоцикл. *Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас….* Подходим к могиле, отслужил я литию, бросили по горстке земли, жена и говорит: «*Всю жизнь провел на мотоцикле — на мотоцикле и в последний путь его проводили…»* Рабочие так и ахнули: надо же было автобусу сломаться и мотоциклу рядом оказаться, — во всех этих совпадениях нам приоткрылся Божий смысл происходящего, некая тайна, к которой мы приблизились на похоронах…

***

День памяти жертв репрессий

Лубянка. Камень жертвам репрессий… Народ прибывает и прибывает: плакаты, зажженные свечи в руках, печаль и какая-то есенинская грусть летает в воздухе. Женщина держит две фотографии, на одной из них немолодой мужчина, а на другой — девушка, оба они улыбаются. Мужчина средних лет держит плакат «Позор красной Думе!». Люди здороваются друг с другом, раздают газеты, кладут цветы к камню, из динамика несутся какие-то бьющие в самое сердце звуки, похожие на колокол, бьют по памяти, не забывайте мол. Прошел батюшка в рясе… Сам митинг мне не нужен, мне нужны люди, и мне хорошо среди них… Я спустился в переход и увидел мужчину, который спрашивал у милиционера, как пройти к камню. «А чего вам там делать?» — отвечает тот, с насмешкой в глазах.

Сколько зла и горя принесли на нашу землю коммунисты, «благодетели человечества», и сколько ещё могут принести. А без них так хорошо ходить по Москве, заходить в храмы, молиться, видеть добрых и хороших людей, спешащих на работу, в церковь, друг к другу в гости. За что Господь попустил это адово племя на нашей земле?

***

Сегодня день великомученика Феодора Стратилата, наш престольный праздник. Я сижу и пишу: нога моя никак не проходит, а в храме сейчас владыка и батюшки служат праздник, который совпал с воскресеньем, и народу в храме должно быть много. Вспоминаем его, воина Христова, молимся ему о том, чтобы помог он нам быть добрыми воинами Христа Спасителя нашего, а то порой совсем об этом забываем. А ведь были времена, когда только на них, таких воинах Христовых, да на бабушках держалась наша вера, и о них в этот день хорошо бы помолиться.

В этом храме я отпевал свою маму, свою матушку Тамару, и, думаю, хорошо бы и меня здесь отпеть — всех в одном храме, и вместе бы с ними похоронить. Хорошо бы Господь так устроил, буду молиться об этом, это последнее мое желание на этой земле: один путь, одно место упокоения на Даниловском под крестиком у мамы, под иконой «Споручницы». У каждого должен быть свой храм и при рождении и при уходе, лишь бы стояли они на нашей земле до Пришествия Господа, лишь бы служили в них Божии службы — тогда и умереть не страшно, с Господом и здесь и там хорошо и в путь всея земли идти легко!

***

Она не умерла, а уснула…

Когда направился Спаситель к дому Иаира, то окружающие говорили ему, что девица умерла, а Господь сказал: «Выйдите вон: ибо не умерла девица, но спит». И мы верим, что не умерли наши близкие, а уснули, дабы проснуться в день Воскресения. Не теряем мы своих близких, а приобретаем, потому что Там они становятся ближе к Богу, их просьбы быстрее до Бога доходят, и мы получаем от них большую поддержку. У Бога будет и наша последняя встреча с ними, после которой уже не будет разлуки, ибо та встреча будет вечной….

МАТРОНУШКА

***

По дороге от метро «Тульская» к Даниловскому кладбищу догоняет меня мужчина.

— Скажите, я правильно иду? Мне нужно кладбище «Даниловское», а там могилка…

— Матронушки.

— Да, да, она мне и нужна.

— Правильно идете.

— А Вы тоже туда идете? Она, говорят, помогает.

— Она и мне помогла. — Смотрит на меня с удивлением.

— Действительно помогла, что Вы так смотрите, такими вещами не шутят. Вошли в кладбищенские ворота, и я ему показал часовенку с зеленой крышей и золотым куполочком.

Да, я молился блаженной Матронушке, когда хоронил свою матушку, молился, когда в последний путь провожал свою маму, молился я и о том, чтобы она помогла с устройством памятной мраморной плиты на могилке у Тамары, и, призывая её, говорил:

«Блаженная Матронушка, *ты* ведь настоящая начальница кладбища, помоги мне в моих делах, не оставь своей помощью…» И как радостно теперь приходить на могилки, все так благодатно и хорошо, и блаженная Матронушка рядом, и, я надеюсь, что она не отринет моей просьбы и замолвит там, у Господа, словечко за Тамару, мою матушку, и за Елену, мою мамку.

***

Много лет я молился тогда ещё не прославленным нашей Церковью блаженной Ксении Петербуржской, праведному Иоанну Кронштадтскому, царственным мученикам, три года молюсь блаженной Матронушке Московской. И вот потихонечку они нашей Церковью начинают прославляться… Сегодня иду на кладбище и узнаю приятную новость. Дня три или четыре назад могилку Матронушки посетили представители священноначалия…. Значит, предстоит канонизация. А в ночь на 9-е марта могилку будут вскрывать, и святые косточки блаженной Матронушки поселятся в женском Покровском монастыре на Таганке. Значит теперь надо ещё усиленнее молиться нашим царственным мученикам, чтобы, через признание и народное почитание их как заступников и молитвенников, официально их признала бы и наша Церковь.

***

9 марта 1998 года

Вхожу в кладбищенские ворота… Ко мне подходит нищая Нина: «Батюшка, благословите… Матронушку ночью увезли, не знаю куда». Иду к её могилке… Могилка закрыта… А народ, который к ней пришел, идет в часовню за Храмом. Вхожу туда и я: люди стоят вокруг столика со свечами и молятся. Оказывается, на этом столике стоял маленький гробик, в который сложили святые косточки, перед тем как отвезти их в

Покровский женский монастырь на Таганке. *Святая блаженная матушка Матронушка, моли Бога о нас!*

*****

Свято место пусто не бывает… Матронушку увезли, гробик и косточки выкопали, канонизация готовится, а на могилке её Крест стоит и написано «Блаженной Матроне». А народ идет и идет, несут цветы, молятся, нищие сидят… Я думаю, что люди так и будут идти, потому что само место их притягивает — её могилка, а то, что её здесь нет, как бы забывается, есть её могилка, и хочется возле нее помолиться, поклониться, постоять, и уходить не хочется… Не зарастет к её могилке народная тропочка, и в Покровский монастырь поедут, и к могилке её придут, здесь она лежала, земля-то святая… Может, не нужно было её увозить, есть часовня на кладбище, в ней бы Матронушке и почивать, и народ привык, да и она здесь привыкла, её это место, начальницей она была Даниловского кладбища… Прохожу сейчас мимо её могилки, остановлюсь, сотворю крестное знамение, поклонюсь и скажу: «Матронушка, замолви там в Царствии Небесном словечко за нас, что бы хоть немножко было им там полегче». И дальше иду… и как-то легче становится… Такая она у нас помощница…

Увезли её, а она здесь, как и была… и всем приходящим помогает. Её могилка, Крестик, а под Крестиком она сама, вся могилка пропитана людскими молитвами, сколько лет люди к ней шли, идут и будут идти.

Блаженная Матронушка слышит всех и всем поможет! Молитесь ей и приходите к ней, и в Покровский монастырь и на могилку, и она будет только довольна!

ЦАРСТВЕННЫЕ МУЧЕНИКИ

***

Я с 1981 года молюсь царственным мученикам — с тех пор, как их прославила Русская Зарубежная Церковь. И поминаю их, совершая проскомидию, как святых вместе с другими, уже прославленными, новомучениками. Лет десять тому назад, подошел ко мне в храме молодой человек и говорит: «Батюшка, нас тут несколько человек, и мы хотим отслужить по царственным мученикам панихиду. Когда это можно сделать?» Я ему отвечаю: »Я не дерзаю по ним служить панихиду, я молюсь им как святым. Идите, найдите другого батюшку, который вам отслужит».

У меня как-то не получается молиться *о них.* Как я могу молиться, например, о преподобном Сергии или преподобном Серафиме? Я к ним обращаюсь с молитвой. Тем более, что я сам испытал силу молитвы царственных мучеников перед Богом.

У женщины пропал мальчик. Благодаря газетам и телевидению эта весть облетела всю страну. Все были расстроены, встревожены этим происшествием, и много было об этом разговоров. Тогда я решил помолиться за этого мальчика другому мальчику — цесаревичу Алексию, расстрелянному вместе с семьей в Ипатьевском доме. Я подумал, что святой мальчик поможет своему товарищу. У меня тогда возникло такое чувство, что все будет хорошо. И когда все обошлось благополучно, я пришел в воскресную школу, где мы все вместе переживали случившееся, и сказал: «Я молился одному мальчику, и он помог. Это цесаревич Алексей».

Я думаю, что наши дети не должны забывать обращаться к нему с молитвой. А то, что царственные мученики не прославлены нашей Церковью, не имеет большого значения, так как они уже давно прославлены нашим народом. Когда митрополита Антония Блума спросили в интервью, можем ли мы молиться царственным мученикам, то он ответил: «А я давно им молюсь как местночтимым святым».

Святые царственные мученики, молите Бога о нас!

***

Мы сейчас много читаем и слышим о царственных мучениках, но увидеть царскую семью можем только на фотографии:

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно.
Какие прекрасные лица
И как это было давно
Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны…

Мой дедушка Феофилакт служил в царской армии 25 лет и, будучи солдатом, видел на смотру царя Николая II. Дедушка гордился этим и часто рассказывал об этом, когда все собирались на семейные праздники. А мама Тамары, Ефросиния, видела всю

царскую семью: царь Николай II выезжал на белой лошади из ворот Спасской башни, а следом за ним в белых длинных платьях и шляпах ехали царица Александра Федоровна и четыре Великих княжны: Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и в морской форме — цесаревич Алексий. Она мне об этом лично рассказывала как о самом значительном случае в своей жизни. Нам же, отдаленным от них почти веком, помоги, Господи, прославить их и молиться им, мученикам за Христа, за Церковь, за Россию!

***

Мама, когда рассказывала про моего дедушку Филата, всегда вспоминала, как он пел песню про царя:

Пишет-пишет царь германский,
Пишет русскому Царю,
Николай, наш Царь великий,
Во всей армии один…

Вот такая песня… Наверное, у нее было и продолжение, но мама его забыла… Очень трогает то, что русские люди когда-то запросто пели такие песни, и Царь, родной и близкий, был где-то здесь, совсем рядом, можно протянуть руку и потрогать. Царь-батюшка, без него и Русь не Русь, и русский человек как бы и не русский. Царь сейчас для нас — это какая-то сказка, хорошая и простая, которую приятно рассказывать где-нибудь на русской печке или на завалинке.

Где Царь — там и Русь, где Русь — там и Царь, а по-другому как-то не выходит. Давайте помолимся, чтобы он, Царь-батюшка, спустился с небес, посетил свой народ, приободрил, дал силы выстоять и послал своего преемника, богоизбранного Царя-батюшку, нам, таким неразумным и неверным, забывшим его… Думаю, что простит он нас, потому что любит нас, любит Россию-матушку и не оставит своей помощью, снизойдет к нам грешным и простит.

Потому что он *наш Царь великий, во всей России один.*

***

Дедушка Филат хранил картинку с изображением царской семьи, за которую можно было поплатиться. Она висела на стене, и, конечно, было страшно держать её на столь видном месте. Дедушка снял картинку и спрятал её в сундук, но не выбросил, сказал: «Нельзя, грех будет, надо беречь». Он же, во время переписи населения, когда всех спрашивали, как вас записывать, верующими или неверующими, с раздражением и гневом ответил: «Эх вы, такие-сякие, да разве вы некрещеные, да разве вы не верующие, а ну, вон отсюда, спрашивают ещё, верующий я или неверующий, конечно — верующий!»

Верующие мы и в царственных мучеников, и верим, что их молитвами обретет Россия былую славу и воздвигнет из небытия царя Православного, как Бог создал из небытия мир и нас, и этим спасет Россию, а мы им молились и будем молиться.

***

Когда я впервые увидел картину Глазунова «Сто веков» и Государя, держащего на руках цесаревича Алексия, я понял, что царь сам, своими руками, несет сына на

заклание, подобно Аврааму. Страшно мне стало от осознания той жертвы, которую Государь принес за Россию. Эта жертва должна быть вечно в памяти русских людей, и образ царя, несущего сына на вытянутых руках, никогда не должен быть вырван из памяти нашего сердца. Когда обходил однажды царь с цесаревичем на руках казачье войско, то казаки, глядя на Алексия, плакали, и шашки качались в их мозолистых руках…

***

Эти милые две буквы,
Что два яркие огня
В тьме осенней, в бездорожье
Манят издали меня.
Зажжены они в воротах,
Что в чудесный мир ведут,
Мир, где только гости с неба,
Духом чистые живут.
А.Н. Майков.

Был я как-то в гостях у Татьяны Константиновны Тропаревской, с которой моя мама одно время работала в Хамовнической детской больнице, и увидел у нее книгу в очень красивом переплете, на котором красовались всего две буквы — К.Р., обрамленные цветными листиками и цветами… Татьяна Константиновна подарила мне эту книгу; я открыл её и не мог оторваться: рассказывала она о Москве, о Кремле, в основном о солдатах и солдатской жизни… а я все думал: кто же написал такие чудесные, сердечные и душевные стихи? У меня было несколько томов энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, и вот как-то, листая словарь, я увидел фотографию под папиросной бумагой, под которой было написано — Великий князь Константин Константинович (бравый военный в эполетах, с орденом и светлым открытым лицом). Читаю про него и вижу в конце статьи его стихотворение, подписанное инициалами К.Р. — Константин Романов.

Я так обрадовался, что у меня есть его книга, что долго не мог прийти в себя, и ещё несколько раз её перечитал. А потом увидел ещё одну его книгу в букинистическом магазине, так же красиво изданную, но со стихотворениями других лет, — купил её, и я меня стало два тома К.Р. А затем я встретил его двухтомник с замечательной трагедией «Царь Иудейский», и стал молиться об авторе. Позднее прочитал, что сыновья его — Иоанн, Игорь и Константин — претерпели мученическую кончину в Алапаевске 18 июля 1918 года вместе с Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной.

Читаю его заметки о том, как в 1879 году он приехал в Москву: «По обычаю, по приезде поехали поклониться иконе Божьей Матери. Вокруг широкого крыльца ожидала нас и приветствовала радушным «ура» толпа народа. Войдя в часовню, положив два земных поклона, приложились к образу, и снова поклонившись в землю, я услышал церковное пение, а по выходе слева мой слух снова обдало «ура» народа. Приятно было чувствовать связь, казалось, несуществующую, между народом и их князьями». А вот ещё одна заметка, четверг, 9 мая. Коронация Николая II: «Долго, долго тянулось шествие. Вот остановка: это царь с царицей молятся у Иверской…»

Неужели настанет время, когда это повторится, неужели будет царь и будет его въезд на Красную площадь на белом коне, будет шествие и будет его остановка с царицей у Иверской часовни, и будет громоподобное «ура».

В лунном кружеве украдкой
Ловит призраки долина.
На божнице за лампадкой
Улыбнулась Магдалина.

Улыбнулась санитару Царскосельского госпиталя Сергею Есенину, провидя его встречу с великими княжнами Ольгой, Анастасией, Татианой и Марией… Послушайте…

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах,
Приветствует мой стих младых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.
Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.
На ложе белом, в ярком блеске света
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть…
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.
Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.
22 июля 1916 г.

Я смею утверждать, что это стихотворение пророческое, оно написано ровно за два года до их расстрела в подвале Ипатьевского дома.

В багровом зареве закат шипуч и пенен. В этом багровом и красном зареве есть что-то страшное, пенится и шипит — кровь царственных мучениц, великих княжен Ольги, Анастасии, Татианы и Марии, вопиет к небу, пролитая за нас и за Россию.

Березки белые горят в своих венцах. Великие княжны — горят в своих мученических венцах!

Поэтический дар Есенина позволил ему это прозреть, и у него вырывается:

О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

Икона святой равноапостольной Марии Магдалины висела в лазарете, так как она была покровительницей Царскосельского госпиталя.

***

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам,
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Кого имел в виду Сергей Есенин, когда писал эти строки в 1922 году, про каких несчастных пела его лира? Среди несчастных, расстрелянных в темницах, были и царственные мученики. Вспомним: Есенин встречался и с императрицей Александрой Федоровной и с великими княжнами Ольгой, Татианой, Марией, Анастасией. Народ убил своего царя, поставленного Богом управлять по Его воле, указывать народу, как жить по-Божьи и быть хранителем нашей православной веры. Патриарх Тихон в своем слове, сказанном в московском Казанском соборе, смело назвал все своими именами: «На днях совершилось ужасное дело: расстрелян бывший государь Николай Александрович /…/ Наша христианская совесть, руководствуясь Словом Божьим, не может согласиться с этим. Мы должны, повинуясь учению Слова Божия, осудить это дело*, иначе кровь расстрелянного падет и на нас, а не только на тех, кто это совершил».*

Народ же своим молчанием, не осудив этого страшного преступления, как бы сказал: «Не нужно нам царя от Бога: мы хотим другого царя, не в царской короне и с крестом в руках, а с дьявольским прищуром и в кепочке, с веревкой и разделочным топориком». И получили… И многие молились на него, и до сего дня призывают его темное имя в своих скорбях, болезнях и нуждах, забывая об едином на потребу — о своем Господе, создавшем нас и давшем нам Своего помазанника на земле, чтобы через него, Царя Земного, наши взоры обратились к Царю Небесному!

***

Робко лампада, мерцая во мраке, горит;
Старица скорбно во мглу безнадёжно глядит.
Смотрит — и видит, молитву честную творя.
Рядом с Христом — Самого Страстотерпца Царя.
Лик его скорбен; печаль на державном лице;
Вместо Короны стоит он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла.
Смотрит отшельница, смотрит и чудится ей —
В Облик Единый сливаются в бездне теней
Образ Господень и образ страстотерпца-царя…
Молится Ксения, смиренною верой горя…

В этом стихотворении С.С. Бехтеева описано видение дивеевской монахини Ксении — духовное прижизненное свидетельство святости царя-искупителя Николая II.

1918 год. Патриарх Тихон наложил резолюцию на протоколе совещания Соборного Совета, созванного по вопросу о служении соборной панихиды о расстрелянном бывшем императоре Николае II. «Благословляю Архипастырей и пастырей молиться о сем на местах».

Дело в том, что в последующие годы, на протяжении почти 80 лет, панихиды по царственным мученикам не совершались, и любое доброе упоминание о них воспрещалось. Такое настроение овладело всеми… не до них было… все забыли о замученных и умученных за нас. Протоиерей П.Н. Лахотский свидетельствует о тех годах: «…На улицах говорят различно, некоторые злорадствуют и одобряют убийство». Такое отношение (или полное равнодушие к преступлению) было преобладающим и в последующие годы. Покаяния как такового все-таки не было.

«Наша совесть примириться с этим не может, — с болью говорил Патриарх Тихон об убийстве Царя, — и мы должны во всеуслышание заявить об этом как христиане, как сыны Церкви. Пусть за это называют нас контрреволюционерами, пусть заточат в тюрьму, пусть нас расстреливают. Мы готовы все это претерпеть в уповании, что и к нам будут отнесены слова Спасителя нашего: “Блаженны слышащие Слово Божие и хранящие е”».

Лично мне кажется, что время панихид по царственным мученикам безвозвратно ушло в прошлое, и знаком личного покаяния каждого из нас должна стать *молитва им, а не о них.* Может, этим мы загладим свой всенародный грех.

И тогда, может быть, в скором времени услышим мы из уст нашего священноначалия радостные и светлые слова: «Благословляем Архипастырей и пастырей молиться царственным мученикам по всем градам и весям нашей необъятной России». Да помолимся об этом!

В храмине стол установлен, стоит поперек;
Яства и чаши для званных рядами стоят;
Вместе с Иисусом двенадцать за брашной сидят,
И за столом, ближе всех одесную Его,
Видит она Николая, царя своего».
(Видение киевской послушницы Ольги Великим Постом 1917 года).

Какие нам ещё нужны свидетельства!?

***

Рассказ послушницы из Иерусалима. 1997 год

У гробницы Божией Матери — новый настоятель, грек. Он обратился к монахине из русского монастыря с просьбой подарить ему икону царственных мучеников. И вот что он рассказал…

Лет восемь назад один священник рассказал ему о убиенном императоре Николае II и его семье, но настоятель не поверил в святость императорской семьи. Тогда ему приснился сон: видит себя в царских палатах, где находятся архиереи и Царь Николай II. Грек подходит под благословение к архиереям, а затем хочет попросить благословения у Царя, но Царь прячет руку и говорит: «Ты же мне не веришь».

С тех пор он очень полюбил царственного мученика и был рад получить его икону.

***

Очень часто просят освятить иконы или медальоны царственных мучеников. И если бы вы видели, какие после освящения у этих людей радостные и счастливые лица: молятся им, призывают их в своих молитвах верующие, и таких людей становится все

больше и больше. И это одно из свидетельств в пользу канонизации царственных мучеников. Царственные мученики как бы сами рвутся в наши храмы, в наши жилища, не гнать же их, не говорить же им, что, мол, надо подождать: вот сверху скажут, что вы святые, тогда и войдете в храм, а пока постойте за дверью, немного подождите. Нельзя с ними так поступать, обидятся и совсем могут покинуть Россию. *Царственные мученики, молите Бога о нас!*

***

Однажды в храме святителя Николая в Хамовниках ко мне подошел сторож Борис и сказал: «Отец Вячеслав, послушайте, что я Вам расскажу… У моей знакомой есть небольшая иконочка царственного мученика Николая II и равноапостольного князя Владимира, которая замироточила. Мне поручили съездить и сообщить об этом отцу Александру Шергунову, так как он собирает материалы о чудесах царственных мучеников».

Господь готовит Русскую Православную Церковь, наш православный народ к всенародному прославлению царственных мучеников. Мне кажется, что народ готов к этому. Три вышедшие в свет книжечки «О чудесах царственных мучеников» — тому свидетельство. В некоторых храмах есть их иконы, и перед ними совершаются молебны.

Люди верующие долго томились, ждали прославления, и с этим нужно считаться. Запретить молитву нельзя. Не боялись молиться им во времена гонения, не боялись хранить дома их изображения, а сейчас тем более не испугаются. *Потому что без их помощи нам всем трудно встать на ноги.*

***

16 июля 1998 г. Накануне захоронения царственных мучеников

Сколько противоречивых сообщений в газетах, разных мнений светских и духовных властей… К чему склониться верующему человеку, как ему открыть для себя Правду Божию? Мне хотелось бы, чтобы в этот пронзительный до боли и страшный День вся Россия, в своих домах, монастырях, храмах и площадях встала бы на колени перед их мученическим, царственным подвигом, поклонилась бы им до земли, облила бы покаянными слезами эту поруганную безбожными властителями и пропитанную мученической, царственной кровью землю, припала бы к ней с покаянным воплем. Согрешили мы пред Небом и пред вами, простите нас, загладьте перед Богом наш ужасный грех цареубийства, который тяготит нас и не дает спокойно жить. Измучились мы, мечемся из стороны в сторону, не знаем, где главу преклонить, пошлите нам весточку из горнего мира, где Вы с Господом пребываете, простите нам наше неверие в Вас, заступитесь на нас перед Господом и Его Пречистой Матерью, не дайте погибнуть. Веруем в Вас, но помогите нашему неверию, подайте нам знак святости Ваших святых косточек, простите, что мы хотим вложить персты свои в Ваши раны. Я думаю, примут Они наш покаянный молитвенный вопль к Ним, и неисчерпаемое море чудес прольется от Их святых мощей, и свершится чудо из чудес, дадут Они нам Царя, чтобы пасти нас и ввести в Небесное Царство, идеже Святые царственные мученики пребывают!

***

Им надо молиться, а не о них…

Июль 1998 г. В послании Патриарха сказано: «В этом году 17 июля исполняется 80 лет со дня убиения Российского императора Николая II и членов его семьи». Не лучше ли было бы написать «80 лет со дня мученической кончины», а так мы ещё сто лет будем топтаться на одном месте, потом в одно «прекрасное» время и совсем забудем, как не помнили 80 лет.

Призывая служить по *царственным мученикам* панихиды Патриарх и Священный Синод уже одним этим не признают их за мучеников, и, мне кажется, уже никогда не признают. 70 лет о них вообще не вспоминали и панихид не служили, да церковное руководство никогда об этом не думало. Они твердо верили, что *советская власть на века*, и, наверное, ни у кого даже в мыслях не было за царя Николая и его семью помолиться, а уж *им самим* молиться никому из иерархов и во сне присниться не могло. В чем же будет в этом году выражено наше всеобщее покаяние? — «Совершение по ним панихиды…, сопровождаемое постом и воздержанием», — говорится в послании.

Они изначально были мучениками. Господь от сотворения мира был Агнцем, закланным за грех мира, а они со дня своего расстрела в Ипатьевском доме были *мучениками, закланными за Россию!* И большинство в России это признает. А панихиды мы совершаем по своим родным, близким, знакомым — *не мученикам.* Что же мы их, царственных мучеников, низводим до уровня простых смертных, не расстрелянных, не сожженных, не брошенных в шахты… *и не забытых нами.* Мы родственников своих все-таки помним, а царственных мучеников, что греха таить, совсем забыли и не думали о них на протяжении 70 лет!

Если ждать приказа сверху о канонизации, то можно никогда не дождаться. А если встанут у власти вновь коммунисты, то они же и станут «мучениками, пострадавшими за народ», а настоящие мученики вновь будут названы предателями. Зарубежная Церковь молится Царственным мученикам, так неужели мы согрешим, если будем *им* молиться? Если же не будем молиться, то вновь согрешим, и через 70 лет новый Патриарх будет призывать весь русский народ к покаянию. Надо делать то, что говорит наше сердце, измученное семидесятилетним молчанием нашей Церкви в лице её иерархов, и сейчас до конца не осознавших, а, может быть, и лукавствующих, все ещё выжидающих. Вдруг господин Зюганов въедет в Кремль на белом коне, тогда и у нас, мол, будет козырь, так и останемся сидеть на своих патриарших и митрополичьих тронах. Двухчасовая беседа Патриарха с Зюгановым, лобзания, рукопожатия с ним о чем-то говорят… Заигрывания нашего священноначалия и некоторых *священников* с коммунистами добром для русского народа не кончатся…. И тогда не то что о прославлении царя и его семьи, о посещении храма и то может встать вопрос, а вдруг *они,* коммунисты,не разрешат? Ведь все это было, и нам ли об этом забывать?!

Что же делать тем священникам и мирянам, которые молятся Царственным мученикам? Молиться *о них* на этой панихиде 17 июля или уйти домой и помолиться *им?* Если, посещая могилки своих близких, мы и то им молимся и что-то у них просим, то неужели к тем, кто пострадал безвинно за всех нас и за Россию, мы в этот страшный для России день не можем обратиться с молитвой?

***

17 июля 1998 г. День захоронения царственных мучеников

Я приехал в Манеж, где в это время была развернута выставка фотографий царской семьи «Семейный альбом»: фотографии, принадлежавшие Императору, Царице,

Княжнам…. Когда я вошел в зал, то перекрестился и ещё раз вспомнил какой сегодня день — день захоронения царственных мучеников. Начал осмотр, думая что за час должен пройти весь жизненный путь этой Семьи — вплоть до стены в Ипатьевском подвале, с отметинами пуль, штыками и лужами крови на полу.

Взгляд императора на фотографии будто обращен лично ко мне, вот-вот начнется разговор…. На лице императрицы — боль за сына и что-то страдальческое, провидческое в глазах.

После выставки я зашел в столовую, где по телевизору транслировали церемонию захоронения, проходившую в то время в Петербурге. Ельцин произносит слова о покаянии, священники касаются руками гробов со святыми мощами, Романовы пальцами касаются надгробий, некоторые крестятся…. В столовой никто даже лица не повернул к телевизору, все заняты едой и разговорами. Один я замер с подносом в руках, прислонившись к стене, смотрю и не верю, русские ли люди сидят здесь за столиками, мило беседуют? Что им до царя, его семьи и их мученической кончины? Что же может заинтересовать сегодня людей? Телесериал?

***

Иерусалим, Иерусалим… И в Святом Граде возносится молитва Царственным Мученикам. В сонном видении вошли к одной монахине в келью святая преподобномученица Елизавета и игуменья Тамара (она тоже из дома Романовых, когда-то была игуменьей на Елеоне, горе Вознесения). Великая княгиня Елизавета спрашивает монахиню: «Где у тебя икона Царя Николая?» Монахиня говорит: «Вот фотография». — «Нет, — отвечает Великая княгиня, — это фотография, а где же икона?» Игуменья Тамара берет со стены икону Великой княгини Елизаветы и прикладывает её к самой Елизавете Федоровне. На этом видение заканчивается.

Напоминает и напоминает нам Царь Николай о себе: в сонных видениях, через свои иконы и фотографии говорит, что Он есть наш защитник и молитвенник Русской земли, Новый Николай Чудотворец. Два Николая ходят по нашей земле, Мирликийский чудотворец и Царственный Российский чудотворец, два Победителя над злом, над князем тьмы века сего. Верю, что настанет время, когда мы сможем приложить наши иконы царя и других царственных мучеников к их многоцелебным святым мощам, как это делают те, кто бывает в Бари и прикладывает иконы святителя Николая к его мироточивым косточкам.

***

Накануне Рождества мой духовный сын Вячеслав привез из Екатеринбурга фотографию, на которой была часовня с крестом, и отдельно стоял крест на мраморном основании. Екатеринбургская трагедия пронзила меня, как выстрел, как пуля прошла через сердце. Рождество и Крест… Младенец в яслях, Мама, склонившаяся к Нему… и через всю эту радость и Рождественское сияние, пение ангелов, поклонение волхвов и пастухов, под этим звездным Рождественским небом встает Голгофский Крест Богомладенца. Ночью после Рождественской службы Рождество, казалось, было разлито в наших сердцах, глазах, наших душах, на улице, на дорогах, в воздухе, а передо мной лежал конверт с фотографией Креста, воздвигнутого над местом убиенных Царственных Мучеников, и надпись обжигала огненными буквами:

Склонись, Россия,
на колени
к подножью
Царского Креста

На той же фотографии Вячеслав, у которого есть поэтический дар, предварил надпись на кресте своими строками:

Благим перстом указан
Путь наш скорбный.
Терпи, молись, сомкни уста…

Сегодня в Рождественскую ночь Господь послал нам службу яркую, брызжущую ночным, Рождественским сиянием, которая охватила мое существо, и молилось как-то легко за всех и за вся. Вся служба была пронизана Рождеством, и все в храме стояли вместе, вперемешку с ангелами, пастухами и мудрецами с востока, — всех собрал Богомладенец. Христос сошёл на землю, принял нашу плоть и стал нам родным.Он из нашей человеческой семьи, которую Он Сам и создал.

***

Россия —
Страшный, чудный звон.
В деревьях березь, в цветь — подснежник…

Страшный, чудный звон давно стоит над Россией, вслушайтесь, как сливается страшное и чудное в звоне колоколов: одни колокола хоронят Россию, а другие её поднимают из пепла, кто выстоит, кто окажется сильнее, чего в нас больше — созидания или разрушения? Мы разделились, и от этого страшно. Христос один, Истина одна, и Церковь одна, а мы в раздоре. Сказано: «Видеть будете и не увидите, слышать будете и не услышите». Мученики российские нас призывают видеть Истину, которую они запечатлели своей кровью и завещали нам. На крови мучеников стоит Церковь: страшный, чудный звон будит нас от греховного сна, от лени в мыслях, лени в действиях, когда лень сходить в церковь, лень разобраться в том, где правая, а где левая сторона… Люди порой идут куда-то, не задумываясь, с кем и зачем они отправились в путь. Если мы так будем продолжать жить, то страшный звон будет стоять над Россией. Нужно услышать и откликнуться на колокольный звон, который зовет в храм, в котором звучит сам голос России. Россия стонет по нам с вами, звонит и взывает к нам, спрашивая: «С кем вы? Неужели вы с теми, кто уничтожал вас семьдесят лет, или вы с мучениками, за вас замученными?» Истина одна, Христос один, Церковь одна и звон должен быть один, чудный, а не страшный. Освободить нас может только Истина, а тот, кто вне Христа, вне Истины, освободить никого не сможет!

***

А все это, значит, безвластие.
Прогнали царя…
Так вот…

Посыпались все напасти
На наш неразумный народ...
…
Пропала Расея, пропала,
Погибла кормилица Русь…
(*Есенин. Анна Снегина. 1925 г.)*

Расея никуда не пропала, — это нас не стало, «расеян», а Русь как была, так и есть. Напасти на нас посыпались, как из рога изобилия. Сколько же лет мы будем жить и ходить с печатью цареубийства? Так ведь незаметно и к антихристовой печати можно подойти. Пора нам опомниться, ринуться к Богу, в Божьи храмы, на коленях у Господа просить прощения. *Погибла кормилица Русь*… Почему же теперь она нас не кормит? Да потому, что раньше она была Святой Русью, а теперь мы забыли это название, и нам всем теперь не до святости, лишь бы выжить. Но ведь была, была же Святая Русь-кормилица, неужели погибла? Жив ведь народ русский, пока ещё не перевелся. А вот кого у нас нет, так это царя. А будет царь — не будет таких напастей, будет царь — и Русь опять станет кормилицей, будет царь — будет и Расея, будет царь — будет разумным и его народ!

***

Манит прозрачность глубоких озер,
Смотрит с укором заря.
Тягостен, тягостен этот позор —
Жить, потерявши царя…

Образ царя предстает все яснее и яснее с течением времени. Даже есть такое чувство, что мы как будто его ждем на Царство, что нет другого Государя у нас, что только он стоит перед глазами. Ведь только с царем возможно воскресенье России, а потому не должен ли он воскреснуть для того, чтобы Россия восстала. Преподобный Серафим говорил: «Царя, который меня прославит, Бог прославит».

Завтра Троицын день, Пятидесятница: солнце, березки, коленопреклоненные молитвы и молитва «Царю Небесный». «*Царю Небесный,* — поем мы, — *прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны«.* Обратимся ко Господу, чтобы он послал нам и царя земного, чтобы тот пришел на нашу землю и поселился у нас, и очистил нас от страшного греха цареубийства, от безбожной скверны, одолевшей нас, и своим прощением спас нас и наши души.

Если царь-мученик будет с нами и за нас, то и Господь нас не оставит.
Ей, гряди на Русь, царь земной, через которого Русь узрит и Царя Небесного!

***

Вот уже вечер, роса блестит на крапиве,
Я стою один, прислонившись к иве.

А я сижу один, и пишу, и пишу…. Может, что-то получится, может, что-то после меня останется, что-то укажет кому-то дорогу ко Христу. Ведь некоторым очень трудно её найти: вокруг них много того, что мешает им войти в храм, много темного, нехорошего

закрывает им лик Христа. А если кто-то подтолкнет, подскажет, как и мне в детстве, то человек может прийти ко Христу, с которым так хорошо, благодатно и радостно жить, и радости этой никто никогда не отнимет и не сможет отнять, если мы будем беречь её как зеницу ока.

Уже 11 часов вечера… а завтра совершается память преподобномученицы Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары — две мученицы, указующие нам путь ко Христу — трудный, тернистый, исповеднический, который не всем по силам, но зато самый верный. *Помолимся им.*

СКАЗКИ ЕСЕНИНСКОГО ЛЕСА

***

Давайте с благоговением войдем в этот удивительный лес:

Пахнет вербой и смолою,
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналоя
Воробей псалтырь читает.

Здесь можно и псалтырь послушать, и с кроткими монашками помолиться:

По меже на переметке
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы, кроткие монашки.

В есенинском лесу даже можно отстоять обедню:

И по кустам межи соседней,
Под возглашенья гулких сов,
Внимаю словно за обедней
Молебну птичьих голосов.

И к всенощной можно поспеть:

Заунывным карком
В тишину болот
Черная глухарка
К всенощной зовет.

В есенинской степи можно молиться и без молитвослова, вслушайтесь:

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

И песню о Боге спеть вместе со степной касаткой:

Я странник убогий,
С вечерней звездой
Пою я о Боге
Касаткой степной.

В этом лесу можно и лампадку затеплить:

Покоюся сладко
Меж росновых бус,
На сердце лампадка,
А в сердце Исус.

И весну встретить, и вместе с птицами отслужить ей молебен:

В цветах любви, весна царевна
По роще косы расплела,
И с хором птичьего молебна
Поют ей гимн колокола.

И даже можно помолиться на Божьи алы зори и причаститься светлой ключевой водицы из ручья:

Позабыв людское горе,
Сплю на вырублях сучья.
Я молюсь на алы зори,
Причащаюсь у ручья.

В березовой роще можно услышать перезвон колоколов, а в ветре — благовест:

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.
Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

Можно в этом лесу и на литии побыть:

Мир вам рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан.
Все приявшему с улыбкой,
Ничего от вас не надо.

И посмотреть на лесное каждение черемух:

А степь над пологом зеленым
Кадит черемуховый дым.

И полюбоваться на «кадящих листвою берез», а потом побыть в лесной церкви и подобрать с земли уроненные четки:

В зеленой церкви за горой,

Где вербы четки уронили.

Самое главное — среди сосен и елок, если внимательно приглядеться, можно увидеть самого Христа:

Между сосен, между елок,
Меж берез, кудрявых бус,
Под венком, в кольце иголок
Мне мерещится Исус.

Зайдите поглубже в есенинский лес, и вы увидите Спасителя, едущего на рыжем осленке:

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль, опенок.
Пляшет ветер по равнинам —
Рыжий ласковый осленок.

которому сосны и ели возглашают «Осанну»:

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов — как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.
Прядь волос нежней кудели,
Но лицо Его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат Ему «Осанна»!

А, следуя за схимником, можно припасть к незримому изъязвленному Спасителю:

Схимник ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

Побывайте в есенинском лесу, не пожалеете!

***

Откуда в темном небе месяц?

Нет месяца на темном небе, темно, темно, особенно в деревне, в лесу, в поле. У нас-то в Москве электричества много, но все равно, когда небо темное, то скучно. А теперь давайте послушаем, откуда взялся месяц.

То не тучи бродят за овином

И не холод.
Замесила Божья Матерь Сыну
Колоб.

Вы, наверное, видели, детишки, как мама печет пироги или делает печенье: ставит тесто, а потом из него сбивает колоб, а потом разделывает и получаются маленькие пирожки со всевозможной начинкой или вкусные круглые печеньица.

Всякой снадобью Она поила жито
В масле.
Испекла и положила тихо
В ясли.

Как видите: колоб готов, душистый, пахучий, с маслицем, клади в рот и кушай… и тихонько Мама Христа положила его Ему в кроватку.

Заигрался в радости Младенец,
Пал в дрему.

Заснул маленький Христос и…

Уронил Он колоб золоченый
На солому.

А колоб-то был очень хорошо запеченный, с золотистой хрустящей корочкой и…

Покатился колоб за ворота
Рожью.

А младенец Христос заплакал…

Замутили слезы душу голубую
Божью.

И Мама Маленького Христа тоже расстроилась и…

Говорила Божья Матерь Сыну
Советы:
«Ты не плачь, Мой Лебедёночек,
Не сетуй.
На земле все люди человеки,
Чада.
Хоть им малую забаву
Надо.

Видите, как Божья Матерь всех любит, и маленьких, и взрослых, и нас, ваших мам и пап, считает маленькими, и тоже хочет позабавить…

Жутко им меж темных
Перелесиц.
Назвала Я этот колоб
Месяц.

Вот и просветлела от любви Божьей Матери к нам не только в лесу, в поле, в деревенских избушках, в наших многоквартирных домах, но и в наших душах и сердцах… А отсюда, наверное, пошла гулять по детским книжкам и сказка про колобок… ну а то уже другая история…

Пускай замесит тебе твоя мама
Колоб.
И поставит в холодильник
На холод.
А потом испечет его в жаркой
Печке.
Для вас, мои милые
Человечки.

***

Исус-младенец. Есенинское про аистов и деток

Собрала Пречистая
Журавлей с синицами
В храме. «Пойте, веселитеся,
И за всех молитеся
С нами!»

Милые дети, вы видели когда-нибудь Божью Матерь с журавлями и синичками? Да еще в храме, и чтобы Они пели, веселились и молились с нами? У поэта Сергея Есенина это вполне возможно.

Молятся с поклонами,
За судьбу греховную,
За нашу;
А маленький Боженька,
Подобравши ноженьки,
Ест кашу.

Смотрите, как молятся за нас журавушки и синички: поклоны бьют, отмаливают наши грехи, а маленький Христос сидит… и ест кашу, точь-в-точь как мы с вами. А потом

Подошла синица,
Бедовая птица,
Попросила:
«Я, Тебе, Боженька,
Притомив ноженьки,
Молилась».
А здесь журавль и скажи враз:
«Тебе и кормить нас,
Коль создал»
А Боженька Наш
Поделил им кашу
И отдал.

Каша, конечно, вкусная, но и поделиться надо. А дальше вот, что приключилось: сидит

В золоченой хате
Смотрит Божья Мати в небо.
А Сыночек маленький
Просит на завалинке
Хлеба.

Отдал свою кашку Младенец-Христос малым пташкам да долговязому журавлю, а самому стало нечего есть. Увидела Божья Матерь, что Сыночек Ее голодный и…

Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:
«Приносите птицы,
Хлеба и пшеницы
Немало».
Замешкались птицы,
Журавли и синицы,
Дождь прочат.

Как бы и не слышат, о дожде толкуют… А

Боженька в хате
Все теребит Мати,
Есть хочет.
Вышла Богородица
В поле за околицу
Кличет.

И никто не откликается на Ее зов, каждому есть дело только до себя…

Только ветер по полю
Словно кони, топает
Свищет.

А в это время…

Боженька Маленький,
Плакал на завалинке
От горя.

Есть-то хочется…

Плакал, обливаясь,

И вот тут-то случилось чудо:

Прилетел тут аист белоперый
Взял он осторожненько
Красным клювом Боженьку,
Умчался.
Украл что ли? Да нет, детишки. Слушайте дальше…

И Господь на елочке
В аистовом гнездышке
Качался.

В свое гнездышко он принес маленького Господа к своим деткам и покормил Его. А здесь и Божья Матерь вернулась: видно, так никого и не докликалась, чтобы дали что-нибудь поесть Ее Сынку.

Ворочалась к хате
Пречистая Мати
Сына нету.

И пошла Его искать.

Собрала котомку
И пошла сторонкой
По свету.
Шла, несла немало,
Наконец сыскала
В лесочке:

Наверное, устала Божия Матерь, притомилась, и как же она обрадовалась, когда увидела

На спине катается
У белого аиста
Сыночек.
Позвала Пречистая
Журавлей с синицами,
Сказала:

Обиделась Она все же на них , что не покормили Сыночка.

«На вечное время
Собирайте семя
Немало».

То есть трудитесь все время без устали. А потом наказала белому аисту,

Что с Богом катается
Меж веток.
Носить на завалинке
Синеглазых маленьких
Деток.

Вот так Божия Матерь отблагодарила аиста и всю его аистиную семью. И приносят аисты маленьких детишек их папам и мамам. И нас с вами когда-то принесли, и синеглазых, и сероглазых, и с карими глазками. А чтобы было недалеко нести, селятся они вблизи наших жилищ, а то вдруг дорогой расплачемся, а на уговоры у них времени нет.

Малышам в острастку
В яркий день весенний
Написал ту сказку
Я — Сергей Есенин.

А батюшка Вячеслав её рассказал.

***
Не ветры осыпают кущи,
Не листопад златит холмы,
С голубизны незримой кущи
Струятся звездные псалмы.
Я вижу — в просиничном плате,
На легкокрылых облаках
Идет возлюбленная Мати
С Пречистым Сыном на руках.

Это, кажется, васнецовская Богоматерь. Мой друг — алтарник Николо-Хамовнического храма Павел Федорович — подарил мне такую картину. Она висит у

мамы в ее маленькой комнатке. И я долгое время никак не мог успокоиться, когда принес ее домой, все смотрел и смотрел на нее, на нашу Заступницу и не мог глаз отвести. И мама была очень довольна, походит по комнатке, подойдет и опять посмотрит: Божья Матерь на облаках с Предвечным Сыном.

На легкокрылых облаках
Идет возлюбленная Мати.
С Пречистым Сыном на руках.

А вот дальше страшно становится, для чего она несет Своего Сына:

Она несет для мира снова,
Распять Воскресшего Христа:
«Ходи, мой Сын, живи без крова,
Зорюй и полднюй у куста».

Поем мы и восклицаем: «Христос Воскрес!»… и снова Его распинаем… даже не верится, что это мы… и приветствуем Воскресшего… и участвуем в Его распятии. Как же так, неужели мы такие? Здесь для нас и слов не подберешь, и не знаешь, как себя назвать, каким словом определить нашу сущность… Подумаем… И чувствуя это, Матерь Божия обращается к Нему, Своему Сыну: «Ходи мой Сын, живи без крова, зорюй и полднюй у куста». Что мы можем здесь добавить? Это *мы* оставляем Его без крова, это *мы* заставляем Его ночевать под кустом, не пускаем в свои теплые обжитые жилища, которые Он нам дал по своей милости…

Поэт зовет нас искать Господа:

И в каждом страннике убогом
Я вызнавать пойду с тоской,
Не помазуемый ли Богом
Стучит берестяной клюкой.

Стучит берестяная клюка, а ответа нет… кругом молчание… заняты мы другим, своими делами, своими заботами… а клюка стучит, стучит, может, и перестанет, и забудем о ней, и о том, Кто этой клюкой постукивает…

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях — крылья херувима,
А под пеньком — голодный Спас.

***
Шел Господь пытать людей в любови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Нищие…. они нас окружают везде… и на улице,и в храмах… Часто можно слышать на исповеди: «Прошу у Господа прощения — не подала нищему, прошла мимо, терзается от этого сердце… Как-то нехорошо на душе». Отчего нехорошо? Не подали, прошли… мы же что-то придумали в свое оправдание… спешили, всем не подашь, я сама бедная, да больно уж на нищих не похожи, или даже так: ну их всех, надоели, ноют и ноют, не дают спокойно жить… А вот Сережа Есенин, 12-летним пареньком, как хорошо чувствовал,что нищий — это Сам Господь. Его сестра Екатерина рассказывала, что, будучи подростком, Сережа после службы в храме собирал всех нищих, стоящих на паперти, и вел к себе домой. Все домашние это знали и готовили заранее обед для всех нищих, убогих, больных, юродивых, калек…

Шел Господь пытать людей в любови,
Выходил Он нищим на кулижку.

Так вот отчего терзается наше сердце, вот отчего так неспокойно на душе, когда мы проходим мимо… Самого Господа. Это Он Сам испытывал нашу любовь к нему.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке с клюшкою железной
И подумал: «Вишь какой убогой,
Знать от голода качается, болезный».
Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь…
И сказал старик, протягивая руку:
“На, пожуй… маленько крепче будешь».

Видно, не разбудишь наши сердца даже такими чудесными стихами, идущими из самой глубины души поэта.

***
Тебе одной плету венок,
Цветами сыплю стежку серую.
О Русь, покойный уголок,
Тебя люблю, тебе и верую.

Девушки плели венки и бросали в воду: куда поплывет — там и суженый… Можно просто плести венок на свою или чужую голову, а можно плести… венок для Руси и увидеть Русь в венке из полевых цветов. Какую же надо иметь веру и любовь к своей земле, к своей Родине, и какими чистыми руками плести для нее венок…

Мы стоим в храме и поем: «Верую во Единого Бога Отца Вседержителя, Творца…». Может быть, выйдя из храма, обратить нам свой взор на голубое небо и пропеть или прошептать в священном трепете: «Верую и в Тебя, моя Русь…» И отзовется Господь на *это* исповедание, и помилует Ее.

Гляжу в простор твоих полей,
Ты вся далекая и близкая,

Сродни мне посвист журавлей
И не чужда тропинка склизкая.

Человеку не чуждо ничто на земле. Можно споткнуться и упасть, а ты вставай и опять иди, знай,что Господь поможет.

Цветет болотная купель,
Куга ведет к вечерне длительной,
И по кустам звенит капель
Росы холодной и целительной.

Даже куга, болотная травка, нам помощница: иди к вечерне, помолись подольше, и отойдешь, и полегчает… А капельки Божией росы, попав на твое лицо, охладят и исцелят твои немощи.

И хоть сгоняет твой туман
Поток ветров, крылатодующих
Но вся ты — смирна и ливан
Волхвов потайственно волхвующих.

Вот это и есть наша Русь, благовонная, душистая. Помните? «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет…» Здесь и волхвы со своей звездочкой, и мы с верой в эту звезду — в звезду Рождества на нашей русской земле!

***
Красить рот в жестяных поцелуях,
Только мне, как псаломщику петь
Над родимой страной аллилуйя…

Как страшно надругались мы над своей страной. Как страшно хоронить свою страну и себя вместе с ней…

Оттого-то в сентябрьскую склень,
На сухой и холодный суглинок,
Головой разможжась об плетень
Облилась кровью ягод рябина…

Рябина не вынесла того, что порой выносит человек, разбила свою красно-огненную головушку. А человек все выносит, ко всему привыкает…. Не подлец ли он… Почаще бы нам вспоминать:

Заросший пруд и хриплый звон ольхи
Что где-то у меня живут отец и мать,
Которым наплевать на все мои стихи,
Которым я, как поле и как плоть,
Как дождик, что весной взрыхляет зеленя.

Они бы вилами пришли вас заколоть,
За каждый крик ваш, брошенный в меня….

Какая вера, какая надежда на тех, кто дал нам жизнь на этой земле… Какая уверенность в том, что родители никогда не предадут, даже когда предадут все остальные. Бог дал отца и мать, — и они грудью встанут на защиту сына или дочери. Вера в родителей сливается с верой в Родину:

Я люблю родину,
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая ржавь,
Приятны мне свиней испачканный морды
И в тишине ночной звенящий голос жаб.

До боли, до звенящей боли мы должны ее любить, молиться о тяжкоболящей России…. и она нам ответит своей любовью. Она долго и тяжело была больна, да и сейчас никак не поднимется со своего одра болезни…

«Тебе, пожалуй, скоро будет тридцать….
А мне уж девяносто…
Скоро в гроб.
Давно пора бы было воротиться, —
Он говорит, а сам все морщит лоб.
«Да!.. Время!..
Ты не коммунист?»-
«Нет!..»
«А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам…
Может пригодиться….
Пойдем домой —
Ты все увидишь сам».
И мы идем, топча межой кукольни
Я улыбаюсь пашням и лесам,
А дед с тоской глядит на колокольню.

А как мы смотрели на колокольни многие, многие годы, какие чувства испытывали, спросите каждый сам себя…

Мы все по разному
Судьбой своей оплаканы.
Кто крепость знал,

Кому Сибирь знакома,
Знать потому теперь
Попы и дьяконы
О здравьи молятся
Всех членов совнаркома.

Моя мама, слушая эти строчки, говорила: «Как же хорошо Есенин все подметил, как все хорошо понимал». Мама много ездила по монастырям, и помню, однажды рассказывала: «Сынок, была я в женском монастыре в Киеве, там власти не поминают. Разговорилась я там с одной монашкой, она мне говорит: «За безбожные власти, которые закрывают храмы и гонят верующих, молиться грех, и на это у нас есть благословение настоятельницы». Мама упоминала и другие монастыри, где твердо стояли в вере и не поминали своих гонителей. Да и в московских храмах верующие в те годы на прошение *о властех* не крестились, считая это грехом. Рассказывают, что в двадцатые годы некоторые священнослужители это прошение произносили следующим образом: «… еще молимся о богохранимой стране нашей и *областех* ея». На слух очень трудно было различить эту игру слов, и трудно было придраться, чтобы подвести под какую-нибудь статью и наказать священнослужителя. А Есенин в то время, наверное, заходил в храмы, где действительно молились *о властех*. Таких было большинство.

Путь Есенина очень сложный, противоречивый. Он признавался: «Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок», но несмотря на это, он сохранил и сберег где-то в тайниках своей души самое главное.

Изба крестьянская
Хомутный запах дегтя,
Божница старая,
Лампады кроткий след.
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущенья детских лет.

Это написано в 1925 году. А в 1923 году написал:

Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной,
Чтоб за все за грехи мои тяжкие
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

***
То ураган прошел, нас мало уцелело
На перекрестке дружбы многих лет…

Но наша вера нас хранила, она дает нам силы и сейчас…

Башка моя словно август,
Льется бурливых волос вьюном,
Я хочу быть желтым парусом,
В ту страну, куда мы плывем.

Страна у нас единственная… С ней мы жили, ложились спать и вставали, … молились, шли в церковь и на работу, женились и умирали… Она есть и будет — обновленная восстанет из пепла, воскреснет, как Христос Воскрес! Воскреснет Россия? — Россия Воскреснет!

Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь»

***

Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой тяжести полынь,
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.
Знать, у всех у нас такая участь,
И пожалуй всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси?

Русь — очень теплое слово… Здесь все — и мама, и любимая, и твой дом, и поле, и лес, и храм под боком… Очень важно, чтобы рядом с тобой был храм и твой самый близкий человек. С храмами и близкими людьми на Руси жить тепло и уютно… А если посещает что-то грустное, тяжелое, то сама же Русь человеку и помогает: через своих добрых людей, через пастырей, пасущих Божье стадо, через «калик перехожих», через нищих своих, всегда напоминающих нам о Христе… Русь — нежное и ласковое слово, Русь у нас в груди, в нашем сердце. Матушка Русь — так нежно мы только к маме обращаемся и к Матери Божией — Матушке Заступнице… У нас три Матери, всех мы любим и жить без них не можем. Стоит только одну забыть, и все в жизни вверх дном перевернется… Нельзя их разделять, Господь нам их дал, и это единство мы должны хранить: любить Русь, молиться Матери Божией, хранить, любить и помнить наших мам! Именно благодаря этому единству: *радуясь, свирепствуя и мучась, хорошо живется на Руси!*

***

Потому, что я с севера, что ли,

Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Таких раздолий, наверное, нигде не встретишь, дух захватывает, когда взглянешь и остановишься как вкопанный, если вдали появится маковка церквушки. Идти бы до нее и идти, если есть силы, потому что манит к себе, зовет… и везде-то они стояли, на пути каждого человека, напоминали о горнем. А рязанские раздолья поэта — это что-то всеобщее «расейское», всем нам принадлежащее. *«Эх, Расея моя, Расея».* И среди этих раздолий слышится «*Пою я о Боге касаткой степной».* Как же здесь не петь, не воздавать хвалу Богу, когда у нас даже луна огромней в сто раз, и никакой Шираз не сравнится с этой красотой. Послушайте:

Я готов рассказать тебе поле
Про волнистую рожь при луне.

Побыть на этом поле ночью, постоять, помолиться и увидеть, как все тварное внемлет Богу и *звезда с звездою говорит.*

Я готов рассказать тебе, поле,
Эти волосы взял я у ржи
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли,
Я готов рассказать тебе поле.

Кругом такая красота, которая захватывает, влечет к себе, дарит златые ржаные власы простому рязанскому пареньку. Помните икону «Ангел Златые Власы»? Да, по слову отца Павла Флоренского, человек мало чем умален от ангелов, и поэт вбирает в себя эту красоту и делится с нами.

Я готов рассказать тебе, поле,
Про волнистую рожь при луне,
По кудрям ты моим догадайся,
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

***

Уже светает, краской тараканьей
Обведена божница по углу
И мелкий дождь своей молитвой ранней
Еще стучит по мутному стеклу.

Что мы делаем, когда светает? Я думаю, в большинстве своем спим. Нам не до рассвета. А вот поэт, обращаясь к маме, просит: «*Разбуди меня завтра рано, моя*

терпеливая мать, я пойду за соседним курганом дорогого гостя встречать». Я вижу в этом госте Самого Господа… На удивление все в мире промыслительно. Вспомните: кто рано встает — тому Бог дает. Раньше всех, наверное, начинают славить Бога малые пташки. А мы оправдываем себя тем, что устаем. А птицы не устают? Они без устали трудятся целый день, добывая пропитание для себя и своих птенцов, и с утра славят Бога! Всякое дыхание да славит Господа! А мы дрыхнем, особенно после ночного телевизора, а птицы, наверное, смеются над нами: вот, мол, люди, нашли себе забаву, после которой не то, что славить Бога, а и умыться-то лень будет. Даже дождичек, на который мы так часто обижаемся, «*своей молитвой ранней уже стучит по мутному стеклу…»*

Мама Есенина, видно, рано вставала и молилась за своего сына Сережу и его, маленького, будила, чтобы бежал в церковь, чем раньше — тем лучше. Увидел он, услыхал раннюю молитву дождика, и сам, наверное, преклонил колени и помолился и за свою маму, и за новый Божий день, и за мелкий дождик, который послал Господь на нашу грешную землю.

И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу рожь!»

Вся и во всем Господь!

*****
И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень вслед,
Покатились глаза собачьи
Золотыми слезами в снег.

Я не знаю, может ли человек не плакать, читая эти строки. У собаки отняли щенков и утопили. А она, бедная, бежала за этим человеком, на что только надеялась, и вот их нет. *И только долго, долго дрожала воды незамершей гладь.* Как страшно… И слезы, слезы собачьи покатились звездами в снег, и удивительно — золотыми звездами… Слезы — это всегда золото, червонное, самой высокой пробы. И это золото из глаз собачьих катится в снег.

Плачет собака, творение Божие, плачет так, как не плачут некоторые мамы по своим сынкам и дочкам. Научиться бы им у этой есенинской собаки любви к своим деткам. А как красиво начиналась эта песня о собаке.

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд
Семерых ощенила сука
Рыжих семерых щенят.

«Златятся рогожи», «покатились глаза золотыми звездами»… Сколько золота в этой песне. И как печально она закончилась:

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля.

А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

А из нас, бывает, и слез не выжмешь. Ох, как слезы нам не даются, потому что что-то внутри сломалось, а починить некогда.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

***

Теперь любовь моя не та,
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.

Меня здесь больше всего волнуют эти «лужи стихов» — не ручейки, а именно лужи. Лужи стихов, наверное, могли быть только у Есенина: подошел, топнул, и вдруг… в разные стороны расплескиваются его чудесные стихи. Выдумывать или придумывать — это уже не то, это не стихи. А вот и того лучше: *стихи расплескивает лунная метла*. Эти несколько слов — уже готовое стихотворение.

***

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины.

Вместе с деревней, мне кажется, мы потеряем все человеческие ощущения. В городе — все другое. Городская дорога не может задуматься о красном вечере — там его просто не будет видно. Изба-старуха… Ведь не скажешь: дом-старуха… *Челюстью порога…* Так и видишь это: как она жует пахучий мякиш… (это хлеб горячий из печи, который ты разломил).Тишина и хлебный мякиш…

Пахучая тишина и пахучий хлебный мякиш могут быть опять только в деревне… Как хорошо, что поэт родился в деревне… Родился бы в городе, и ничего бы такого не написал… Городское — все другое…

Все гуще хмарь,
В хлеву покой и дрема,
Дорога белая узорит скользкий ров…
И нежно охает ячменная солома,
Свисая с губ кивающих коров.

Так и представляешь себе темный хлев: там коровки и теленочек, тычутся своими мокрыми мордами в подставленные руки, как бы нежно целуя тебя… Милая

деревенская скотинка, любимая крестьянами и названная самыми ласковыми именами за молоко, которое они отдают и взрослым, и маленьким. А за это им дан покой и дрема. Интересно у Есенина: не корова охает, когда жует ячменную солому, а нежно охает сама золотистая солома, *свисая с губ кивающих коров,* благодарящих хозяйку, хозяина и всех, кто за ними ухаживает. И все это Бог дал человеку как дар — совершенно бесплатно: живи, работай, благодари Творца, молись и готовься к жизни, которую не выразить никакими словами, но она есть, и манит нас и зовет… а здесь только какое-то подобие той жизни, но все равно, как хорошо…

***

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?
А за ним, по большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?

Не мы ли все куда-то бежим… Только зачем нам так бежать, кого и что догонять… Зачем нам этот чугунный поезд, мы же все из живой плоти.

Милый, милый, смешной дуралей
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Нет, не победила. Железо никогда не победит трепещущую плоть, Богом созданную.

***

Но и все ж отношусь я с поклоном
К тем полям, что когда-то любил.
В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, —
Шлю привет воробьям и воронам
И рыдающей в ночь сове.

Город задавил нас камнями и машинами… Единственная отдушина — храм Божий, он хоть и каменный, но сколько в нем воздуха… Божьего тепла. И страшно подумать, а вдруг настанет такое время, что не будет ни полей, ни лесов, ни кленов, ни воробьев, ни сов, рыдающих в ночи… а одни каменные громады, и среди этих камней живые человеческие души, созданные по образу и подобию Божию, и утратившие этот образ и подобие в природе, которую Бог сотворил столь совершенной, чтобы она давала покой душевный и телесный и радовала глаз. Кому же мы тогда будем посылать свой привет,

каким птицам? К кому воззовем из своих каменных мешков, в которые сами себя замуровали? Только к Богу. Он для нас Свет, Тепло и Любовь. Может быть, остановимся, опомнимся и перестанем копать, рыть и уродовать эту Божью землю, которая уже никогда не родит такого чудесного поэта, как Сергей Есенин. Не будет березки — и поэт не появится.

Город, город, ты в схватке жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.
Стынет поле в тоске волоокой
Телеграфными столбами давясь.

И самое страшное:

Вот сдавили за шею деревню
Каменные руки шоссе.

***

За прощальной стою обедней
Кадящих листвою берез.

Эти слова меня давно преследуют. Прощальная обедня. Неужели такая обедня будет? И все кончится, и ты уже больше не у дел, или уже там, в вечной жизни…

На земле ты уже никогда не послужишь, а там у Господа, у Творца… а вдруг и там не дадут? А без обедни ни здесь жизни не будет, ни там… Какая же вечная жизнь, если там не будешь служить… *Там не женятся, не посягают, а все, как ангелы.*

Здесь, на земле, тебе Господь дал служение ангельское у престола, а там вдруг его отнимет, и от этого страшно становится…

Березки здесь на земле совершают свое каждение листвой. К Богу поднимаются их кадильные молитвы, удивительно, как поэт это подсмотрел… А наш уход отсюда еще удивительней…

Догорит золотистым пламенем
Из телесного воска свеча,
И луны часы деревянные
Прохрипят мой двенадцатый час.

Золотистым пламенем догорает свеча нашей жизни, а тело наше — воск… были и нет нас… растаяли… и только слышен хриплый стук часов, деревянные часы… деревянный гроб, как говорили — деревянная домовина и… деревянный крест….

***

Но и все же душа не остыла.
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

Вспомнишь прожитую жизнь и думаешь: разве можно было так жить? Говорят: все прошло и быльем поросло; да видно, не все прошло, если так трогает и тревожит этот колокольчик, хохочущий над тобой. Его слезы — это твои слезы, вместе и хохочем, и плачем. Да, многое было, о чем и вспоминать-то стыдно, а вот колокольчик, не колокол, нет, напоминает, будит прошлое, колокол так не растревожит, а колокольчик попал своим хохочущим до слез звоном в самое сердце.

Чистые сердцем Бога узрят. А если сердце грязное? Страшно жить на этом свете, Господи, и скучно, если не так живешь. Мерзко на душе, пакостно и нехорошо на сердце. Что мы со своим сердцем натворили? Кого и что туда впустили? И можно ли узреть таким сердцем Бога? Смеется, заливается до слез над нами колокольчик. Я, например, слышу звон жуткий, говорящий мне: проснись, очнись, что же ты такой бесчувственный, я надрываюсь в плаче о тебе, а тебя ничем не проймешь, ты ли это? Забыл, что творил на этой земле, мерзкое, греховное? Я же *коло*-кольчик, хочу проникнуть в твою душу, *уколоть*, раз тебя и твою совесть ничем не прошибешь, плачу, смеюсь над тобой, заливаюсь, чтобы душа твоя не остыла; суп остывший и то не вкусный, есть не хочется, а ты человек, Богом созданный. Вот и пробрал меня до мозга костей этот хохочущий до слез колокольчик, и жутко стало от прожитой никчемной жизни , и только одно осталось повторять: Боже, милостив буди мне грешному и пошли слезы оплакать свои грехи.

***

А смеяться есть чему
Причина.
Ведь не так уж много
В мире див.
Ходит полоумный
Старичина,
Петуха на темень посадив…

Я видел воочию, как по Чертанову ходил старичина с петухом. Огненно-рыжий, огромный красный гребень свисал на петушиный глаз, ярко-красная борода горела на солнце. Петух сидел у старика на темени, вонзив свои шпоры ему прямо в лысину… Их окружали любопытные дети и взрослые. Время от времени петух слетал на землю и так величественно выступал, словно какой-нибудь герцог или кардинал. Старичина давал команду, и петух опять оказывался у него на плече и на темени. Увидел я это и вспомнил «Батум» Есенина. Видно петухи и старичины везде одинаковы… Чертановский петух жил на лоджии и по утрам с восходом солнца кукарекал. Соседи уже и милицию вызывали…

Я бы всем петухам
Повыдрал бы потроха,
Чтобы они ночьми
Не голосили…

А жалко, очень жалко и петуха, и старика, ведь в деревнях кричат петухи, и никого это не раздражает. Мы отвыкли, у нас теперь гудят и свистят моторы, и это тоже никого

не волнует… А каких петухов я слышал в Беляеве и Чертанове, когда рано, этак в пять-начале шестого, спешил на службу. Не надо обижать петухов и бросать их в кастрюлю. Прислушайтесь к их «кукареку», они напоминают нам о нашем падении… Помните, Господь сказал апостолу Петру: «Дважды петел не возгласит, как ты трижды отречешься от Меня»? И как горько заплакал Петр, когда услышал это петушиное «ку-ка-ре-ку», как бы говорившее: предал ты Господа.

***

Цветы мне говорят прощай,
Головками кивая низко,
Что больше не увижу близко
Ее лицо и отчий край…

Это прощание цветов, нежное, ласковое… очень трогает. «Прощай», обычно, говорят друг другу люди, а у Есенина цветы так хорошо умеют говорить, прощаются с каждым из нас и в знак печали низко-низко наклоняют свои головки: им больно, что мы покидаем их, покидаем эту землю,они к нам так привыкли…

Цветы в нашей жизни с нами неразлучны, они очень разные, как и все мы, и, наверное, все их любят… Очень любила цветы и моя матушка, разбиралась в них и меня этому научила… Самые красивые и яркие сами шли к ней в руки и становились букетом, от которого нельзя было оторвать глаз…

Весенний вечер, синий час
Ну как же не любить мне вас…

Не любить цветы нельзя: наше появление на свет, дни рождения, свадьбы… везде цветы, а когда мы уходим, они лежат рядом с нами, как подрубленные. Их скорбь, как и скорбь наших близких, неподдельна… Трудно покидать этот свет…

Как в этой жизни радей не радей…
Вот почему так тянусь я к людям.
Вот почему так люблю людей…
(…)
А люди разве не цветы?

Тогда любовь к цветам естественно звучит как любовь к людям:

Вот почему к цветам так тянусь я,
Вот почему так люблю цветы.

Любя цветы, любишь людей — любя людей, любишь цветы…, и что-то евангельское проявляется в этой обоюдной любви…

А люди разве не цветы?
О, милая, почувствуй ты,
Здесь не пустынные слова,

Как стебель тулово качая.
А эта разве голова
Тебе не роза золотая?

***

Вот так же отцветем и мы
И отшумим как гости сада…
Коль нет цветов среди зимы
Так и грустить о них не надо.

От грусти никуда не уйдешь, грусть — это не отчаяние и не уныние. Мы грустим об ушедшем лете, грустим об ушедших близких. И, конечно, зимой грустим о цветах: о полевых колокольчиках, ландышах, о васильках во ржи, вслушайтесь: «*Как васильки во ржи, цветут в лице глаза*». Помню, идем по полю с Тамарой: «Слава, вон, сорви Василёк, смотри, он же тебе улыбается, кланяется, хочет быть к тебе в букетик, его-то как раз и не хватает…» Бегу, и чуть ли ни целую, осторожно срываю — теперь наш, пойдёшь к нам в гости, хватит стоять здесь среди ржи в одиночестве, побудешь немного в домашнем уюте, постоишь под образами, помолишься вместе с нами, прославишь Творца, … а потом тихонько отцветёшь, склонишь свою головку и уснешь, успокоишься, и тихо-тихо отойдешь к Тому, Кто тебе дал, хоть и короткую, но такую прекрасную жизнь. «*Вот так же отцветём и мы, и отшумим, как гости сада…*» И уйдём ко Господу в Его великий и прекрасный Сад, где нет увядания, а вечное цветение всех цветов и вечное пребывание всех человеков и только одна радость о Господе нашем Иисусе Христе!

***

Не жалею, не зову , не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.

«Не жалею, не зову, не плачу» — все прямо по Иову: «Бог дал — Бог взял».

Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Такое увядание — Божье увядание, как увядание в природе… Да, и молодость проходит, так уж Богом все сотворено и заведено… грустить ли об этом?

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада.
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

Как бы мы ни прожили здесь нашу жизнь, но уходить отсюда мы должны по-христиански, сознавая свою греховность, признавая себя грешниками великими.

Вот за это веселие мути,

Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной.
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

***

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под метелью белой.

Леденеет человеческая душа без Бога, отпадают кленовые листики благодати, и сгибается человек под тяжестью своих грехов. Вот почему так и трогает эта песня, и когда слушаешь или читаешь эти строки, то каждый их относит к себе. Когда мы теряем веру, веру в своего Творца, и остаемся одни, вот тогда мы и становимся этим заледенелым кленом.

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что ж стоишь нагнувшись под метелью белой.

У всех нас жизнь по-своему сломана, если текла хоть какое-то время без Бога — вот и тянется душа к есенинским песням. Покачаемся немного кленом под метелью белой, поймем, как плохо без Бога, припадем ко Христу: Господи, не дай засыпать нас этой житейской метели, распрями, помоги, растопи заледенелые сердца, отогрей, взрасти опять в нас кленовые листочки благодати, чтобы мы не стояли голые и одинокие под бешеным и ледяным ветром неверия.

Ветры, ветры, о снежные ветры,
Заметите мою прошлую жизнь,
Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

***

Все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь…
Будь же ты во век благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

Задумаешься, откуда такая красота в стихе, откуда такая образность? Это какая-то Божья сказка, как будто ты и не человек, а Божья травинка, поэтому и подмечаешь льющуюся с кленов медь листьев, и кленовые листочки, тоже тленные, как и мы, нежные и хрупкие, — и все это Богом задумано и создано как единое целое. Оторвется человек от природы, останется она одна, и жизнь, благословенная Богом, закончится, и природе некому будет поверять свои тайны. Может, так надо относиться и к тайне человеческой, к тленности нашей жизни, и видеть красоту ухода из нее любого из нас,

ведь нас не ужасает падающих листьев медь, тихо льющаяся на осеннюю землю. Также тихо льется наша уходящая жизнь. И мы, Божьи листочки, уходим незаметно туда, откуда и из чего взяты. *Земля еси и в землю отыдеши…* Божий листик клен и Божий листик человек… Весь мир Божий — сказка, чудесная, с хорошим светлым концом. Здесь нужно просто повернуться к Создателю, и тогда все это увидишь: всю красоту, и умирание природы, и умирание нас, людей. А Господь нас всех принимает в свою страну, где *вечная жизнь, и нет ни болезней, ни печали, ни воздыхания,* но вся и во всем Христос. И будем там *не жалеть, не звать, не плакать,* а вечно радоваться, что Господь с нами, а мы с Ним!

***

Молча ухает звездная звонница,
Что ни лист, то свеча заре.
Никого не впущу я в горницу,
Никому не открою дверь.

Почему порой так хочется закрыться ото всех? Остаться только с Господом, с Его Пречистой Матерью, со Святыми угодниками…Святые подвижники выходили к людям, а потом опять закрывались от людских глаз, и молились, чтобы вновь, набравшись духовной силы, выйти к нам, страждущим, утешить наши скорби и помочь…

Затворюсь ото всего… Грехи ли давят, не дают покоя, чувствую, что надо молиться и молиться, а сил нет, отдохнуть бы, а потом опять молиться, может, коснется сердца благодать, и обновит, и восставит от сна греховного, и засветится день Господень радостью о Нем, Нашем Творце.

***

Льется пламя в бездну зрения,
В сердце радость детских снов,
Я поверил от рождения
В Богородицын Покров.

Иду по улице и эти строчки несу в себе, в своем сердце, и никуда от них не денешься… И думаешь: если бы у всех были такие детские сны: спишь, а над тобой Сама Богородица, и накрывает Своим Небесным Голубым Покровом. И что же тогда еще человеку надо? И как хорошо — верить в это от рождения. И какое счастье, что Божья Матерь от самого рождения с тобой, оберегает тебя и охраняет, никогда нас не забудет, не оставит ни в этой жизни, ни в будущей. Идите в храмы, преклоняйте перед Ней колени, стучите — и откроет Свою и Божью волю о вас, если сильно попросите, то обязательно поможет.

***

В стихах Есенина много Божьего, светлого, христианского, но много и грустного, темного… Люди часто строго судят о его творчестве и судьбе. Мы всегда подходим с очень строгой меркой к другим людям, но боимся заглянуть в себя, где таится столько темного и греховного… Есенина любят, читают, поют, — а значит, светлое, Божие, побеждает… Отодвигается и та тень, которая пала на него в час его кончины… То было

время, когда многие уходили из жизни не сами, их кто-то «уходил». Мама Есенина, верующая старушка, отпела его заочно, пришла ко гробу, положила земельку и разрешительную молитву. Было у этой старушки основание для церковного прощания, не верила она слухам о самоубийстве, ее материнское сердце подсказывало другое… Поверила Господу, а не людям, пошла и отпела… Блаженны чистые сердцем, яко те Бога узрят… Блаженны чистые сердцем, — они и *правду* узрят!

Давайте видеть в Есенине хорошее, светлое, а если придут мысли о темном, отбросим их и поглубже заглянем а себя, в свои души. Вспомним его строки:

Я хочу быть отроком светлым
Иль цветком с луговой межи.

Пусть таким он и остается в нашей памяти… Я прежде всего вижу в поэте его устремленность к Богу — сквозь заблуждения и падения — к спасительному милосердию и благодати. Мне и в последнем его стихотворении «*До свиданья, друг мой, до свиданья// Милый мой, ты у меня в груди…*» слышится обращение поэта к Богу — Небесному Другу, а прощальное «до свиданья» звучит как обещание скорой встречи — свидания — с Богом. Я знаю, что Есенин *там* благодарен мне за то, что я высветил в его стихах Божие, христианское, что поможет ему стать по правую сторону от Спасителя…